

КЛАССИКА И ДЕТЕКТИВА

Книги Рекса Стаута
переведены на 35 языков
и выпущены
общим тиражом
70 миллионов
экземпляров
по всему миру.

·РАЗГАДАТЬ ЗАГАДКУ, НАЙТИ УБИЙЦУ·

РЕКС
СТАУТ

Рука
в перчатке

« И Н О С Т Р А Н К А »

Иностранная литература. Классика детектива

Рекс Стаут

Рука в перчатке

«Азбука-Аттикус»

1920-1941

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44

Стаут Р. Т.

Рука в перчатке / Р. Т. Стаут — «Азбука-Аттикус»,
1920-1941 — (Иностранная литература. Классика детектива)

ISBN 978-5-389-23985-2

Рекс Стаут наиболее известен как создатель цикла произведений о Ниро Вулфе, однако в этом сборнике знаменитый сыщик уступает место другим героям. Частный детектив Теодолинда Боннер получает задание от президента промышленной корпорации: найти сведения, порочащие последователя религиозной секты, – тот вытягивает деньги у жены промышленника, а с недавних пор еще и собирается стать его зятем. Едва Дол начинает дело, как находит своего работодателя мертвым, задушенным проволокой. Но чтобы не порезаться, преступнику нужны были толстые перчатки... («Рука в перчатке») Делия Бранд арестована по подозрению в убийстве. Неудивительно, ведь у нее есть мотив, а кроме того, она прямо заявляла, что намерена застрелить человека. Однако лишь немногие знают, что Делия имела в виду вовсе не того, кого обнаружили мертвым рядом с ее сумочкой и револьвером. Когда подтверждается, что сумочку и оружие украли, Делию освобождают, и она начинает собственное расследование («Горная кошка»). Инспектору Кремеру приходится прервать заслуженный отпуск: крупный биржевой игрок Вэл Кэрю убит у гробницы своей жены-индианки. В кулаке жертвы зажат кусочек шерстяной красной нити – особой пряжи, из которой несколько веков назад индейцы ткали одеяла («Красные нити»). Алфabet Хикс – лишенный лицензии адвокат. Теперь он водит такси и иногда берется за расследования. К нему обращается Джудит Данди: муж обвиняет ее в том, что она выдает его деловые секреты конкуренту, и женщина хочет доказать свою невиновность. Однако дело о промышленном шпионаже оборачивается делом об убийстве («Алфabet Хикс»). Особняком стоит психологический роман «Почти равный Богу». С первых страниц известно, кто замыслил убийство, но что к этому привело и хватит ли духа совершить задуманное, неясно до самого конца...

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-389-23985-2

© Стаут Р. Т., 1920-1941

© Азбука-Аттикус, 1920-1941

Содержание

Рука в перчатке	8
Горная кошка	130
Конец ознакомительного фрагмента.	132

Рекс Стаут

Рука в перчатке (сборник романов)

Rex Stout

THE HAND IN THE GLOVE

Copyright © 1937 by Rex Stout

THE MOUNTAIN CAT

Copyright © 1939 by Rex Stout

RED THREADS

Copyright © 1939 by Rex Stout

ALPHABET NICKS

Copyright © 1941 by Rex Stout

HOW LIKE A GOD

Copyright © 1929 by Rex Stout

This edition is published by arrangement with Curtis Brown UK and The Van Lear Agency

All rights reserved

Издание подготовлено при участии издательства «Азбука».

© О. Э. Александрова, перевод, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2023

Издательство Иностранка®

* * *

Рекс Стаут (1885–1975) родился в городе Ноблсвилл, штат Индиана. После окончания школы он поступил в Университет Канзаса, но вскоре бросил его и завербовался в военный флот. В течение нескольких лет Рекс Стаут служил на яхте «Мэйфлауэр», принадлежащей президенту США теодору Рузвельту.

Первые рассказы Рекса Стаута стали печататься в журналах через четыре года после завершения им флотской службы, а через восемь лет он изобрел программу накопления сбережений для школьников, которая была внедрена по всей Америке и принесла автору 400 тысяч долларов (почти 9 миллионов современных долларов).

Рекс Стаут пробовал свои силы в самых разных жанрах, но основная масса его произведений – детективы. Именно они принесли Стауту шумный успех, а в особенности серия книг об экстравагантном детективе Ниро Вульфе и его остроумном помощнике Арчи Гудвине.

Книги Рекса Стаута переведены на 35 языков и выпущены общим тиражом 70 миллионов экземпляров по всему миру.

* * *

Прекрасное знание правил литературно-детективной игры, хороший слог, эрудиция создали Стауту репутацию одного из законодателей детективной моды.

Николай Белов, переводчик, критик

В чем же успех Рекса Стаута, его немеркнувшей писательской славы? После первого романа возникает желание читать еще и еще, чтобы вновь

соприкоснуться с интереснейшими персонажами, нарисованными автором с искренней любовью.

Александр Санин, переводчик

Рука в перчатке

Глава 1

Не было ничего удивительного, что в ту сентябрьскую субботу Сильвия Раффрей получила возможность побеседовать с различными мужчинами, отнюдь не заурядными, и с одной выдающейся молодой женщиной. Не было ничего удивительного и в том, что Сильвия приложила к этому минимум усилий – столько и требовалось от чрезвычайно привлекательной и состоятельной сироты, которой до двадцати одного года недоставало шести месяцев. Не слишком интеллектуальная, однако и не совсем пустоголовая, она являлась предметом скорее невинных мечтаний, нежели вождения, хотя в свое время по ней вздыхал некий простодушный виконт из Оксфорда. Сильвия была финансово независимой, но при этом не настолько, чтобы стать притчей во языцех.

Итак, когда примерно в десять часов утра Сильвия вышла из лифта на двадцать восьмом этаже штаб-квартиры химической корпорации на Тридцать девятой улице, ее хорошенькие губки озабоченно кривились, а прелестные карие глаза потемнели от тревоги, хотя и не той, что разъедает душу и лишает сна. И когда девушка, свернув направо, двинулась по широкому коридору, то ступала вовсе не тяжело, а весело и пружинисто.

Не пройдя и двадцати футов, Сильвия остановилась. Шедший ей навстречу мужчина тоже застыл как вкопанный.

Сильвия не скрывала удивления:

– Ну привет! Вот уж не думала, что вы способны забраться так далеко на юг. – Оглядев коридор, она перевела взгляд на мужчину. – Вы что, решили заняться оптовыми закупками аспирина?

– Мисс Раффрей... Надо же! – Он, в свою очередь, тоже оглядел коридор. – Тут ведь не производят аспирин?

– Думаю, нет, – покачала головой Сильвия. – Я видела, как вы оттуда вышли. Это, конечно, не мое дело, но вот уж не знала, что здесь начали делать химикаты из мозгов. Простите за неудачную шутку. В любом случае рада встрече. – Она сделала шаг вперед.

Он предостерегающе протянул руку, но не коснулся Сильвии. А лишь произнес умоляющим голосом чуть громче, чем следовало:

– Мисс Раффрей!

Она остановилась, карие глаза смотрели на мужчину с удивлением. Всегда бледный, сейчас он показался ей бледнее обычного. Тонкие волосы, чересчур жидкие для мужчины, которому нет и сорока, как всегда, прилипли ко лбу, крупные ноздри трепетали от беспрестанной работы мысли, что определенно производило отталкивающее впечатление, а блеклые пытливые глаза вылезли из орбит даже сильнее, чем обычно, в стремлении проникнуть глубже, увидеть больше. Но не это удивило Сильвию, а скорее тон голоса и эта тянущаяся к ней рука. Девушка изумленно подняла брови.

– Мисс Раффрей, я... – он сглотнул, – я вовсе не хочу показаться нахальным...

– Это не запрещено законом, – рассмеялась Сильвия. – Но я опаздываю.

– Да. Вы ведь собираетесь встретиться с мистером Сторрсом?

– Направлялась в сторону его кабинета.

– Ну да. – Мужчина поджал губы, но затем произнес: – Я бы хотел вас предостеречь... Вам не стоит с ним встречаться. Короче, не ходите к нему прямо сейчас. Лучше зайдите попозже. Он не... – Мужчина замолчал и нахмурился. – Проклятье! Это все. Зайдите к нему попозже.

Сильвия удивленно уставилась на собеседника:

– В чем дело? Неужели он напился? Вот было бы здорово! Пи Эл под мухой. А может, это вы напились? Так в чем дело? Профессор Циммерман, вы что, приняли лишнего?

– Нет. И я не профессор. Всего лишь преподаватель психологии.

– Но вы ведь ассистент профессора. Мартин рассказал мне. Узнал из похвальных отзывов на вашу книгу. А я вас так и не поздравила. Можно? Но что случилось с Пи Эл? Неужели вы занимались с ним психоанализом и совершенно его измотали? – Она бросила взгляд на наручные часы. – Боже правый! Я опаздываю уже на двадцать минут! Вы что, проводите со мной эксперимент на остроту реакции или вроде того?

– Пожалуйста! – Мужчина снова поднял руку и тут же бессильно ее уронил. – Я лишь подумал, вы меня слушаетесь, если я попрошу вас отложить встречу... Но, конечно, ошибся. Вы все поймете. Позже. Мисс Раффрей, вы наверняка поймете, что иногда ранение, почти смертельное ранение... Вы наверняка поймете, какую жертву я принес из-за преданности и что я всей душой предан?.. – Он осекся, нахмурился и, покачав головой, пробормотал: – Нет. Ладно. Вот черт! Ступайте. – С этими словами он повернулся и стремительно направился к лифтам.

Сильвия, с трудом сдержав изумленный возглас, проводила Циммермана долгим взглядом. После чего несколько раздраженно выдохнула:

– Нет, он явно свихнулся, – и устремила в конец коридора, к массивной двустворчатой двери с золотыми буквами, гласившими: «Корпорация промышленных химикатов».

Вот так в то утро внезапно закончилась ее первая памятная беседа, хотя тогда Сильвия вряд ли могла оценить всю ее важность.

Вторая беседа, на сей раз не случайная, а по предварительной договоренности, имела место в личном кабинете Питера Льюиса Сторрса, президента Корпорации промышленных химикатов. Когда девушку проводила туда обходительная молодая женщина, обязанности которой, судя по ее губам, глазам и щекам, выходили за рамки деловых аспектов производства химикатов, Пи Эл Сторрс наградил посетительницу сердитым взглядом, молча кивнул на кресло и продолжил громыхать в телефонную трубку. Сильвия села и, прикусив нижнюю губу, принялась разглядывать Сторрса. Но ничего настораживающего не увидела – ничего такого, что соответствовало бы нелепому рассказу профессора Циммермана во время случайной встречи в коридоре. Все казалось совершенно нормальным: раскатистый, нетерпеливый бас Сторрса, здоровая, загорелая благодаря гольфу кожа, шапка густых седых волос, треугольник цветного носового платка в нагрудном кармане, легкая краснота глаз, что, как знала Сильвия, было явным симптомом сенной лихорадки.

Но когда Сторрс, закончив разговор, отодвинул в сторону телефон, произошло нечто действительно из ряда вон выходящее, можно сказать беспрецедентное. Сторрс не произнес ни слова. Он просто сидел и, поджав губы, секунд десять смотрел на Сильвию. Наконец он медленно покачал головой, встал с места, обогнул стол, остановился возле кресла, на котором сидела девушка, и глянул на нее сверху вниз. Она подняла на него глаза, недоумевая, как все это понимать. Сторрс снова покачал головой, шумно вздохнул, вернулся на место, положил сплетенные ладони на стол, потер друг о друга кончики больших пальцев и бросил задумчивый взгляд на Сильвию. Все это было чрезвычайно странно. Он не стал упрекать ее за опоздание, не предложил выпить воды и явно тянул время. Сильвия не ожидала, что его может настолько выбить из колеи внезапно возникшее небольшое затруднение – небольшое для него, – и снова прикусила губу. Но затем улыбнулась:

– Я тут кое с кем столкнулась в коридоре. Со Стивом Циммерманом. Он посоветовал к вам сейчас не ходить. Посоветовал подождать и зайти попозже.

– Так прямо и сказал? – насупился Пи Эл Сторрс.

– Да, и он запинаясь, что само по себе было забавно. Вы ведь знаете, начав говорить, он не способен остановиться. И вообще, я здорово удивилась, встретив его здесь. Мне казалось, вы его на дух не переносите...

– А что еще он говорил?

– Больше ничего. Ой, он еще нес какой-то бред насчет смертельного ранения, жертвы и преданности... Как по-вашему, у него крыша поехала? По-моему, да. Я ожидала, что найду вас... Ну, я не знаю, он словно обезумел. Я считала, вы терпите его исключительно из-за Мартина. Считала, вам он не нравится...

– Так и есть. – Сторрс поджал губы, а затем продолжил: – Циммерман отвратителен. Интеллектуальный и моральный падальщик. И это называется современной психологией! Фу! – Он махнул рукой. – Что еще он сказал?

– Ничего.

– Ты вроде говорила о смертельном ранении.

– Стив просто нес какую-то околесицу. Мне показалось, он не в себе. – Сильвия снова закусила губу, но затем приоткрыла рот и выпрямилась. – Однако я опоздала и вас задерживаю. Вчера вечером у меня был долгий разговор с Дол.

– Да, ты обещала поговорить с ней, – кивнул Сторрс. – А я ответил...

– Я знаю. Но послушайте, Пи Эл. Ради бога, послушайте! Я понимаю, с вами бесполезно спорить насчет Дол: мы только поссоримся. Но я должна передать вам то, что она сказала. Есть три важных момента. Погодите-ка. – Порывшись в сумочке из страусиной кожи, Сильвия достала какую-то бумагу и бросила на нее сосредоточенный взгляд. – Итак, во-первых, вопрос огласки. Дол говорит, все нормально. Вчера я сказала вам, что статья в воскресном выпуске «Газетт» была случайностью. Лен Чисхолм...

– Пустой разговор! – Сторрс был непреклонен. – Сильвия, в самом деле...

– Погодите, Пи Эл! – Сильвия повысила голос. – Успокойтесь! И тогда сможете мыслить разумно. Лен Чисхолм раздобыл те фотографии и поиздевался над нами, и мы думали, он просто шутит, но затем редактор воскресного выпуска предложил ему за них двести долларов, а Лен остро нуждался в деньгах. Дол говорит... – Сильвия прищурилась, глядя на бумагу. – Она дает письменные гарантии, что подобное впредь не повторится. Это пункт первый. Далее, насчет того, что я провожу там слишком много времени. Лично я считаю это глупым, ведь какая разница, там я или где-нибудь еще, за исключением разве что кутузки, и вообще там ничуть не хуже, чем на собачьей выставке, да и пахнет поприятнее. Но в любом случае Дол написала: «Мисс Раффрей будет приходить в офис на совещания не чаще трех раз в неделю». Таким образом, вопрос улажен. И третий, последний пункт... Большая уступка, на которую мне пришлось пойти. Дол меня уговорила. Лично я не считаю название фирмы «Боннер и Раффрей» чем-то позорным для себя, и мне нечего стыдиться, но Дол меня убедила. Новое название будет «Детективное агентство Боннер, инкорпорейтед», и мы с Дол, как и раньше, разделим пай пополам. Она станет президентом, а я вице-президентом и казначеем. Так что нечего тут сидеть и осуждающе качать головой!

Голова Сторрса медленно и монотонно покачивалась из стороны в сторону, что было нехарактерно для человека с таким апломбом. А после слов Сильвии Сторрс застыл, мрачно уставившись на девушку, и пророкотал:

– Сильвия... мое дорогое дитя, дорогая Сильвия...

– Ой, ради всего святого! – раздраженно отмахнулась она. – Пи Эл, сантименты – это уже слишком. Давайте говорить напрямую. А так просто нечестно.

– Конечно нечестно. – Он снова покачал головой и тяжело вздохнул. – И я отнюдь не развожу сантименты. Я просто кое о чем думаю... но не сейчас... нет, сейчас не могу. Так, по-твоему, я размяк? – Его тон внезапно стал мрачным. – Не совсем так. Впервые в жизни понимаю убийц. Прямо сейчас я способен убить человека. – Он сжал лежащие на столе руки в

кулаки. – Голыми руками. Без малейшего сожаления. И мне кажется, сделал бы доброе дело. И с удовольствием... – Он внезапно осекся и ударил кулаком по тяжелому пресс-папье с такой силой, что оно заскользило по полированной столешнице и столкнулось с корзиной для бумаг. Сторрс злобно посмотрел на корзину, затем перевел взгляд на Сильвию. – Я треклятый дурак! Нет, не могу. Полагаю, сегодня вечером ты приедешь в наш загородный дом?

Сильвия не верила своим глазам:

– Боже мой, вы не в себе – никогда не видела вас таким!

– Я в порядке. – Его голос снова стал резким. – Но это... Впрочем, забудь. По крайней мере, до сегодняшнего вечера. Так ты приедешь в Берхейвен?

– Попозже, – кивнула Сильвия. – Мы собираемся поиграть в теннис и поужинать у Мартина. Джанет тоже хотела к нам присоединиться. Что-то связанное с деньгами? Я имею в виду убийство, которое вы планируете. Потому что, по-моему, у меня еще достаточно...

– Нет. Дело не в деньгах. – Он окинул ее печальным взглядом. – Да благословит тебя Бог, моя дорогая! И спасибо тебе...

– Прекратите! Опять размякли? Даже и не думайте!

– Я вовсе не размяк. Просто вспомнил, как ты настояла на покупке двух тысяч казначейских акций нашей корпорации, когда...

– Зачем это вспоминать? В любом случае я ведь ничего не потеряла?

– Слава богу, нет! На рынке ценных бумаг акции даже поднялись...

– Тогда забудьте. Пи Эл, дорогой, советую забыть и об убийстве тоже. – Сильвия поднялась с кресла, ее улыбка стала еще более неотразимой. – Впервые в жизни вижу вас в такой ярости. Вам придется постараться быть пайнкой. Сомневаюсь, что мы с Джанет приедем раньше десяти: вы же знаете, какие ужины у Мартина... Но меня уже тошнит от фазана. Когда мы поженимся, ему придется забыть о фазанах. – Она бросила взгляд на наручные часы. – Боже правый, я испортила вам утро! – Помахав Сторрсу рукой, Сильвия направилась к двери. – Ладно, передам Дол, что с ее тремя пунктами полный порядок.

– Сильвия! – взвился Сторрс. – Вернись!

Она удивленно подняла брови:

– Что?

– Сейчас же вернись! – Сторрс сверкнул на нее глазами. – Ты ведь знаешь, что я тебя насквозь вижу. Ты не скажешь мисс Боннер ничего подобного. Я на это не соглашался и ни за что не соглашусь. Надеюсь, ты не забыла о вчерашнем разговоре. С твоим участием в этом отвра... в этом предприятии следует покончить раз и навсегда.

Сильвия застыла на месте:

– Пи Эл, вы знаете, я не терплю подобного тона. В детстве я считала это нормальным, но сейчас, когда я уже выучила таблицу умножения... в конце концов, за шесть месяцев...

– Да, я знаю. В марте тебе стукнет двадцать один. – Сторрс внезапно стукнул кулаком по столу. – Черт побери, Сильвия! Я что, должен повторять? Мой тон тут ни при чем, и ты это знаешь. Я отказываюсь от всех властных полномочий, хотя до твоего совершеннолетия осталось еще полгода. Нет, только посмотри на себя! Боже мой, только посмотри на себя! Все эти три года мне казалось, что устанавливать контроль над тобой было бы... полным безумием. В истории и литературе куча примеров, когда пожилые опекуны влюблялись...

– Вы вовсе не пожилой!

Он смерил Сильвию сердитым взглядом:

– Мне пятьдесят три. Мужчина средних лет? Впрочем, какая разница? Когда пожилые опекуны влюбляются в подопечных. Я в тебя пока не влюбился, но за этим дело не станет, если мои безмозглые жена и дочь отправятся в Индию, где им самое место, тем самым дав мне возможность заняться чем-то более интересным, нежели продажа этих проклятых химикатов. Нет, я в тебя не влюблен, но ты единственный человек на свете, которого я действительно

люблю. И ты это знаешь. Тебе было пять лет, когда умерли твои родители. Я был чертовски хорошим опекуном! Ты здорова, красива, ни разу не попадала под машину, тебя не пытались похитить, и ты стоишь более трех миллионов долларов. И что самое важное, у тебя разум превалирует над чувствами. И что в результате происходит?

– Хорошо, Пи Эл, вам нет нужды...

– А то, что аферист с Уолл-стрит, оставшись без штанов, накладывает на себя руки. И так как его дочь – твоя старинная подруга, ты хочешь ее выручить. Что ж, пока все прекрасно. Но она, еще более ненормальная, чем папаша, уговаривает тебя вступить с ней в партнерство...

– Она меня не уговаривала...

– Вступить с ней в партнерство и учредить детективное агентство! Что уже само по себе ни в какие ворота не лезет. А затем она вбивает себе в голову, что ей срочно нужна реклама. Естественно. Ба! И она подстраивает слив информации в газету...

– Она ничего не подстраивала...

– И какой информации! Ты сама видела. Не только ее фото и биография, но и твое фото и биография. Мало того – боже мой! – там опубликовано мое фото и биография. История жизни опекуна леди-детектива! Возможно, тебе интересно, что я пригрозил «Газетт» иском за клевету и с удовольствием узнал, что, по крайней мере, человек, подготовивший материал, уволен.

– Вам не следовало этого делать! Пи Эл! Это был Лен Чисхолм. Я же говорила, он остро нуждался...

– Это его трудности! Сильвия, ты сказала, тебе не нравится мой тон. Я не претендую на то, чтобы тебя контролировать. Ни в малейшей степени. И не претендую на благодарность за то, что был таким хорошим опекуном. Возможно, я получал от этого больше удовольствия, чем ты. Я вообще ни на что не претендую. Нет, я говорю с тобой как друг, старый друг, который однажды собственноручно построил для тебя бассейн, а потом, надев плавки, плескался там вместе с тобой. Просто как старый друг, который любит тебя. Я хочу сказать, что если ты продолжишь поддерживать отношения – финансовые или личные – с этим треклятым детективным агентством, то поступишь против моей воли, чем вызовешь мое величайшее неодобрение и возмущение. Хочу добавить, что, если ты пренебрежешь моими пожеланиями и согласишься на своем, я буду так же наслаждаться твоим обществом всякий раз, когда ты сможешь уделить мне время, да и любить тебя стану ничуть не меньше, а с течением времени даже больше, дай только шанс.

Сильвия нахмурилась.

– Это ваше последнее слово? – сердито спросила она.

– Последнее, – насупился Сторрс. – Только через мой труп.

– Черт! – Поджав губы, она передернула плечами. – Вас не переспоришь. Мне следовало это предвидеть. Надеюсь, к воскресенью ваша сенная лихорадка вконец разыграется. До вечера.

Она зашагала к выходу, ступая пружинисто, но уже не так весело.

Стояло чудесное сентябрьское утро, время близилось к полудню, и Сильвия решила прогуляться. Продолжая хмуриться, она направилась на восток, в сторону Пятой авеню, затем двинулась на север. Она чувствовала себя обманутой, и, что самое противное, ей некого было за это винить. Она небрежно кивнула двум девушкам, которые, поравнявшись, что-то сказали ей, а еще через квартал – поклонившемуся на ходу пожилому джентльмену. Улицу заливал солнечный свет, и хотя прохожие выглядели отнюдь не шикарно, однако совсем сирыми и убогими их трудно было назвать не только внешне, но и по душевному настрою. Сильвии нравились разглядывать лица в этой пестрой толпе.

У Сорок четвертой улицы Сильвия резко остановилась, сделала шаг в сторону и преградила дорогу мужчине, который, словно трактор, расталкивал пешеходов. Ее нос был на уровне его груди – примерно на фут ниже ничем не примечательного лица с крупными чертами. Силь-

вия с улыбкой смотрела, как мужчина неуклюже сдергивает огромной рукой старый черный котелок.

– Делк! Вот уж не ожидала столкнуться с тобой здесь! Ты что, работаешь?

– Ага. Есть работенка.

– Сидишь на хвосте?

– Не-а. Кое-что вынюхиваю.

– Мелкое дело?

– Ага. Чепуховое. Насчет платья, которого так и не получила одна дамочка.

– Ой! Звучит не слишком вдохновляюще. Хотя, конечно, все зависит от того, что это за платье. Ладно, не буду задерживать. Я тебя остановила... Увидела тебя и воспользовалась возможностью сказать, что мне было приятно иметь с тобой дело... Короче, я здорово повеселилась...

Вытаращив на нее глаза, мужчина спросил с кривой улыбкой:

– Повеселилась?

– Да... Хотя мне, конечно, не следовало говорить это, прежде чем... Ты все поймешь позже... Эй! – Сильвия рванула в сторону. – Барт! – Она вернулась, энергично таща за руку молодого человека, которому теперь явно придется гладить рукав пиджака. – Знакомьтесь. Мистер Делк. Мистер Травистер. Барт, ты дурак! У вас двоих, должно быть, много общего. И есть о чем поговорить. Пока.

И Сильвия, не оглядываясь, гордо удалилась. На Сорок седьмой улице она свернула направо, затем – на Пятую авеню, вошла в холл похожего на улей огромного бизнес-центра и поднялась на лифте на тридцать второй этаж. Преодолев длинный коридор и два раза повернув, Сильвия остановилась перед дверью, табличка на которой гласила:

БОННЕР И РАФФРЕЙ, ИНК.

ДЕТЕКТИВЫ

– Черт! – пробормотала Сильвия и, открыв дверь, вошла внутрь.

Глава 2

Приемная была маленькой, но аккуратной и симпатичной. Зеленовато-кремовые стены, рассеянный свет, на полу темно-бордовая резиновая плитка; черно-красные лакированные кресла, маленький столик и вешалка для одежды с хромированной отделкой, так же как и стол у стены и казавшийся игрушечным телефонный коммутатор на нем; один только коммутатор, изготовленный по спецзаказу, обошелся Сильвии Раффрей в сотни долларов. В дальних углах, возле обращенной ко входу перегородки, располагались еще две двери; на стеклянной поверхности левой двери прописными золотыми буквами было выведено: «МИСС БОННЕР», а на правой такими же элегантными буквами: «МИСС РАФФРЕЙ».

– Привет, – поздоровалась Сильвия.

Сидевшая за письменным столом девушка, со смуглым симпатичным лицом уроженки Средиземноморья и гладко зачесанными черными волосами, ответила профессионально любезным кивком:

– Доброе утро, мисс Раффрей.

– Мисс Боннер здесь?

– У себя в кабинете, – снова кивнула девушка. – С ней мистер Фольц и мистер Пратт.

– Ой! Значит мистер Фольц тоже здесь? А я думала... – Она приблизилась к левой двери и, осторожно постучавшись, вошла.

– Здравствуй, Сильвия!

Приветствие прозвучало из уст Теодолинды Боннер – для избранных Дол, – сидевшей в кресле за письменным столом. Впрочем, хозяйка кабинета с таким же успехом могла обой-

тись и табуретом, поскольку, по своему обыкновению, сидела очень прямо, не касаясь спинки кресла. Дол метнула на свою подругу и делового партнера пытливый взгляд золотисто-карих глаз из-под черных как смоль ресниц, казавшихся еще темнее на фоне бледной, кремового оттенка кожи продолговатого лица.

– Сильвия! Куда ты запропастилась... – Мартин Фольц, вскочив с кресла, взял руки Сильвии в свои.

Его движения были робкими и нервными, как и устремленный на Сильвию взгляд серых глаз. Этот жест казался одновременно собственническим и неуверенным, но уж точно не напористым. Сильвия, освободив руку, погладила Мартина по голове.

Третье приветствие, от Силки Пратта, прозвучало как невнятное бормотание. Силки Пратт, сидевший у письменного стола, не удосужился подняться. Пратт был низеньким, невзрачным, ничем не примечательным человечком. И только внимательный наблюдатель мог заметить проблески живого ума в его острых маленьких глазках.

Мартин Фольц придвинул Сильвии кресло и, сев на место, ответил на ее молчаливый вопрос:

– Да, я действительно говорил, что буду здесь в понедельник, но передумал... Я решил прийти сегодня. – Он метнул расстроенный, нервный взгляд на Дол Боннер, затем перевел глаза на свою невесту. – Они... он приходил вчера ночью. Это случилось снова.

– Что?! – ужаснулась Сильвия. – Мартин! Не может быть!

Мартин молча кивнул.

– Да. Мы как раз это обсуждали, – ответила за него Дол Боннер низким гортанным голосом. – Пратт приехал незадолго до тебя. Я собираюсь поручить ему это дело... конечно, если не возражаешь.

– Кролики или фазаны? – спросила Сильвия.

– Четыре монгольских фазана. Прямо в вольере.

– Какой ужас! – Сильвия примостилась на краешке кресла. – Мартин, я тебе уже говорила, единственный выход – снабдить вольеры и все остальное охранной сигнализацией. А иначе тебе придется избавиться от фазанов.

Фольц покачал головой:

– Ты ведь знаешь... чтобы избавиться от фазанов... и установить сигнализацию потребуется куча денег. Мы это уже проходили. Но в любом случае... кто бы это ни был, он отъявленный шельмец...

– Боже правый, это не может продолжаться до бесконечности! Это... – Сильвия содрогнулась. – Отвратительно! Конечно, рано или поздно их все равно убили бы, но в этом есть что-то жуткое...

В разговор вмешалась Дол Боннер:

– Мы об этом и говорим. Хочешь послушать, как я инструктирую Пратта, и высказать свое мнение?

– Но, Дол, у тебя ведь есть Делк... и тот, другой, с золотыми зубами... – Сильвия остановилась и села обратно. – Ну ладно, выкладывай.

Дол Боннер дважды коснулась крошечного черного пятнышка на гладкой коже щеки под правым ухом. Это была не старомодная мушка, которую некогда наклеивали дамы, а просто-напросто симпатичная крошечная родинка, скорее отличительная особенность, нежели физический изъян. Дол повернулась к маленькому человечку в конце стола:

– Пратт, доставай блокнот. Записывай. Мартин Фольц. Вот этот человек. В двух милях к северо-западу от Огоуока, на Каслтон-роуд. Вольфрам де Руд. – Она произнесла имя по буквам. – С одиннадцати вечера до пяти утра, начиная с сегодняшнего дня. И так... – Дол развернулась лицом к Пратту. – В своем поместье Фольц среди прочего держит фазанов и кроликов. Он занялся их разведением ради развлечения, однако в последнее время стал зарабатывать на

этом деньги, а точнее, пытался зарабатывать. В поместье четверо приходящих работников, не считая шофера и Вольфрама де Руда... запишите... управляющего. В прошлом мае один из рабочих как-то утром обнаружил в открытом вольере двух мертвых фазанов. Они были подвешены за шею с помощью провода, привязанного к столбам сетчатого ограждения. Птиц задушили умышленно. Скользящий узел был затянут так, чтобы помешать квохтанью фазанов, но достаточно свободно, чтобы жертвы подольше помучились; они потеряли массу перьев. Фольц и де Руд попытались провести расследование. Безуспешно. В расследовании им помогал некий мистер Циммерман, друг Фольца, гостивший в поместье. Через неделю все повторилось, причем на сей раз были задушены уже три фазана. Фольц организовал охрану вольера в ночное время...

– А Циммерман в то время еще гостил в поместье? – писклявым тенором спросил Силки Пратт.

– Да. Хотя это вас не касается. Ваше дело – наблюдение, а не умозаключения. Циммерман – старый и очень близкий друг Фольца. Друг детства. По прошествии двух недель охрану сняли. Десять дней спустя де Руд обнаружил уже шесть задушенных фазанов. Все было точно как в прошлые разы. Они поставили...

– А что это был за провод?

– Я бы попросила. Разве я не сказала, что это вас не касается? Все следы обрывались. Они заперли домики для фазанов и обратились в полицию. Полицейские покрутились вокруг и благополучно отчалили. В начале июля были обнаружены два кролика, задушенных аналогичным образом. Кролики. Для них требовалось больше подготовки, поскольку кролики способны верещать как днем, так и ночью, но никаких звуков никто не слышал. Это записывать не нужно. Просто вы должны понимать ситуацию. Пришлось запереть все клетки и вольеры. Три недели спустя были убиты четыре фазана и той же ночью еще три кролика. Не спрашивайте меня о ключах. Они хранились там, где их при желании мог найти даже посторонний человек. Естественно, это мог сделать любой, кто находился в поместье. Де Руд мог. Даже сам Фольц мог. Мартин, в чем дело?

Она скосила на него свои золотисто-карие глаза в обрамлении черных ресниц.

– Да, я мог бы, – раздраженно ответил Мартин. – Мог бы, если бы ходил во сне. Это какой-то кошмар!

У Мартина поникли плечи, и Сильвия погладила его по руке.

Тем временем Дол Боннер продолжила вводить Пратта в курс дела:

– Это произошло шесть недель назад, когда наша фирма уже открылась. Мисс Раффрей уговорила Фольца обратиться к нам. Я убила на это кучу времени, но ни на шаг не продвинулась. Тогда я наняла Делка и еще одного человека, поручив им установить наблюдение. Это сложно, поскольку некоторые клетки и вольеры переносные, а территория занимает несколько акров. Слежка – дело дорогостоящее. Когда к концу месяца ничего не случилось, мы отозвали наших людей. До вечера прошлого четверга все было тихо-спокойно. В пятницу утром рабочие обнаружили двух задушенных фазанов. Тогда решили повесить новые замки, а старые выбросить за ненадобностью. А вчера ночью убили еще четырех фазанов. В сетке была прорезана дыра, причем достаточно большая, чтобы через нее мог пролезть человек. Фазанов обнаружил де Руд. Он вам все покажет, если вы захотите лично удостовериться.

У Пратта заблестели глаза.

– Я бы хотел узнать побольше об этом Циммермане, – жалобным голосом произнес он.

– Забудьте о Циммермане. Я же сказала, что ухлопала впустую уйму времени на изучение обстоятельств дела. Единственный прокол нашей конторы. Вы отправитесь туда за счет фирмы, потому что Фольц потратил кучу денег, ничего не получив взамен... Нет, Мартин, спорить бесполезно. Нам необходимо поймать его... или ее... а ты заплатил достаточно. Итак, поезд от вокзала Гранд-Сентрал отправляется в двадцать сорок восемь, а в Огоувок прибывает в

двадцать один сорок, еще засветло. Де Руд встретит вас на станции в Огоуоке. В коттедже, где живет де Руд, есть чердачное окно, из которого открывается прекрасный вид на вольеры и загоны. В условиях кромешной тьмы вы мало что увидите, но в ясную ночь или более-менее ясную определенно сумеете разглядеть идущего человека. Никто, кроме де Руда, не должен знать, что вы там. Вы будете покидать пост еще до того, как проснутся работники. Днем можете спать, сколько вашей душе угодно, поскольку вся работа придется на ночное время. Оплата как за восьмичасовой рабочий день плюс дополнительные сто долларов, если сумеете его поймать.

Пратт, посмотрев исподлобья на Дол, облизал губы:

– И все же, босс. Чердачное окно. Допустим, я действительно его увижу. Какая тактика?

А если он будет далеко?

– Пристрелите его! – взорвалась Сильвия.

Он поднял руки ладонями вверх:

– В темноте, мисс? Я не настолько хорош.

– Спуститесь с чердака и разбудите де Руда, – предложил Фольц.

– Шататься в темноте... – скептическим тоном начал Пратт.

– Не выпускайте его из виду, – заявила Дол Боннер. – Вы наверняка увидите, как он будет забираться в вольер, а значит, у вас в запасе будет какое-то время. Приготовьте веревку, чтобы спуститься прямо из окна. Держите под рукой фонарик и ствол. Подберитесь как можно ближе. Если он побежит, вы имеете право стрелять, но цельтесь пониже.

– Если я прицельюсь пониже, то попаду ему в живот.

– Даже и не думайте стрелять ему в живот! – Глаза Дол Боннер вспыхнули. – Да и вообще, куда бы то ни было. Просто напугайте его. А затем догоните. Он, скорее всего, жуткий трус, если крадется в темноте и душит... – Дол вздрогнула. – Вы ведь сможете его поймать, да?

– Попытаюсь. – Силки с тяжелым вздохом поднялся на ноги. – Не по душе мне всю ночь напролет сидеть на жердочке. Сроду таким не занимался. – Он направился к двери, но остановился. – Скажите, а поместье Фольца, случайно, не возле Берчхейвена, поместья Сторрса, куда я в тот раз ездил за чемоданом?

– Да, оно граничит с Берчхейвеном. Но не советую делать поспешных выводов. – Дол Боннер, встав с места, положила руку на плечо оперативника. – Поймайте его. Хорошо, Пратт?

– Хорошо, босс. До встречи!

– Погодите! – Дол повернулась к Сильвии. – Что скажешь? Это будет стоить денег. Ты ведь у нас казначей.

– Боже мой! – Сильвия, оторопев, замерла с беспомощным видом. – Ой, Дол... я кое-что должна тебе сообщить... Дол, дорогая. И вообще... а у нас есть деньги в банке?

– Конечно есть. Та тысяча, которую ты положила на счет в среду.

– Хорошо. Продолжай. Если только... Нет, продолжай.

Дол с сомнением посмотрела на свою партнершу и после секундного колебания кивком отпустила Силки Пратта. Когда дверь за ним закрылась, Дол направилась к своему месту. Со стороны могло показаться, что она плывет по воздуху, а не преодолевает его сопротивление. Наблюдая за ее движениями, люди невольно расслаблялись, ведь было так приятно видеть эту бьющую через край энергию и непринужденную грацию. Дол села, выпрямив спину, дотронулась кончиком пальца до черного пятнышка на щеке и положила руку на стол:

– Итак? Три пункта не сработали?

– Не сработали. – Сильвия, схватив перчатки, швырнула их на пол; за перчатками последовала сумочка из страусиной кожи, тяжело приземлившаяся поодаль; Фольц, наклонившись, поднял перчатки, затем встал, чтобы подобрать сумочку, и вернулся на место, после чего Сильвия с горечью добавила: – Я была готова его сожрать.

– Но... – Дол была явно сбита с толку. – А он может на шесть месяцев лишить тебя доступа к деньгам?

- Конечно нет. Впрочем, не знаю. Он не станет. Дело не в этом.
- Тогда... – Дол помахала рукой. – Хорошо. Во сколько это тебе обойдется?
- Дорого.
- Например?

– Я не должна поддерживать никаких отношений, ни финансовых, ни личных, с этим треклятым детективным агентством.

– Понимаю. Значит, вот оно как. – Дол поджала губы и, замерев на секунду, казалось, перестала дышать. – Ладно. Тогда ты больше не детектив. Должно быть, хорошо, когда рядом есть мужчина, который говорит тебе, что нужно делать. Ты ведь знаешь, я не могу вернуть твои вложения... по крайней мере, прямо сейчас.

– Ох, Дол! – с несчастным видом вздохнула Сильвия.

Фольц вскочил:

– Если я мешаю...

Сильвия велела ему остаться, на что Дол сказала:

– Мартин, это еще не все. Скоро наступит твоя очередь говорить ей, что делать. Останься и отдай дань восхищения такой добродетели, как покорность.

– Дол Боннер! – Сильвия залилась краской. – Ты не имеешь права так говорить! Ни один мужчина не сумеет добиться от меня покорности!

– Не люблю мужчин.

– Я тоже! По крайней мере... многих из них. Но здесь совсем другой случай. Пи Эл не говорил мне, что делать. Он сказал, что если я останусь здесь вопреки его воле, он ничего не станет предпринимать и не станет... меньше меня любить. В этом-то и весь ужас. – В ее голосе появились горькие нотки. – Вот как умно придумано. Он отлично знает, что я не потерплю, чтобы мне кто-то приказывал. Даже он. А еще он заявил, что не рассчитывает на мою благодарность, так как я от природы неблагодарная и от меня можно не ждать выражения признательности, даже если я и обязана это сделать. Но... – Сильвия внезапно рассвирепела. – Он также знает, что более пятнадцати лет вел себя идеально по отношению ко мне и у меня достаточно здравого смысла это понимать, а еще что я очень честная и мягкосердечная. И кроме того, его фотография... и статья о нем в «Газетт»... Это было ужасно.

– Честная? А по отношению ко мне это честно? – сухо спросила Дол Боннер, но тут же добавила: – Нет, беру свои слова назад. Достаточно честно. Если бы у меня и были претензии, а у меня их нет, то, скорее, к себе самой. За то, что дала себя уговорить... Как тебе известно, я собиралась заняться детективным бизнесом в одиночку, в маленьком кабинетике в дешевом здании...

Фольц неуверенно вступил в разговор:

– С твоего позволения... это, конечно, не мое дело... но меня всегда удивляло... почему ты выбрала детективный бизнес? С твоими способностями... с твоими связями... ты могла бы заниматься чем угодно...

– Мартин, я знаю. – Дол проявляла терпение. – Я могла бы получить работу стилиста или секретаря-референта. Открыть, например, шляпный магазин или маркетинговую фирму. Нужно ли говорить, что я этого не захотела? К тому же я не потерплю над собой никакого начальства. Ни мужчину, ни даже женщину. Поэтому я составила список видов деятельности, которой смогу заниматься самостоятельно. И все они оказались нудными и неприятными, за исключением двух-трех, и я подбросила монетку, чтобы выбрать между детективным агентством и ландшафтным дизайном. Чтобы получить лицензию, пришлось проглотить гордость и попросить об одолжении у одного мужчины. У меня не было семьи, мой отец умер банкротом, и мне следовало просто для начала занять у Сильвии тысячу долларов. Но я проявила слабость, позволив ей стать совладельцем. – Дол обвела рукой сверкающую хромом желто-голубую ком-

нату и, пожав плечами, бросила взгляд на своего бывшего партнера по бизнесу. – Сильвия, дорогая, выходит, все пошло прахом? Это конец?

– О, Дол... – с несчастным видом пролепетала Сильвия.

– Ладно. Я на четыре года старше тебя. Мне следовало знать заранее. – Дол открыла ящик стола и вынула листок бумаги с напечатанным текстом. – Я ничуть не удивлена и не глупее Пи Эл Сторрса, да и люблю тебя ничуть не меньше, чем он. Сегодня утром я подвела баланс. Из пятнадцати тысяч долларов, что ты собиралась вложить в дело, ты уже внесла девять тысяч, которые ушли на мою зарплату, меблировку офиса, зарплату сотрудников, арендную плату... Все отражено в бухгалтерский отчетах. Я дам тебе копию. У нас есть...

– Дол, прекрати сейчас же! – Сильвия залилась краской. – Не сыпь мне соль на раны!

– Я вовсе не сыплю тебе соль на раны. А отчитываюсь как президент фирмы. Мы заработали семьсот двенадцать долларов восемьдесят три цента. Дебиторская задолженность – девятьсот сорок девять долларов десять центов. Но это нормально. Они не спешат платить, так как знают, что ты не нуждаешься в деньгах. На нашем банковском счете одна тысяча сто шестьдесят четыре доллара тридцать пять центов. Стоимость наших активов составляет семь тысяч двести девятнадцать долларов восемьдесят восемь центов, правда включая стоимость мебели, хотя, конечно, когда мы ее продадим...

– Продадим мебель! – ахнула Сильвия. – Дол! Продать эту чудесную...

– Ну конечно продадим. Сильвия, дорогая, ты и понятия не имеешь, откуда берутся деньги. Ты по-прежнему веришь, что деньги приносит аист и бросает в каминную трубу... Только в твоём случае потребуется целая стая аистов. Неужели ты думаешь, я могу все это себе позволить? Одна лишь арендная плата составляет тысячу восемьсот долларов. Я пока не знаю, что будет с договором аренды, но для ликвидации фирмы понадобится адвокат, которому тоже придется платить... Ну-ну! Убирайся отсюда!

Фольц с Сильвией на секунду оторопели, но тут же сообразили, что приказ убираться относится не к ним, а к новому посетителю. Дверь кабинета распахнулась настежь, и на пороге появился олимпийский чемпион, но не из числа афроамериканцев. Высокий, ладно скроенный, кожа на открытых участках тела загорелая, точно у нудиста. Не обращая внимания на остальных, он стремительно подошел к креслу Дол Боннер и, остановившись, с чувством продекламировал:

Не убоялся он когтей тигрицы,
Не убоится и зубастой пасти львицы!

Он схватил Дол за плечи, поднял с кресла высоко над столом и, подержав так секунду, посадил на место.

Дол даже не попыталась сопротивляться, а спокойно, но с чувством сказала:

– Ты самый настоящий садист. Я ненавижу, когда меня трогают, и тебе это отлично известно.

Посмотрев на нее сверху вниз, молодой человек покачал головой:

– По-твоему, я садист? Знаю-знаю, откуда у тебя подобные мысли. Все дело в задушенных фазанах Фольца. Ей-богу, я вполне мог тебя задушить! Не надейся, что я на это не способен. Ну а если ты ненавидишь, когда тебя трогают, тебе следует получше это скрывать, поскольку искушение – такая штука, устоять перед которой невозможно. В любом случае других подходов я не знаю, и в один прекрасный день женщина, которая таится в тебе, расцветет пышным цветом, и ты смиришься. – После этой тирады он решил засвидетельствовать свое почтение присутствующим. – Привет, Фольц. Привет, Сильвия. Тебе будет интересно узнать, что, когда я захочу кого-нибудь по-настоящему задушить, моим первым клиентом станет твой опекун Пи Эл Сторрс? И я не шучу. Этот гад ползучий добился, чтобы меня уволили. – Он снова повер-

нулся к Дол. – Мне нужна работа. Я хочу к вам присоединиться. – Обнаружив стул, который освободил Силки Пратт, он сел и глубокомысленно заметил: – Впрочем, я могу с таким же успехом стать детективом, а не убийцей.

– Лен, проваливай! – Дол была непреклонна. – Мы разговариваем.

– Обо мне?

– Нет. Ты еще и эгоист. Убирайся!

– Ну и куда прикажешь идти? В кредитную компанию? На биржу труда? В Армию спасения? Ты разве не поняла, что меня уволили?

– Откуда уволили?

– Из «Газетт». После той рекламы, которую я тебе устроил, думая только о...

– О деньгах, которые ты за нее получил. Я знаю. Так ты хочешь сказать, что мистер Сторрс на тебя пожаловался?

– Я хочу сказать, он поднял целую бучу. Угрожал вчинить иск за клевету, и они сделали меня козлом отпущения. – Лен ударил себя кулаком в грудь. – Леонард Чисхолм – козел. Я практически банкрот и взбешен куда сильнее, чем может показаться с первого взгляда.

– Да. Тебе не следует сдерживать эмоции. Ты все равно взорвешься. – Дол откинула волосы назад. – Мистер Сторрс – просто милый старый дурак. Разве нет? Ничуть не мстительнее Эла Смита.

– Неправда! – вмешалась в разговор Сильвия. – Пи Эл вовсе не мстительный. Дол, я тебя уверяю! Он разозлился, что можно понять, да и ты сама всегда говорила, что Лену самое то работать в подземке. И вообще, Сторрсу нравился Лен... Когда-то нравился. Лен, послушай, сегодня днем мы собираемся поиграть в теннис у Мартина. Поужинаем и отправимся в Берчхейвен на партию в бридж. Ты поедешь с нами... если, конечно, Мартин...

– Само собой, – одобрительно кивнул Фольц. – Лен, присоединяйтесь.

– Потом мы двинем в Берчхейвен. Ну а там посмотрим. Если ты сумеешь вести себя как представитель человеческой расы, все будет в порядке. Пи Эл вовсе не мстительный.

Чисхолм посмотрел на Сильвию с сомнением в глазах и, подумав, покачал головой:

– Ой, кажется, дождь собирается.

– Да брось, Лен! Та заметка в «Газетт» была ужасной.

– Я банкрот. Пришлось заложить свой теннисный костюм.

– А вот и нет. Тебе все равно за него ничего не дали бы. К тому же мы не будем переодеваться. – Сильвия подошла к Лену и тронула его за рукав. – Лен, сделай это ради меня. Чтобы я не мучилась.

– Берегись! Шутки в сторону. – Чисхолм устремил на Дол Боннер негодующий взгляд. – Господи! Неужели ничто на свете не может заставить тебя ревновать?! Разве ты не видишь, как она и ее жених меня обрабатывают? – Лен повернулся к Сильвии. – Ладно. Садись на место. Я поеду. Но ты даже не знаешь зачем. Ты ведь слышала, как я обещал придушить этого старого хвастуна? Грех упустить такую возможность. Я загоню его под ломберный столик и использую вместо скамеечки для ног.

– Советую вести себя с ним полюбезнее, – сев на место, нахмурилась Сильвия. – И это ты берегись, чтобы он тебя ненароком не придушил. У него руки чешутся кого-нибудь убить. Он сам мне об этом утром сказал.

– Только не меня. – Чисхолм демонстрировал оптимизм. – Уж лучше бы мне умереть. Из-за него я банкрот. Значит, наш милейший Пи Эл жаждет крови? Интересно чьей? Курьера? Что-то непохоже. Спорим, он охотится за Дол. Я буду ее защищать.

– Не знаю, кто его так достал. – Сильвия продолжала хмуриться. – Разве что Стив Циммерман.

– Стив? – удивился Фольц. – Почему Стив?

– Ой, да это я так, к слову! Ты ведь знаешь, что Пи Эл недолюбливает Стива. И не способен изменить свое отношение даже ради тебя, Мартин. Сегодня утром я столкнулась со Стивом в коридоре возле кабинета Пи Эл, и Стив вел себя...

– Стив? Ты что, встретила там Стива? – Фольц, похоже, не верил своим ушам.

– Да. А почему бы и нет? Раз уж он появился в том же месте и в то же время, что и я, мы неизбежно должны были встретиться. Хотя, должна признаться, я удивилась не меньше твоего. Он говорил как-то очень забавно... Я знаю, это ему свойственно. Впрочем, чего еще можно ожидать от ученого с таким выдающимся интеллектом? Правда, мне показалось, будто он бредит... Например, он нес какую-то ахинею про смертельное ранение и про жертву во имя преданности. А затем стремительно убежал, оставив меня стоять с разинутым ртом. А когда я вошла в кабинет Пи Эл, то застала его в абсолютном трансе. Он даже не предложил мне стакана воды. Потом сжал кулаки, заявив, что способен голыми руками убить человека.

– Тогда это или курьер, или Стив Циммерман, – кивнул Лен Чисхолм. – Но наверняка не Мартин. Ведь Мартин для Пи Эл – все равно что пузырек шампанского. Ну и, конечно, не я. Пи Эл знает, что я запросто сверну ему шею. Мартин, что тебя гложет?

– Ничего. – Фольц дернулся в сторону Лена. – Разве что... Стив – мой старый друг, и иногда он действительно ведет себя нелепо... Вот я и гадал...

– Да тут и гадать нечего. Стив отправился к Сторрсу, чтобы нанести тому смертельное ранение, а Сторрс решил отплатить ему той же монетой. С этим все ясно. Подобные вещи назревают и рано или поздно лопаются, как нарыв. Совсем как моя работа. Я угробил целый год, чтобы устроиться в «Газетт». Ну да ладно! – Он повернулся к Дол Боннер. – Давай сходим на обед.

Дол покачала головой:

– Ты ведь банкрот.

– Нет. Это просто фигура речи. В любом случае у меня открыт кредит у «Джорджа и Гарри». Да и сегодня вечером я выиграю целое состояние в бридж, если ты станешь моим партнером.

Она снова решительно покачала головой:

– Я занята. А теперь вы все можете выметаться. Вас здесь никто не держит. Сильвия, я отправлю тебе по почте копию официального отчета.

– Ты о чем? – Сильвия встала с места. – Дол, не валяй дурака! Кстати, Мартин, как ты сюда добрался? На поезде, да? Ладно. У меня большая машина. Мы все вместе чего-нибудь перекусим, а потом поедem к Мартину. Вперед, друзья!

Все встали, кроме Дол Боннер.

– Счастливого пути и попутного ветра! – помахала она рукой.

Сильвия резко развернулась:

– Дол... Дол, дорогая... ты разве не едешь?

– Нет. Я серьезно.

– Ты меня ненавидишь?

– Нет, конечно. Я тебя обожаю. Ты мне нравишься. Я не могу поехать в Берчхейвен, потому что веду Дика на дневной спектакль. В понедельник он уезжает в Грешем. По крайней мере... Полагаю, что так. – Дол пожала плечами и улыбнулась. – Вздор! Конечно уезжает.

Сильвия, поджав губы, застыла на месте.

– Боже правый! – с трудом выдавила она. – Теперь ты убедилась, какова я на самом деле. Я напрочь забыла о Дике. Хотя Дик определенно не имеет никакого отношения к детективному агентству, а потому нет никаких оснований...

– Нет, Сильвия. – Глаза Дол вспыхнули. – Ты ведь знаешь... Я ничего не приму, даже от тебя.

– А почему нет?! – возмутилась Сильвия. – Почему я не могу помочь? Не будь эгоисткой. Только потому, что у тебя есть братик, которым ты гордишься, а у меня вообще никого нет... Ты ведь собиралась оплачивать чертову учебу из своей зарплаты. Ведь так? Но теперь, когда с Грешемом все устроилось, я несю за него такую же ответственность, как и ты...

– Нет! – Дол была непреклонна. – Он мой брат и больше ничей. И я действительно эгоистка. Мне не следовало об этом говорить. Я справлюсь.

– Пожалуйста! – Сильвия умоляюще всплеснула руками. – Ну пожалуйста!

Дол покачала головой:

– Я ничего не приму даже от тебя, Сильвия. Ты ведь знаешь, как пострадала моя гордость два года назад. И теперь мне приходится всячески оберегать ее от новых ударов. Нет, нет и еще раз нет. Даже от тебя. – Решение было окончательным и обжалованию не подлежало.

Сильвия беспомощно смотрела на подругу. Секунду спустя Дол отрывисто произнесла:

– Ладно. Вам, ребята, пожалуй, пора двигать. А тебе, Сильвия, наверное, стоит сказать этому кабинету: «До свидания».

– Не хочу! Не хочу на это смотреть. Я... – Сильвия подошла к письменному столу, заглянула в золотисто-карие глаза своей бывшей партнерши и, взорвавшись, спросила: – Дол, неужели я настоящая дрянь? Вот черт! – Сильвия повернулась и выбежала из комнаты, Фольц последовал за ней.

Дол внимательно посмотрела на бывшего репортера:

– Давай, Лен, проваливай!

Чисхолм наградил ее сердитым взглядом:

– Только вместе с тобой. Пойдем поедим.

– Лен Чисхолм... – В голосе Дол послышались ледяные нотки. – Тебе нужна эта работа. Нужно быть прагматиком. Беги!

Лен размахисто зашагал к двери, затем повернулся, словно нищий, протянул свою длинную руку и гнусаво заныл:

– Сестрица, подай, Христа ради, десять центов на пропитание! – С этими словами он распахнул дверь и был таков.

Дверь за ним захлопнулась, и Дол, уже не таясь, вздрогнула. Дождавшись, когда стихнут шаги в приемной и закроется дверь в коридор, она положила руки на голубую лакированную столешницу и уронила на них голову. Нет, она не плакала, поскольку ее красивые плечи, обтянутые тонким шерстяным желто-коричневым платьем, и голова под шапкой светло-каштановых волос оставались неподвижными.

В таком положении она находилась минут десять, как вдруг кто-то тихо постучал, а потом осторожно приоткрыл дверь.

Дол резко выпрямилась:

– Войдите. – (В кабинет вошла секретарша.) – Да?

– Какой-то мужчина хочет знать, будете ли вы на месте в час дня. Сейчас без двадцати час.

– Что за мужчина?

– Он не представился. Судя по голосу, человек солидный.

– Возможно, и так. Хотя это не имеет значения. Я буду на месте.

Секретарша ушла. Когда дверь за ней закрылась, Дол направилась к окну и немного постояла, глядя на крыши и расщелины между домами. Затем, сладко потянувшись, тщательно одернула платье. Походила по кабинету, трогая то одно, то другое, и наконец остановилась перед висевшей на стене между окнами картиной – прекрасной гравюрой с изображением скучного громадного здания, внизу которой было написано: «Новый Скотленд-Ярд». На самом деле Дол смотрела вовсе не на картину. Девушке не нравилась гравюра, она находила ее то ли претенциозной, то ли нелепой, а может, и такой и такой. Гравюру выбирала Сильвия, счи-

тавшая, что та воплощает их идеал. Но сейчас Дол Боннер думала о другом; ее практический, нетерпеливый, одинокий ум не слишком-то занимали идеалы, будь то поставленные задачи или украшения. Внезапно Дол решительно отвернулась от окна и направилась в приемную, где подошла к письменному столу секретарши:

– Марта, мне нужно кое-что тебе сообщить. У тебя есть ровно неделя на поиск новой работы. Или тебе нужны две недели?

– Но почему... Мисс Боннер... – Лицо девушки пылало. – Я думала...

– Мы закрываем офис. Увольняемся. Ликвидируем фирму. Если нужно, ты получишь зарплату за две недели. Ты отличный работник и в любом другом месте сможешь получать гораздо больше, чем здесь. У меня масса знакомых. Я с удовольствием окажу кому-нибудь любезность, посоветовав нанять тебя.

– Ой... Я без труда куда-нибудь устроюсь. – Значит, слезы на глазах Марты объяснялись чем-то другим. – Но было так приятно работать с вами и мисс Раффрей... Вам правда не нужно... ликвидировать фирму...

– Только не утони в слезах. Хотя, возможно, пустить слезу будет не вредно. Лично я никогда не умела плакать... Иметь возможность промыть трубы и дать выход эмоциям, должно быть, очень удобно... Боже правый, ты действительно...

Влетев в кабинет, Дол подошла к письменному столу. Она определенно чувствовала себя не в своей тарелке и была раздражена, но не в депрессии. Впрочем, нет худа без добра. Дол не хотела терять Сильвию, потому что любила ее и восхищалась ею, однако теперь можно будет ни на кого не оглядываться. Правда, придется довольствоваться дешевым, обшарпанным кабинетом, а Дол за свою жизнь успела привыкнуть к хорошим, даже элегантным вещам. Впрочем, детективное агентство не должно походить на салон красоты. Возможно, прежде, чем ей удастся встать на ноги, придется отказаться от денег Сильвии и найти другой источник финансирования, но бремя долгов не будет так тяготить, когда она выплатит их с процентами. Дик в любом случае должен отправиться в Грешем. Младший брат это заслужил, а иначе Дол перестанет себя уважать. Она сидела и размышляла об этих и других связанных с ними вещах, например о том, что ей следовало употребить свои способности для решения проблем некоторых клиентов детективного агентства «Боннер и Раффрей»: найти платье стоимостью 400 долларов, бесследно исчезнувшее на пути из салона Элизабет Хас в квартиру Аниты Гиффорд на Пятой авеню; обнаружить местонахождение призера Силихема, отсутствие которого приводило в ярость полковника Фетерси; раскрыть тайну задушенных фазанов Мартина Фольца; выяснить серьезность намерений шоуерл Лили Ломбард относительно юнца по имени Харольд Айвз-Битон и его намерений относительно вышеупомянутой девицы. Однако в данный момент Дол мысленно была настолько далека от этих проблем и окружающей действительности, что не услышала звуков, сопровождающих появление постороннего в приемной.

В дверь кабинета постучали. Дверь открылась и снова закрылась. Вошла Марта. Глаза у нее были красные.

– Мисс Боннер, к вам посетитель. Пришел мужчина, который вам звонил.

– О... Он вспомнил свое имя?

– Я... я не спросила. Мне узнать?

– Пусть войдет, – покачала головой Дол.

Секретарша вернулась в приемную, оставив дверь открытой, и буквально через секунду в кабинете возник мужчина. Марта осталась стоять на пороге. При виде посетителя за черными ресницами Дол промелькнуло удивление, но голос ее оставался твердым.

– Здравствуйтесь, мистер Сторрс. Марта, можешь идти. Ты мне больше не понадобишься.

– Мисс Боннер, я могу остаться, если хотите.

– Нет, не хочу. Делай, что тебе говорят. Увидимся в понедельник.

Марта попятилась, держась за ручку двери. Пи Эл Сторрс подошел к письменному столу Дол. Снял шикарное пальто, положил на стул, сверху водрузил шляпу, пододвинул себе свободное кресло и пророкотал:

– Думаю, мой приход вас удивил. Я не стал представляться по телефону, так как, зная ваш темперамент, опасался, что вы сбежите.

– Сбегу? – Дол удивленно подняла брови. – От вас?

– Ну да. Уязвленное самолюбие. Обида, – кивнул Сторрс. – Насколько я понимаю, сегодня утром Сильвия поехала от меня прямо сюда. Вы, естественно, в бешенстве.

– Меня не так-то легко привести в бешенство, – усмехнулась Дол. – Полагаю, вы влезли не в свое дело, но это кажется...

– По-вашему, та статья в «Газетт» – не мое дело? – Сторрс слегка покраснел. – Эта возмутительная... – Он осекся. – Впрочем, все это разговоры в пользу бедных. Я пришел сюда по другой причине.

– Вы первый начали, – вкрадчиво заметила Дол. – Темперамент. Ярость, уязвленное самолюбие...

– Забудьте! Я пришел сюда вовсе не ссориться, хотя и не извиняться. Однако мое отношение к Сильвии и той мерзопакостной газетной статейке никак не касается моего восхищения вашими способностями. Я давно за вами наблюдаю и отлично понимаю, что вы на редкость компетентная особа. И хочу нанять вас для выполнения кое-какой работы.

– Работы? – удивилась Дол. – Я ведь детектив.

– Эта работа как раз для детектива. Дело очень конфиденциальное и сложное.

Дол с нескрываемым подозрением посмотрела на Сторрса и покачала головой:

– Думаю, нет. Я ценю вашу доброту, но если вы думаете, что слишком сурово обошлись с бедной девушкой, самостоятельно пробивающей себе дорогу в жизни, и теперь хотите это исправить, то спасибо большое, но нет. Это вовсе не обязательно. Я отнюдь не против благотворительности для тех, кто в этом нуждается, но категорически против подачек лично для себя. – Дол улыбнулась и решительно заявила: – Благодарю покорно!

– Не стоит меня благодарить. – Сторрс ответил на ее улыбку сердитым взглядом. – И не советую бежать впереди паровоза. Научитесь обуздывать свои мысли. У меня нет никакого желания что-либо исправлять. Даже если бы я хотел это сделать, то сейчас у меня и так забот полон рот. Я никогда ни с кем не обсуждал свои личные дела, хотя, может, и стоило бы. Вероятно, тогда я избавил бы себя, да и других тоже, от лишних потрясений. Думаю, настало время немного поболтать, хотя то, что я расскажу, уверен, ни для кого не секрет. Например, вы в курсе, что моя жена – круглая дура?

– Естественно. Это же очевидно, – спокойно кивнула Дол.

– Черт! – Сторрс поджал губы, но затем продолжил: – Полагаю, так оно и есть. Мне нравится ваша прямота. Судя по всему, вы достаточно благоразумны. Оставим в стороне благотворительность. Я хочу, чтобы вы выполнили для меня кое-какую работу. Могу я задать несколько вопросов? – Дождавшись кивка Дол, Сторрс спросил: – Что вы знаете о Лиге западных последователей Шакти?

– Очень немного. – Дол порылась в памяти. – Поклонение Шакти основано на культе женского первопринципа божественной жены Шивы. У нее много имен: Дурга, Кали, Парвати. Шива – божество верховной триады, он воплощает идею разрушения, а также силу созидания и возрождения, поскольку созидание – последствие разрушения. Он также покровитель искусств, особенно танцев. Короче, старая восточная ерунда. Вдохновитель Лиги западных последователей Шакти – некий Джордж Лео Рант. Вы знаете мистера Ранта.

– Да, – помрачнел Сторрс. – Я знаю его. Но я не знаю, подходите ли вы для подобного дела, мисс Боннер. Похоже, вы тоже набрались этих идей.

– Отнюдь. Я встречалась с мистером Рантом только у вас дома, а еще как-то раз слышала, как он объяснял, что такое жизнь, Вселенная и прочее.

– Значит, вы полностью свободны от его влияния?

– Господи помилуй, ну конечно да! – Дол едва заметно поежилась.

– Когда я говорю, что хочу нанять вас для выполнения кое-какой работы, то имею в виду не бездельников, услугами которых вы пользуетесь, а лично вас. Вы сможете работать над этим делом в одиночку?

– Если я приму ваше предложение и меня устроит оплата.

– Она вас устроит. Считаете ли вы конфиденциальность непременным условием отношений с клиентом?

Дол выразительно подняла брови:

– Мистер Сторрс... я вас умоляю! – Она передернула плечами. – Да.

– Хорошо. Тогда я скажу вам, что сегодня случилось такое, чего я меньше всего ожидал. Нечто уму непостижимое. Это заставило меня посмотреть на проблему новыми глазами. Расчищая завалы, я должен избавиться от всех, кто мне мешает. Я получил приличную встряску. И теперь, в свою очередь, собираюсь кое-кого встряхнуть. Итак, о вашей задаче. За прошлый год этот самый Джордж Лео Рант вытянул из моей жены около тридцати тысяч долларов на свою треклятую лигу. Жена заглотила наживку вместе с крючком, и теперь его можно вытащить лишь хирургическим путем. Неделю назад я сказал жене, что заблокировал ее банковский счет, наличности она тоже больше не получит, а все счета я буду оплачивать сам. Однако мужчина не может так жить с женщиной, на которой женат... Черт возьми, есть масса других баб куда хуже моей жены, ей лишь нужно перестать витать в облаках! Я не отказал Ранту от дома, ибо в противном случае жена будет слушать его галиматью в другом месте. Мерзавец держит всех остальных на коротком поводке и организует собрания адептов. Вчера жена заявила мне, что если не сможет жертвовать деньги лиге, то ей придется стать паломницей и, завернувшись в сари из мешковины, посещать разные места за сотни миль отсюда. Впрочем, меня ни капли не удивит, если она купит сари в универмаге «Бергдорф Гудман»¹, а счет отправит мне. Вы ее достаточно хорошо знаете? Как, по-вашему, с нее станется?

– Думаю, станется, – кивнула Дол.

– Хорошо. Но это только полбеды... – Сторрс вдруг замолчал; выставив подбородок, он долго сверлил Дол глазами, после чего не торопясь продолжил: – Мисс Боннер, я рассчитываю на ваше благоразумие. Рант собирается жениться на моей дочери Джанет. Моя жена вчера меня этим припугнула. Припугнула меня!

– Неужели?

– Да. Быть может, я свалил дурака, но такого я точно не ожидал. Мало того... на проверку оказалось, что я абсолютно бессилён...

– А вы обсуждали эту тему с Джанет?

– Дочь присутствовала при моем разговоре с женой... практически от начала и до конца. И все слышала. Жена намекнула на то, что свадьба может состояться в следующем месяце, на следующей неделе, завтра. Джанет двадцать шесть лет. Она сидела и буквально смотрела матери в рот. Впрочем, не вам это объяснять. Что касается дочери, то тут я потерпел фиаско. Я никогда не понимал ни единого слова из того, что она говорит, и лишь тщеславие заставляло меня полагать ее нормальной. Правда, ее стихи печатаются в журналах, и она окончила колледж... хотя, как я заметил, считать она вообще не умеет. Но при всем при том она моя дочь, и я растил ее вовсе не для того, чтобы она выходила замуж за такого прохвоста, как Рант. Причем едва ли не завтра! Ей-богу, с нее станется! Вы мою жену знаете. Не могу же я запереть их в подвале и кормить через окошко в двери. Или могу? – Сторрс развел руками. – Мисс

---

¹ «Бергдорф Гудман» – знаменитый магазин в Нью-Йорке с товарами класса люкс.

Боннер, я абсолютно бессилен. Я перебрал все варианты. И в результате пришел к вам. Я хочу, чтобы вы устранили этого Ранта. – Сторрс сел на место.

Дол спросила, пряча улыбку:

– Вы хотите, чтобы я его замочила? Так сказать, уколошила? Собственноручно?

Сторрс не улыбнулся шутке. Впрочем, слегка успокоился.

– Если бы я собирался его убить, то вполне справился бы с этим сам, – мрачно заявил он. – Нет, я хочу избавиться от него, и мне не важно как. Моя жена, хотя и витает в облаках, – ярая сторонница общепринятой морали. В прошлом Ранта наверняка полно аморальных поступков. Докажите это и тем самым дискредитируйте его. Не исключено, что он сидел за решеткой. Найдите темные пятна в его биографии. Внешне он похож на грека. Было бы хорошо, чтобы он и впрямь им оказался. Жена считает греков негодяями, потому что те разгромили персов и разрушили их храмы. Это может показаться смешным, если бы не было так грустно. Про грека это я так, к слову, ведь есть и другие идеи, но смеяться тут не над чем. Хочу внести предложение. Пусть в прошлом Ранта покопается кто-нибудь, кто это умеет. А вы пока обработайте прохвоста лично. У вас получится. Типа вы тоже интересуетесь культом проклятой Шакти. Постарайтесь отвлечь его от Джанет. Скажите, что получили в наследство миллион долларов. Но будьте начеку и заставьте его попрыгать. Впрочем, не мне вас учить. Я знаю, вы женщина умная. Быть может, вам удастся его уничтожить независимо от наличия на него компромата. Можете прямо сегодня приехать ко мне домой и сразу взять быка за рога. По субботам он всегда ошивается у нас. Его наверняка можно застать около шести вечера. Вы с ним могли бы договориться о встрече. Я скажу, что пригласил вас... Или в пять тридцать... – Сторрс насупился.

Дол сидела, задумчиво разглядывая посетителя. Молчание затянулось. Сторрс первым нарушил его:

– Ну ладно... Может, вы хотите получить какую-нибудь наличность? В качестве аванса.

– Нет, спасибо. – Дол выпрямила и без того прямую спину. – Итак, Рант явно перегнул палку. А значит, за ним водятся грешки. Мистер Сторрс, работа предстоит грязная, но настоящему детективу приходится общаться не только со святыми и праведниками. Так и быть, я займусь этим, но счет будет солидным.

– Нет проблем, за мной дело не станет.

– Да, я знаю. Видите ли... мне кажется... – Дол замялась, но потом продолжила: – Поскольку вы мне платите, то вправе извлечь пользу не только из того, что я узнаю, но и из того, что мне уже известно. Ваша жена блефует.

– Блефует?! – Сторрс, не скрывая удивления, фыркнул. – Мисс Боннер, это не самое удачное начало. Клео Одри Сторрс блефует? Если уж она раскочегарится, то остановить ее все равно что пытаться пустить под откос пассажирский экспресс, прыгая перед паровозом.

– А вот и нет, – покачала головой Дол. – Жаль, я не могла ставить пять центов всякий раз, как вы ей уступали без всякой необходимости. Ваша семейная жизнь – это длинная череда ненужных капитуляций. Вы совсем не знаете свою жену, впрочем, как и свою дочь. У миссис Сторрс масса достоинств, и вам это прекрасно известно, пусть даже она витает в облаках и пускает ваши деньги на ветер. При всем при том она отчаянно блефует. Это я поняла еще тогда, когда во второй раз навещала Сильвию в вашем доме.

– Не верю, – вытаращил глаза Сторрс.

– Придется поверить. И вам сразу станет легче. Взять, к примеру, угрозу вашей жены выдать дочь за Ранта. Миссис Сторрс даже при большом желании не способна это осуществить, о чем ей прекрасно известно. По крайней мере, до тех пор, пока Сильвия не выйдет замуж. И все потому, что Джанет по уши влюблена в Мартина Фольца, а надежда умирает последней.

На сей раз Сторрс от изумления потерял дар речи. Он ошарашенно вылупил глаза на Дол. И наконец с запинкой произнес:

– М-м-мартин? Джанет?

– Наверняка вы этому тоже не верите, – кивнула Дол.

– Боже мой, нет! – Он подался вперед. – Но все это... и Сильвия... это будет хуже, чем Рант...

– Да ладно вам, мистер Сторрс, – профессионально успокоила его Дол бархатным, задушевым голосом. – Вы, конечно, растеряны. Все обойдется. Ваша дочь Джанет из тех женщин, которые способны извлечь максимум пользы, включая множество новых стихов, даже из неразделенной любви после крушения всех надежд. Вам, естественно, небезразлично благополучие Сильвии. Насколько мне известно, вы одобряете Мартина. Я тоже, хотя он и мужчина. Их счастью ничто не помешает. Мартин и Сильвия поженятся и будут жить долго и счастливо. К Джанет снова вернется аппетит, а ее стихи будут помещены в антологию. Не то чтобы ее страсть ненастоящая, но и чувства тоже проявляются по-разному.

– Страсть. Джанет, – пробормотал Сторрс и с неожиданной яростью набросился на Дол. – Откуда вам это известно? Вы хотите сказать, Мартин крутил с ней шашни?

– Боже упаси! Ну конечно нет! Мартин не имеет к этому никакого отношения. Даже если все его знакомые женщины, кроме Сильвии, вдруг занедужат и слягут в постель, Мартин не пошлет им даже увядшего цветочка. По-моему, вам совершенно не о чем волноваться. Я уверена. А значит, проблема устранения Ранта не является настолько насущной. Вы по-прежнему хотите, чтобы я прямо сегодня приступила к работе?

– Полагаю, что так. Да, хочу. – Сторрс резко поднялся. – У меня слишком много... слишком много... – Он посмотрел на Дол невидящими глазами, после чего взял пальто и шляпу; Дол, в свою очередь, уставилась на Сторрса, пораженная жалобными нотками в его голосе. – Я собирался сегодня днем поиграть в гольф. Но не могу. Зачем Господь сотворил этот мир, если все здесь... все здесь чертовски... – Сторрс осекся, а затем произнес: – Простите, мисс Боннер. Обычно я изъясняюсь более связно. Так мы увидимся вечером в Берчхейвене? Я бы хотел с вами встретиться, как только вы приедете.

– Примерно в шесть вечера, – кивнула Дол.

Сторрс ушел. Когда за ним захлопнулась наружная дверь, Дол приблизилась к картине с изображением Нового Скотленд-Ярда и, обращаясь к ней, сказала:

– Смотри и учись. Все будет хорошо.

Глава 3

В свое время поместье Берчхейвен занимало сто девяносто акров, но сейчас его площадь сократилась до восьмидесяти пяти акров. Когда в 1932 году химическая промышленность оказалась на дне пропасти, Пи Эл Сторрсу пришлось принять даже более радикальные меры, чем дать разрешение Сильвии Раффрей выкупить часть акций его корпорации. Среди прочего он продал более половины своих земель строительному синдикату. К счастью, синдикат так и не приступил к освоению территории, и Пи Эл начал переговоры об обратном выкупе своих земель. Тем не менее в его распоряжении остался самый лакомый кусок земли со всеми строениями, включая спускающийся к ручью лесистый холм, извилистую подъездную дорожку, парк, фруктовый сад, огород, кусты и вечнозеленые растения, посаженные еще отцом Сторрса, а потом и им самим, плавательный бассейн и пруд с лилиями для разведения рыбы, конюшни, псарня, лужайки и теннисный корт.

Если забраться на конек крыши дома, то оттуда открывался потрясающий вид на окрестности: гряды гор по обеим сторонам, пролив на востоке, Нью-Йорк и океан на юге; на переднем плане располагались рощи и луга самого поместья, а за конюшнями, по ту сторону холма, начинались более скромные владения Мартина Фольца, куда вела вьющаяся между деревьями дорожка, по которой можно было добраться буквально за десять минут.

Когда в субботу, в шесть вечера, Дол Боннер въехала на автомобиле, являющемся собственностью фирмы «Боннер и Раффрей, инк.» и подлежащим ликвидации вместе с остальными активами, по извилистой дорожке на гравийную площадку перед окаймленной кустами террасой, то, к своему удивлению, услышала шум, доносившийся со стороны теннисного корта. Чтобы понапрасну не ломать голову, Дол решила направиться прямо туда. Кивнув появившемуся в дверях Белдену, дворецкому, она захлопнула дверь автомобиля и пошла по тропинке, змеившейся по склону холма. Поверх своего желто-коричневого шерстяного платья Дол надела свободный красный жакет, а на голову – коричневую шляпку типа тех, что носят или не носят тирольцы.

Никем не замеченная, Дол остановилась возле столов и стульев. Сильвия и Лен Чисхолм сражались на корте, вкладывая больше энергии в выкрикивание оскорбительных эпитетов, чем в само сражение. Джанет Сторрс, стоявшая сбоку от сетки, задумчиво крутила кончиками пальцев стебель золотарника. Мартин Фольц, впав в мрачную задумчивость, развалился в кресле со стаканом недопитого крепкого алкоголя в руках. Стив Циммерман, сидевший в соседнем кресле, шурился сквозь стекло декантера для хереса на заходящее солнце, то ли любуясь цветом напитка, то ли пытаясь определить оставшийся объем.

Дол подошла к Фольцу:

– Привет, Мартин! Что там у тебя? Ирландский виски?

Мартин, погруженный в апатию, ставшую для него чем-то вроде теплоизоляции, посмотрел на Дол без удивления, хотя и не слишком приветливо.

– Бурбон. Впрочем, наверняка найдется и ирландский виски. Напитки на столике возле Стива.

– Брюзга, – сладким голосом пропела Дол.

– Эй, Теодолинда! – послышался чей-то крик.

Конфликт на корте тотчас же прекратился, мяч откатился в дальний угол. Сильвия рысцой подбежала к подруге, Чисхолм трусил следом.

– Дол, дорогая! Ты что, успела по нам соскучиться? – поинтересовалась Сильвия. – А я уже вытрясла всю душу из Лена.

Лен, легкий на помине, подошел к ним нетвердой походкой:

– Теодолинда, любовь моя, ты опоздала. Если бы ты приехала два часа назад, я бы так не наклюкался. Я страдаю.

– И вовсе он не наклюкался, – пренебрежительно отмахнулась Сильвия. – Это просто отмазка.

– Очень похоже на него, – кивнула Дол. – Умираю от жажды. В этом доме найдется ирландский виски и немного воды, чтобы разбавить? – Подойдя к столу с бутылками и стаканами, Дол кивнула Циммерману. – Привет, Стив. Как дела с вправлением мозгов? – И пока Сильвия наливала ей выпить, продолжила: – А мне казалось, вы, ребята, должны быть у Мартина. Разве не это стояло в программе? Лично я заскочила сюда исключительно из вежливости. Пи Эл Сторрс решил проявить благородство и позвонил мне прямо в офис, чтобы пригласить сюда...

– Дол! Неужели?! – Сильвия протянула подруге стакан. – А он не сказал... Он, случайно, не взял назад все, что говорил мне сегодня утром?

– Нет. Ты от него слишком много хочешь. Он не дал задний ход, а просто проявил терпимость... В любом случае Пи Эл пригласил меня в Берчхейвен. Вот я и решила сперва заскочить к нему, а после присоединиться к вам у Мартина. Посмотрела с Диком спектакль, затем отправила его на такси к Фергюсонам и покатила сюда, как валькирия, только не на крылатом коне, а на авто. – Сделав два приличных глотка, Дол одобрительно кивнула и снова приложилась к стакану. – А теперь мне стоит из вежливости найти миссис Сторрс, ведь я пью из ее посуды. Значит, вы не поехали к Мартину?

– Ну да, мы... – Махнув рукой, Сильвия прикусила губу. – Короче, мы там были. Мужчины – жуткие дураки. Знаю, ты всегда так считала, а вот мне свойственно заблуждаться. Лен не слишком хорошо себя вел, а Мартин попытался с ним тягаться. Вот я и ушла. Мартин подтянулся позже. Полагаю, мы с ним не разговариваем, но скоро помиримся.

Лен во всеуслышание провозгласил:

– Он форменный идиот! Сильвия пыталась меня утешить. Ведь ты меня бросила, да к тому же я теперь безработный. Но я отбивался как мог. И тут Мартин начал шипеть и корчиться, а поскольку я приехал...

– Лен, ты чудовище! – сердито сверкнула глазами Сильвия. – Мартин не шипел и не корчился, а просто разозлился...

Лен прибавил громкости:

– А так как я приехал лишь для того, чтобы пасть на колени перед Пи Эл Сторрсом, то двинул напрямик сюда. Сторрса не оказалось дома. В саду его тоже не было. Я немного побродил вокруг, и тут появилась Сильвия. Она умоляла позволить ей обыграть меня в теннис и послала за выпивкой. – Он посмотрел на Дол с дурацкой ухмылкой. – Я рассказываю все это исключительно для того, чтобы не лишать тебя последних иллюзий насчет меня. А иначе наша любовная лодка пойдет ко дну. У меня и в мыслях не было... Правда, мисс Сторрс? Дол, ты здесь уже полчаса и не могла не заметить, что всякий раз, как я прикладываюсь к стакану...

– Заткнись, Лен! – Дол решила расширить круг общения. – Джанет, как поживаешь? Не обращай на него внимания. Какое милое платье... А шарф... Это работа Коры Лейн?

– Да, – ответила Джанет Сторрс.

Высокая, выше Дол и Сильвии, она могла бы считаться даже привлекательной, если бы не слишком крупный нос, виной чему могли быть или аденоиды, или голубая кровь. Серые глаза Джанет казались то ли сонными, то ли тусклыми, подбородок слишком острым, шея и плечи величественными, но негнушимися, а движения замедленными. Она преуспела в стремлении выглядеть загадочной, и при первом знакомстве невозможно было точно сказать, кем именно она, собственно, являлась: валькирией, ехидной или просто молодой бездельницей, любившей по утрам понежиться в постели. Голос – высокое сопрано, слегка режущее ухо, но с интригующими переливами.

Девушки затеяли оживленный разговор. Лен Чисхолм, бочком подобравшись к столу, смешал себе коктейль и теперь смотрел сверху вниз на Стива Циммермана. Тот мазнул Лена равнодушным взглядом, что для столь опытного физиономиста было не совсем характерно. Чисхолм многозначительно подмигнул, передернул широкими плечами, ополовинил стакан и снова подмигнул Циммерману. Тот, не меняя выражения лица, отчетливо произнес:

– Параноик.

– Меланхолия, – рывкнул Лен. – Раннее слабоумие. Шизо... чего-то там. Раздвоение личности. Нет, три, четыре, пять и так далее личностей в одной. Я тоже знаю много красивых слов. Да пошел ты!

Мартин Фольц, погруженный в апатию, сидел в сторонке, не шелохнувшись и как воды в рот набрав. Однако ему все же пришлось выйти из транса. С гравийной дорожки донеслись звуки шагов и голоса: к корту направлялись мужчина и женщина. А поскольку женщина была хозяйкой Берчхейвена, Мартин заставил себя встать. Он приблизился к миссис Сторрс, что-то сказал и склонился над ее рукой. Впрочем, с мужчиной он был менее любезен, ограничившись отрывистым:

– Привет, Рант.

Они втроем подошли к остальным, и Мартин с явным облегчением сел на место.

Миссис Сторрс поздоровалась с каждым из гостей в отдельности и даже представила Ранту Чисхолма. Она была приветливой, обходительной светской дамой, но ее напряженный голос вселял некое чувство тревоги. И не то чтобы миссис Сторрс не хватало дыхания. Но

почему-то возникало странное ощущение, что у нее постоянно сжимает грудь и воздух с трудом вырывается из слишком узкого для него горла. Взгляд миссис Сторрс был не менее напряженным; ее глаза, внимательные и серьезные, смотрели так, будто она видела перед собой нечто уникальное и незабываемое. При всем при том, подумала Дол Боннер, прямо сейчас миссис Сторрс была напряжена сильнее обычного. Оставалось лишь надеяться на то, что мистер Сторрс, вернувшись домой, случайно не сболтнул лишнего.

Впрочем, в данный момент Дол намного больше интересовал Джордж Лео Рант, поскольку ее наняли покончить с этим прохвостом. Ранта нельзя было назвать отвратительной личностью. На самом деле, встретив Ранта в театре или на улице, вы приняли бы его за безобидного торговца миндалем и оливковым маслом или за продавца обуви с Пятой авеню. Ростом чуть выше среднего, лет сорока-пятидесяти, смуглый, элегантный; с женщинами Рант вел себя обходительно, с мужчинами – сдержанно, с чувством собственного достоинства. В свое время Дол была свидетелем того, как за обеденным столом у Пи Эл Сторрса, даже не пытавшегося проявить учтивость, Рант умудрился сохранить это самое достоинство, и осталась под впечатлением от его безупречной выдержки. И вот теперь, исподволь разглядывая Ранта, который, полностью игнорируя Чисхолма, что само по себе было подвигом, смешивал напиток для миссис Сторрс и одновременно беседовал с Сильвией, Джанет и Циммерманом, Дол внезапно поняла, что в своем хвастливом обращении к изображению Нового Скотленд-Ярда она явно выдавала желаемое за действительное: ей оставалось лишь надеяться, что все будет хорошо.

И тут до Дол вдруг дошло. Вся операция может здорово усложниться, а возможно, и вообще провалиться, если у Джорджа возникнут даже малейшие подозрения, что она, Дол Боннер, строит против него козни. Хотя в присутствии девушки в Берчхейвене не было ничего необычного, сегодня она появилась при таких обстоятельствах, что любое неосторожное замечание могло заронить в душу Ранта зерно сомнения. Они со Сторрсом уже успели проявить досадную небрежность. Не исключено, что объяснение, будто хозяин дома пригласил ее сюда по телефону, уже противоречило чему-то такому, что Пи Эл говорил жене или дочери. Он сказал, что хочет встретиться с ней здесь, а значит, мог присоединиться к собравшимся в любую минуту. Дол следовало перехватить его, чтобы успеть перекинуться парой слов с глазу на глаз. С этой мыслью она залпом допила виски, поставила стакан на стол и непринужденно повернулась к Сильвии:

– Вернусь через минуту. Простые радости бедняков.

Сильвия кивнула, и Дол поспешила прочь. Она миновала Мартина Фольца, прошла по извилистой дорожке мимо своей машины, по-прежнему припаркованной на гравийной площадке, поднялась по ступеням террасы и оттуда прямо в дом. В прихожей горничная, несшая огромную вазу с гладиолусами, посторонилась, пропуская Дол вперед. В столовой дворецкий, пребывавший в неведении, на сколько персон накрывать и когда это прояснится, с хмурым видом расставлял приборы.

– Белден, вы, случайно, не знаете, где я могу найти мистера Сторрса? – спросила Дол.

– Нет, мисс Боннер. – Дворецкий повернулся к Дол. – В доме его вроде бы нет. Мистер Сторрс вышел более двух часов назад.

– Куда-то уехал? На машине?

– Ну что вы! Просто пошел прогуляться. А разве он не на теннисном корте?

– Нет.

Дворецкий покачал головой:

– Ничем не могу помочь. Может, он на псарне... или в саду.

Поблагодарив дворецкого, Дол открыла другую дверь и по коридору вышла на террасу поменьше с противоположной стороны дома. Девушка рассеянно оглядела кусты, деревья и зеленую аллею, ведущую к плавательному бассейну. Досадно, конечно, но следовало срочно

найти Сторрса. Если он отправился на долгую прогулку, то наверняка скоро вернется, так как время приближалось к семи. А отсюда можно было попасть к конюшне и псарне незаметно для собравшихся на теннисном корте. Дол решительно направилась вперед.

На псарне не было никого, кроме собак. На конюшне кормили лошадей, и какой-то человек, но не Сторрс, запер на ночь. Сторрса поблизости тоже не наблюдалось. Дол поспешно вышла. Она не могла прочесать все поместье, а потому решила оставить все как есть и подождать, пока не объявится хозяин дома. Впрочем, на обратном пути можно было проверить еще пару мест. Предметом особой гордости Сторрса являлся огород. Поэтому Дол, свернув в сторону, пролезла туда через просвет в изгороди из кустов тиса, но не увидела ничего, кроме помидоров, фасоли, сельдерея, кукурузы и пузатой тыквы, с нетерпением ожидавшей заморозков. Пробравшись обратно через тот же просвет, Дол неожиданно вспомнила о любимом месте Сторрса, укромном уголке за прудом для разведения рыбы, под сенью кизильника, рядом с деревьями, скрывавшими сарай для инвентаря и навес для хранения мульчи. Дол снова свернула с пути и спустилась с холма. Обогнула пруд, обошла клумбу с рододендронами и действительно обнаружила Пи Эл Сторрса в его любимом тихом уголке. Увидев его, Дол застыла как вкопанная и, остолбенева, прикусила до крови губу, чтобы сдержать крик. Со стороны казалось, что Сторрс, вытянув носки туфель вниз, исполняет в воздухе, в трех дюймах от земли, какой-то гротескный танец. Дол не сразу разглядела затянутую у него на шее тонкую проволоку, которая была привязана к ветке кизилового дерева.

Дол шагнула вперед и снова остановилась. В отчаянии она яростно твердила себе: «Ты должна держать себя в руках. Ты просто обязана». Крепко зажмурившись, она решила открыть глаза лишь тогда, когда пройдет ступор. У нее возникло непреодолимое желание сесть, оставив все попытки держаться на ногах. Она боялась потерять сознание, а рядом не было ничего, на что бы можно было бы присесть... Или все-таки было... Она открыла глаза. Попробовала сделать шаг и обнаружила, что ноги ее слушаются и почти не дрожат. Тогда она сделала пять больших шагов к дереву с танцующим Пи Эл Сторрсом и остановилась, в упор глядя на тело.

Сторрс был, без сомнения, мертв. В противном случае следовало первым делом снять его с дерева и сделать искусственное дыхание, но он определенно был мертв. Рот приоткрылся, между зубами торчал кончик темно-лилового языка. Глаза вылезли из орбит. Лицо цвета баклажана выглядело распухшим. Он определенно был мертв. Дол сделала еще три шага вперед и вытянула руку – глупый, бессмысленный жест, поскольку тело все еще находилось на расстоянии пяти футов. Она громко сказала:

– Черт, я слишком брезглива! И всегда была. А ведь медсестрам постоянно приходится возиться с покойниками.

Голос Дол звучал на удивление твердо и сдержанно, что сразу придало ей сил. Приблизившись к дереву, она взяла руку Сторрса, безжизненно висевшую вдоль тела, сжала ее и пощупала пульс. Да, Сторрс был мертвее мертвого. Тогда Дол, чуть попятившись, громко произнесла:

– Вот так-то. Я наедине с трупом. Но я никуда не сбегу. У меня этого и в мыслях нет.

Стук в висках постепенно стихал, только слегка покалывало кожу. Дол огляделась. Сначала она посмотрела на проволоку. Завязанная петлей на шее Сторрса, проволока тянулась вверх, к ветке кизилового дерева, примерно в восьми футах над землей, откуда шла по диагонали через разветвление со стволом другой ветки, чуть пониже, после чего была несколько раз обмотана вокруг ствола, а ее конец спрятан в одном из витков образовавшейся спирали. Нахмурившись, Дол Боннер принялась рассматривать спираль: проволоку обычно так не закрепляют. Девушка опустила глаза. Край бетонной дорожки, ведущей к сараю для инвентаря, упирался в лужайку с плотным травяным покровом. Острые, но нетренированные глаза Дол сперва увидели только траву. Потом она заметила на некотором расстоянии от болтавшихся в воздухе ног Сторрса перевернутую скамью – широкую, длинную и тяжелую. Возле одного из концов

скамьи что-то белело в траве. Дол, сделав круг, подошла поближе. Скомканный бумажный листок. Она собралась было его поднять, но вовремя отдернула руку. Посмотрела на листок повнимательнее. Он был слишком измят, чтобы хоть что-нибудь разобрать, не прикасаясь к нему. Дол выпрямилась и снова нахмурилась. Сюда скоро придут маститые детективы, возможно известные, но ведь она тоже детектив, и эта мысль ее неожиданно ошеломила. Она снова посмотрела на листок бумаги, однако решила все же не трогать его. Еще раз оглядела укромный уголок, заранее зная, что больше ничего нового не увидит, затем повернулась спиной к этому мрачному месту, обогнула пруд и направилась вверх по склону холма в сторону дома.

Уже возле самого дома Дол вдруг осенило. Она не стала входить внутрь, а обошла дом кругом. Спрятавшись за хвойниками, она открыла сумочку и посмотрелась в карманное зеркальце. Несмотря на быстрый подъем в гору, ее лицо не покраснело, хотя и не казалось смертельно бледным. Тогда она направилась к теннисному корту, на ходу стараясь собраться и унять оставшееся волнение. Жаль только, что невозможно было предугадать, не выдаст ли ее выражение лица.

С лицом, очевидно, все было в порядке, и никто, похоже, особо по ней не скучал, даже Лен Чисхолм. Он стоял возле корта, что-то демонстрируя Джанет Сторрс. Сильвия примостилась на ручке кресла Мартина Фольца. Как она и предсказывала, они снова разговаривали; она, по крайней мере, точно. Циммерман так и остался на прежнем месте. При появлении Дол миссис Сторрс сразу оторвалась от разговора с Джорджем Лео Рантом:

– Моя дорогая! Мы с мистером Рантом как раз о вас говорили. Мистер Рант учил меня, что сущность неподвластна зову, она сама выбирает себе вместилище, опускаясь как на кривую ветку, так и на стройный молодой побег. Вот если бы вы оказались избранной, как некогда я! Но мистер Рант думает, что нет! Молодежь решает, где поужинать. Конечно, тон задает Сильвия, потому что у нее есть Мартин, которым можно руководить. Шива губит мужей с помощью жен, а жен – с помощью мужей, даже до проведения обрядов. Мистер Рант говорит, у вас нет дара прозрения, вы слишком замкнуты, а значит, обречены на одиночество.

– Но если я не могу позвать сущность, мне остается только ждать. Мистер Рант, вы, вероятно, не знаете, что некоторые люди умеют ждать, не теряя надежды.

– Лишь бы не напрасно, мисс Боннер. – Рант был категоричен, но учтив. – Ожидание не будет напрасным для избранных. Капли воды всегда сливаются, если соприкасаются, но этому воссоединению предшествует сопротивление. – Он осуждающе взмахнул рукой. – Миссис Сторрс, с ее энтузиазмом, иногда забегает вперед. Лично я поостерегся бы замахиваться на ваше блаженное неведение.

– Блаженство и неведение – две вещи, связанные неразрывно. – Дол поняла, что сморозила глупость, а ее голос звучит немного визгливо. – Пожалуй, налью себе выпить... Нет, спасибо... Не стоит... Я лучше сама...

Дол налила себе ирландского виски и, заметив, что Стив Циммерман, не поворачивая головы, исподволь наблюдает за ней со своего места, посмотрела на него в упор, после чего еще раз взглянула на Ранта, миссис Сторрс и остальных. И поняла всю безнадежность плана, который она составила, покинув место убийства. Если Пи Эл Сторрса прикончил кто-то из присутствующих (пусть даже он, оставаясь вне подозрений, сейчас терзался в мучительном ожидании неизбежного), вряд ли стоило рассчитывать, что на лице преступника появится печать вины, которую можно с уверенностью распознать. Под «кем-то из присутствующих» Дол, естественно, подразумевала Джорджа Лео Ранта. Впрочем, он вел себя вполне естественно. Как и Лен Чисхолм, громогласно донимавший сбитую с толку Джанет Сторрс. Как и Стив Циммерман, который обычно был или мрачным и молчаливым, или любопытным и говорливым. И наконец, оставался Мартин Фольц. Расплачиваясь за приступ ревности, он смиренно терпел нападки и трескотню Сильвии. Глотнув виски, Дол поморщилась и снова оглядела компанию, начав с Ранта и закончив им же. Распознать? Да тут нечего распознавать.

Дол поставила стакан. И так... хотя определенно на такое способны не все из них. Уж точно не дорогая Сильвия. И не Лен Чисхолм... Дол поджала губы. Теперь она сама по себе. Придется опираться на собственные силы; чужие ей и не требуются ни для мелких вопросов, ни для разрешения этой чрезвычайной ситуации. Дол решила уйти. Она молча направилась к дому. Миссис Сторрс что-то произнесла, Сильвия окликнула подругу, однако Дол, не ответив, быстрым шагом пошла вперед и у самого дома побежала.

Белдена не оказалось ни в прихожей, ни в столовой. Дол нажала на кнопку вызова, и буквально через секунду дворецкий появился в дверях.

– Белден, случилось нечто ужасное, – сказала Дол. – Сообщаю это вам, поскольку вы единственный мужчина, оставшийся в доме, а такие вещи должен делать мужчина. Позвоните в полицию... думаю, в полицию штата... и сообщите им, что мистер Сторрс убит.

Белден, окаменев, уставился на Дол:

– Господи помилуй, мисс Боннер!..

– Да. Будьте мужчиной. Вы ведь сможете? Когда приедет полиция, отправьте их на лужайку возле рыбного пруда. Именно там его и убили. Вы знаете, где это?

– Но боже правый, когда?..

– Белден, не нужно дрожать как осиновый лист! Будьте мужчиной! Немедленно звоните в полицию и проводите полицейских к пруду. А потом нужно будет сообщить обо всем миссис Сторрс и остальным. Вы ведь не упадете в обморок? Да?

– Я... Я не упаду в обморок.

– Отлично. Я отправляюсь к пруду. Буду ждать там.

Оставив дворецкого, Дол снова вышла через заднюю дверь. Солнце клонилось к закату. Она бежала вниз по склону, а перед ней прыгала и извивалась причудливо вытянутая тень. Дол бежала и думала о том, что свалила дурака, не взглянув на лежащую на траве мятую бумажку.

Глава 4

Сейчас укромный уголок у пруда выглядел гораздо более мрачно. Ночь опустилась сюда раньше, чем на открытый холм под чистым небом. Дол, поеживаясь от холода, старалась не смотреть на болтавшегося в воздухе Пи Эл Сторрса, но тем не менее видела и ощущала его присутствие. Она дошла по бетонной дорожке до перевернутой скамьи и ступила на траву. Поразмышляв секунду-другую над тем, что делать с отпечатками пальцев, она нагнулась и подняла скомканный листок. Осторожно расправив, пристально всмотрелась в него. Долговое обязательство. Печатный бланк, заполненный от руки. Аккуратный, разборчивый почерк. Вексель был датирован 11 августа 1936 года. Огоувок, штат Коннектикут. Текст гласил:

Обязуюсь по первому требованию выплатить Джорджу Лео Ранту наличными пятьдесят тысяч долларов ноль-ноль центов, без процентов, или выписать ему чек на эту сумму. За встречное удовлетворение.

Клео Одри Сторрс

Несколько раз перечитав текст, Дол изучила оборот векселя. Пусто. Она снова скомкала листок и положила на прежнее место на траву. И внезапно вздрогнула, испуганная каким-то звуком. Недовольно поморщилась, поняв, что это всего-навсего резвящаяся в воде рыба. Поколебавшись, Дол направилась по бетонной дорожке к сараю для инвентаря, расположенному в пятнадцати ярдах от пруда. Дверь была открыта, и Дол вошла внутрь. Помещение содержалось в идеальной чистоте и порядке. Чего тут только не было: тачки, газонокосилки, садовые инструменты всех видов и размеров, мешки с удобрениями, паклей и шпагатом, стойки с лампами накаливания, корзины, полка с молотками, кусачками, садовыми ножницами и... Дол прошла к противоположной стене, чтобы поближе рассмотреть то, что ее крайне заинте-

ресовало. Там висела большая катушка проволоки, тонкие нити которой были сплетены в провод. Изучив провод, Дол одобрительно кивнула. У нее внутри что-то шевельнулось, намек на волнение и удовлетворение. Ведь она попала в сарай для инвентаря совершенно случайно, но сразу же обнаружила очевидный и важный факт: проволока, без сомнения, была той же самой. Зная, что здесь есть проволока, убийца пробрался в сарай для инвентаря, отмотал нужный кусок, отрезал кусачками, вернул... да... вернул кусачки на полку, прошел к пруду и... Тут ход мыслей Дол затормозился. Каким образом проволока оказалась на шее у Сторрса? Неужели он сам полез в петлю? Дол, к своему ужасу, поняла, что как-то не подумала о возможности самоубийства... А почему? Потому что Пи Эл Сторрс определенно был не из тех, кто способен наложить на себя руки. Такая идея даже не пришла Дол в голову. А зря. Возможно, она выставила себя круглой дурой, сказав Белдену...

Покинув сарай, Дол вернулась к кизиловому дереву, однако осталась стоять на бетонной дорожке. От злости глаза стали зорче и уже без содрогания смотрели на висевшее тело Сторрса. Дол показалось, что оно начало коченеть, хотя, возможно, это была игра сумрачных призрачных теней. Но в любом случае это не давало ответа на главный вопрос. Она снова опустила глаза и увидела примятые травинки там, где она ступала, чтобы поднять бумажку. Затем бросила взгляд на опрокинутую скамью и мысленно прикинула... Скамья находилась в двух ярдах от ступней Сторрса. Дол произвела кое-какие вычисления и рассмотрела все возможности, с горечью осознав, что ей не хватает ни знаний, ни опыта. Тогда она переключила внимание на проволоку. Оттуда, где стояла Дол, узел на шее Сторрса был не виден, однако она не стала приближаться к трупу, а проследила взглядом, как проволока тянется к ветке, идет по диагонали вниз через разветвление другой ветки, обматывается спиралью вокруг ствола... Спрятанный между витками конец проволоки сейчас был не виден. Впрочем, Дол хорошо запомнила его, когда рассматривала при дневном свете. Нахмурившись, она внимательно взгляделась в спираль, но неожиданно ее отвлек звук крадущихся по траве шагов. Шаги стали громче. На лужайке появился мужчина, который, согнувшись, прошел под веткой кизила. Мужчина приблизился к Дол:

– Мисс Боннер! Что такое... Ах!

Он отрывисто произнес два незнакомых слова, вскинул голову, точно испуганное животное, и застыл, глядя на жуткую пляску Сторрса. А Дол глядела на него.

Через несколько секунд Джордж Лео Рант, не сдвинувшись с места, медленно произнес:

– Разрушение и возрождение. Цикл. Но душа... Мисс Боннер! Откуда вы знаете, что он мертв?

– Посмотрите на него. – Когда Рант сделал шаг вперед, она строго крикнула: – Не ходите туда! Ну конечно он мертв! Вы что, ослепли...

Ей не дали договорить... Мужской голос выкрикивал ее имя... Кто-то продирался сквозь заросли вокруг лужайки...

– Дол, какого черта! Что за... – начал было появившийся на лужайке Лен Чисхолм.

– Там, – сказала Дол.

Лен повернулся и всем телом подался вперед.

– Боже мой! – Он выпрямился. – Ну и дела! Дорогой Пи Эл. Это ты его нашла? Господи, Дол, что ты здесь делаешь?! Совсем окоченел, да? Я, собственно, тоже. Белден нам сообщил. Я уж решил, что мне спяну всякое кажется. Первым делом он вызвал полицию. Я поднял его на смех. Сильвия хотела броситься сюда. Я с трудом ее удержал. А Фольц, брызжа слюной, увел ее от меня. Если бы не ты... – Лен внезапно остановился и посмотрел на Дол, словно желая получить подсказку, что говорить, затем отвернулся, снова посмотрел на висевшее тело и проворчал: – Дол, ну у тебя и выдержка! Нервы у тебя, оказывается, крепче моих. Пожалуй, тебе стоит вернуться в дом, к Сильвии. Я пока подожду здесь копов.

– Сильвия в порядке, – покачала головой Дол. – И я тоже.

– Отлично! А вот я нет. Черт, я тоже в порядке! – Он угрюмо уставился на тело Сторрса, едва вырисовывающееся в быстро сгущавшихся сумерках. – Погляди-ка. Я не вижу... Как он туда взобрался? Его ноги болтаются в... Что за...

Он повернул голову, но увидел лишь спину Дол и услышал, как она говорит ледяным тоном:

– Мистер Рант, сию минуту положите на место! Туда, откуда взяли!

Рант уже стоял на бетонной дорожке. Его тон был не менее ледяным, чем у Дол.

– Положить что, мисс Боннер? Вы о чем?

– О листке бумаги. Я видела, как вы его подобрали. Вы думали, я стояла к вам спиной, но нет. Положите... Нет. Дайте сюда.

– Позвольте... – Рант сделал шаг к Дол, так как она мешала ему пройти. – Не понимаю... Быть может, это игра света. Я ничего не поднимал. – Он сделал еще один шаг. – Поскольку мистер Чисхолм здесь, я должен проверить, как там миссис Сторрс...

– Мистер Рант! – Дол преградила ему дорогу. – Не валяйте дурака! Отдайте бумагу!

Рант невозмутимо покачал головой:

– Мисс Боннер, вы совершаете ошибку.

Рант собрался было пройти мимо Дол, но она встала у него на пути, и он заколебался.

Не отрывая от Ранта глаз, Дол отрывисто приказала:

– Лен, ты должен заставить этого человека отдать мне бумагу. Ну как, справишься?

– Легко. – Чисхолм встал возле Дол. – А в чем дело?

– Вон там, в траве возле скамьи, лежал листок бумаги. Я осмотрела его, а потом вернула на место. Рант только что поднял листок и сунул в карман. Мне нужна эта бумага.

– Ладно. – Лен с высоты своих шести футов двух дюймов посмотрел на Ранта. – Дайте сюда! Ей нужна эта бумага.

– Мисс Боннер ошибается или лжет, утверждая, будто я что-то поднял, – спокойно, не повышая голоса, сказал Рант. – Это неправда.

– Дол, это правда?

– Естественно. Я своими глазами видела.

– Значит, правда. Отдайте мне бумагу и проваливайте! Без глупостей. Я заберу ее у вас на раз-два-три.

– У меня ничего нет. – Рант проявлял завидное самообладание. – Если вы попытаетесь применить силу...

– Я и пытаться не буду, а просто применю. Но сперва для экономии времени хорошенько вам врежу. Дайте сюда! Считаю до четырех. – Лен сжал руку в кулак. – Ладно, я могу быть и более дипломатичным. Дол, в каком кармане бумажка?

– В правом кармане пиджака.

– Хорошо. Отойти-ка в сторонку. Рант, стойте, где стоите. – Продолжая сжимать правую руку в кулак, Лен залез левой рукой в карман пиджака противника. Рант стоял неподвижно. Лен, немного покопавшись, извлек листок бумаги. Отвел руку в сторону и, не поворачивая головы, спросил: – Это она?

Дол взяла листок. Ей хватило одного взгляда.

– Да. Спасибо тебе, Лен. Я рада... Чистая работа.

Рант открыл рот, и впервые за все это время его голос звучал глухо:

– Мисс Боннер, эта бумажка – моя собственность. Ее вынули из моего кармана, и она всегда была в моем распоряжении. Если скажете, будто видели, как я подобрал ее, вы солжете.

– Ой, да неужели?! – рявкнул Лен. – А как насчет того, что мы оба лжем? Если уж мисс Боннер лжет, то мне сам Бог велел. Я видел, как вы подняли бумагу. Ну как, звучит убедительно?

Дол покачала головой:

– Лен, это вовсе не обязательно. Но все равно спасибо. Я справлюсь... Ой! А вот и они.

Она замерла, прислушиваясь. Рант сделал пару шагов и остановился. Лен открыл рот и снова закрыл. К ним, громко разговаривая, приближалась группа мужчин. Единственный знакомый голос принадлежал Белдену, который явно запыхался и выбился из сил. Мужчины продирались сквозь кизильник, безжалостно ломая ветки. Впереди шел Белден, за ним – трое мужчин в форме полиции штата, в широкополых шляпах, с патронташами и револьверами. Белден громко охнул от ужаса. Это был первый противоречащий этикету звук, который он за тридцать лет службы позволил себе в присутствии хозяев. Один из полицейских тронул его за руку:

– Осадите назад. Ближе не подходить. – И повернулся к коллеге. – Черт, темно, хоть глаз выколи!

– Здесь дама.

– Ой! Прошу прощения, мэ.

Полицейские молча уставились на висевшее тело. Наконец один из них спросил:

– Убийство? Кто сказал, что это убийство?

На что другой ответил:

– Не подходите ближе. Если это убийство, наше дело маленькое – только выполнять приказы. Здесь должны быть следы ног. Хотя тут трава. Будь мы поумнее, захватили бы с собой фонари. Джейк, сгоняй-ка за ними. Одна нога здесь, другая там. – Когда один из копов потрусил прочь, говоривший повернулся к Лену. – Как вас зовут? – (Лен представился.) – Что вам известно об этом деле?

– Вообще ничего. Я играл в теннис и выпивал.

Коп повернулся к Ранту:

– Назовите свое имя.

– Джордж Лео Рант. Офицер, у меня тут жалоба, которую я прошу рассмотреть. Этот человек только что силой отнял мою собственность. Принадлежащую мне бумагу. Взял у меня из кармана, где...

– Что? Какой человек?

– Леонард Чисхолм. Он взял...

– Забудьте. Вашей бумагой мы займемся позже.

– А я вам говорю, что он ее взял. И эта женщина солгала...

Полицейский повернулся к Лену:

– Так вы действительно взяли у него какую-то бумагу?

– Нет. Он поднял ее с земли.

– Забудьте! – раздраженно произнес полицейский. – Как можно грызться из-за паршивой бумажки рядом с повешенным? Пожалуйста, пройдите в дом и оставайтесь там. Не знаю сколько. Скорее всего, не слишком долго. Белден, ступайте с ними.

– Но... – начал Рант.

– Послушайте, мистер. Не хочу показаться невежливым, но вы меня вынуждаете.

Рант поколебался, затем нехотя повернулся и, не глядя на своих противников, пошел прочь. Белден, успевший отойти в сторонку, теперь наступал Ранту на пятки. Лен взял Дол под руку, однако она, отодвинувшись, обогнала его, и он последовал за ней через заросли кизильника на залитое призрачным светом открытое пространство. У рыбного пруда Дол внезапно остановилась и повернулась к Лену:

– Иди вперед, Лен. Я хочу отдать полицейскому эту бумагу.

Лен бросил на нее недовольный взгляд:

– Ты пойдешь со мной. Отдашь позже. Пошли.

– Нет, я возвращаюсь.

– Ты серьезно? Тогда я тоже.

– Мне нужно кое-что сказать копу, а тебе не нужно. Кстати... ты, случайно, не забыл, что ты репортер? В доме несколько телефонных аппаратов... А еще можно пойти на конюшню и позвонить оттуда. Если в «Газетт» первыми узнают об убийстве, они наверняка оценят твою услугу.

– Мать моя женщина! Я сражен наповал! Нервы как стальные канаты. А в жилах вместо крови фреон. Но законы гостеприимства...

– Чушь! – отмахнулась Дол. – Чьего гостеприимства?! Мистера Сторрса? Так он мертв. Миссис Сторрс или Джанет? Нет. Сторрс попросил меня приехать... однако это уже его личное дело. Было личным делом. Что касается звонка в «Газетт», то через час или около того все репортеры будут знать об убийстве... Впрочем, поступай, как знаешь. Господи, неужели ты думаешь, убийство Пи Эл Сторрса постараются скрыть, чтобы пощадить чувства Сильвии?! Единственная вещь, которая поможет Сильвии и будет...

– А при чем здесь Сильвия? – нахмурился Лен. – Разве я хоть слово сказал о Сильвии?

– Нет. Это сделала я.

– Но ты ведь ее подруга, да?

– Без сомнения.

– Хорошо. Тогда я тоже ее друг. А если советуешь позвонить в «Газетт», я так и сделаю. Раз уж ты здесь никому ничего не должна, то я тем более. Однако теперь, когда алкогольный туман в голове немного рассеялся, могу смело сказать, что, по-моему, Сторрса никто не убивал. На убийство совсем непохоже. На мой взгляд, тут чистой воды самоубийство, и если я продам эту новость в «Газетт» как убийство...

– И не нужно ничего продавать. Просто сообщи в редакцию, где именно его нашли и что он мертв. Если попросят написать об этом статью, откажись под предлогом, что ты один из подозреваемых, а если они...

– Я – кто? И что теперь? Какого черта...

– Ну конечно, ты подозреваемый. Мы все подозреваемые. Все без исключения. Сегодня днем ты бродил по поместью в поисках Пи Эл Сторрса, чтобы, как ты изволил выразиться, пасть перед ним на колени. Разве нет? А утром в моем офисе заявил, что готов его задушить. Ведь так? Ты наверняка шутил, но ты и впрямь жутко вспыльчивый, а Мартин Фольц все слышал. Мартин, конечно, порядочный человек, если такие еще существуют, но он дьявольски ревнив и прямо сейчас имеет на тебя зуб из-за флирта с Сильвией. У Мартина потрясающее воображение. Сильвия тоже слышала, как ты это говорил, а она любила Пи Эл Сторрса. Так что ты, вероятно, замазан. Мы все замазаны. Впрочем... есть одна вещь, которая может спасти ситуацию. Если собираешься связаться с «Газетт», советую позвонить из конюшни, а иначе упустишь шанс. Затем возвращайся в дом и возьми себя в руки. Потом я к тебе присоединюсь. Не исключено, что совсем скоро, если этот человек в силу своей занятости откажется меня выслушать. – Дол повернулась, чтобы уйти.

Лен схватил ее за руку:

– Леди, а у вас мозги определенно варят. Шикарно. Соображалка что надо. Так я тебе больше не нужен, да?

– Не сейчас, Лен. Хотя... Еще раз спасибо большое за то, что отнял у Ранта бумагу. Очень мило с твоей стороны. У меня бы точно не получилось. Увидимся в доме.

Повернувшись, Дол направилась в сторону мрачных зарослей. Проследив, как она скрывается в темноте, Лен пошел вверх по склону, после чего свернул направо к конюшне. На поместье спустились сумерки, солнце скрылось за горизонтом, в воздухе повеяло прохладой.

Дол не сразу пошла к кизилловому дереву, а взяла чуть левее и, бесшумно ступая по траве под ветвями деревьев, укрылась за нависавшей над прудом лавровой ивой. Сквозь завесу листвы в темноте смутно вырисовывались очертания троих полицейских. Джейк – парень, которого послали за фонарями, – курил, сидя на корточках на бетонной дорожке. Полицейский

с приплюснутыми носом, очевидно главный, беспечно освещал фонарем место преступления; третий полицейский просто стоял и лениво жевал травинку. Тот, что с приплюснутым носом, говорил:

– ...Но конечно, мы не вправе этого делать до прибытия дока Фланнера, фотографа и, полагаю, Шервуда, который точно захочет это увидеть. Вот когда сможем что-то трогать, тогда и попробуем. Возможно, скамья стояла гораздо ближе, и он, прыгнув вниз, отпихнул ее ногой. Однако скамья очень тяжелая, и я не понимаю, как он мог отшвырнуть ее так далеко. Если он поставил скамью на попа, залез на край и спрыгнул, оттолкнув скамью ногами, она, по идее, могла откатиться на такое расстояние, хотя тогда трава должна была примяться, а кроме того, прыгая с такой высоты, он, при весе более ста шестидесяти фунтов, наверняка сломал бы ветку. – Полицейский чуть переместил луч фонаря. – Посмотрите на эту ветку. Толщиной с ваше запястье, не больше. Какого черта было прыгать с высоты шесть футов? Проклятье, они уже должны были быть здесь! Шервуду ехать всего двадцать миль, а если док Фланнер решил сперва закончить ужин, кто-то должен был дать ему хорошего пинка под зад.

Коп, жевавший травинку, покачал головой:

– А я вам вот что скажу. Попробуйте-ка затянуть так проволоку на чьей-нибудь шее. Нет, сперва вам придется этого человека вырубить. На трупе нет кровоподтеков, да и вообще ни царапинки. В учебнике по криминалистике Краудера, который мы все читали, говорится, что нельзя принимать на веру гипотезу, если ей противоречит какой-либо факт. Совсем как в том деле в Буффало, когда имелись два пулевых отверстия в стене комнаты и парень утверждал, будто сделал ответный выстрел после того, как в него выстрелили два раза, да и женщина подтвердила его показания и, похоже, не врала, но с помощью баллистической экспертизы удалось доказать, что оба выстрела... Эй, в чем дело?

Дол, видевшей и слышавшей достаточно, чтобы понять, что она не нарушит торжественности момента, надоело ждать. Она вышла из укрытия и остановилась на краю лужайки лицом к полицейским, возмущенно заморгав, когда ей направили прямо в глаза луч фонаря. Засломила глаза рукой и громко потребовала:

– Уберите эту штуку!

Луч сразу метнулся в сторону, и державший фонарь полицейский с приплюснутым носом спросил:

– Ну-с? Разве я не велел вам идти в дом? Что вам угодно?

Дол подумала, что неплохо было бы начать разговор с улыбки, однако сейчас ей меньше всего хотелось улыбаться. Да и в ее голосе особого веселья не чувствовалось.

– Мне нужно кое-что вам сообщить. Вот уж не думала, что вы будете просиживать тут штаны в ожидании докторов и фотографов. Моя фамилия Боннер. Я детектив.

Полицейский, жевавший травинку, громко фыркнул, а тот, что с приплюснутым носом, изобразил вежливое удивление:

– Вы кто? Детектив? Интересно, какого рода?

– Я руковожу частным детективным агентством в Нью-Йорке. У меня лицензированное детективное агентство.

– Так вы говорите... руководите агентством? Это... ну да... очень хорошо. Ваша фамилия Боннер? Значит, именно вы нашли труп? А мы вас ждали в доме. Это ведь вы сказали дворецкому, что произошло убийство. С чего вы взяли?

Дол подошла поближе:

– Я как раз собиралась с вами поделиться. Скажите, я обратилась по адресу? Вы собираетесь что-нибудь предпринять?

– Все, что в наших силах. Но в первую очередь необходимо выяснить, не имело ли место самоубийство. Здесь, в сельской местности, на это потребуется чуть больше времени. А теперь расскажите, что вам известно.

– Отлично. Начнем с проволоки. Если пойдете назад по дорожке, то в пятидесяти футах отсюда найдете сарай для инвентаря. На стене висит катушка точно такой же проволоки, как эта, а на полке лежат кусачки и ножницы, с помощью которых можно отрезать кусок. Вот откуда взялась проволока.

– Хорошо. – В голосе полицейского чувствовался сарказм. – На обратном пути мы сможем все проверить. Однако это отнюдь не объясняет, почему вы решили, что произошло убийство.

– На плоскогубцах или ножницах могли остаться отпечатки пальцев.

– Спасибо. Продолжайте.

Дол расправила плечи:

– Есть еще кое-что, чего вы наверняка не смогли бы найти. Впрочем, я не знаю, имеет это отношение к убийству или нет. Когда я примерно без четверти семь обнаружила труп, то, осматривая место происшествия, но, естественно, ничего не трогая, увидела на траве возле перевернутой скамьи скомканный листок бумаги. Я вернулась сюда в начале восьмого, и вскоре после меня здесь появился Рант, а вслед за ним – Леонард Чисхолм. Пока я разговаривала с Чисхолмом, Рант незаметно поднял тот самый листок и спрятал в карман. Я велела положить все на место, но он заявил, что ничего не брал. Тогда я попросила Чисхолма забрать у Ранта бумагу, и Чисхолм в ответ на категорический отказ Ранта насильно достал листок у него из кармана и отдал мне. Рант заявил, что данная бумага принадлежит ему и всегда была в его распоряжении, а мне в жизни не доказать обратного. Глупо с его стороны. – Дол открыла сумочку и вынула документ. – Вот, пожалуйста, если хотите взглянуть.

Полицейский взял бумагу и, разгладив, направил на нее луч фонаря. Джейк подошел к начальнику и стал читать, заглядывая ему через плечо. Им потребовалось время, чтобы понять, что к чему. Затем старший поднял на Дол глаза:

– А кто такая Клео Одри Сторрс?

– Миссис Сторрс. Жена мистера Сторрса. Вдова.

Что-то пробурчав, полицейский расстегнул пуговицу на нагрудном кармане, сложил бумагу и сунул ее в карман.

– С чего вы взяли, что это не связано с убийством?

– Я так не говорила. Я лишь сказала, что не уверена, связано это с убийством или нет.

– А-а-а... Значит, вы сказали именно так? Получается, вы решили, что имеете дело с убийством, вовсе не из-за этой бумаги. Да?

– Нет. Я... – Дол замялась, но наконец собралась с духом. – Видите ли, я действительно сообщила вам все, что мне известно. Но то, как вы ведете себя, ваш тон... можно подумать, будто вы клещами вытягиваете из меня информацию. А это не так.

– Угу. Все нормально. Продолжайте. Вы собирались объяснить, почему заявили дворецкому, что произошло убийство.

– Ладно. Я сказала так, потому что абсолютно уверена: Сторрс не тот человек, который способен совершить самоубийство, тем более при тех обстоятельствах, которые, насколько мне известно, складывались на тот момент. Я очень хорошо его знала.

– И это все?

– Да, это все.

– Негусто, – сухо произнес полицейский. – Как ни крути, заявление об убийстве – дело серьезное. А вы детектив. Возможно, здесь имеются неизвестные нам обстоятельства.

– Я поняла свою ошибку. Но чуть позже, когда вернулась сюда, попросив Белдена вызвать полицию, – кивнула Дол. – Поняла, что поспешила с выводами, не имея на то права. В связи с чем еще раз обследовала место происшествия. Именно тогда я и нашла в сарае для инвентаря моток проволоки. А осмотрев место происшествия, обнаружила настоящее доказательство.

– Доказательство убийства?

– Да.

– Здесь? – скептически хмыкнул полицейский.

– Да, – подтвердила Дол. – Отчасти мне помогли в этом ваши разговоры. Насчет прыжков со скамьи, отталкивания ее ногами и так далее. Я подумала, что нельзя ничего однозначно утверждать, не попробовав. Впрочем, кое-что другое показалось мне бесспорным. Можно фонарик?

Получив фонарик, Дол направила его на ствол дерева, находившегося примерно в четырех ярдах от нее, и медленно провела лучом света вверх-вниз, после чего сказала:

– Посмотрите на эту спираль. На то, как обмотана проволока. Вы обратили внимание?

– Да, обратили.

– Хорошо. Мне представляется, что никто не станет закреплять проволоку подобным образом. Даже человек, никогда раньше такого не делавший. Тогда я решила провести мысленный эксперимент, выбрав себя в качестве объекта, поскольку ни разу в жизни не прикрепляла проволоку к дереву. Итак, я представила все свои действия. Допустим, я стою здесь с проволокой в руках и собираюсь повеситься. Я перекидываю один конец через ветку и оставляю висеть на нужной высоте. Конец проволоки гораздо длиннее, чем необходимо. Каковы мои действия? Во-первых, я могу пропустить проволоку через разветвление на несколько оборотов, а затем перекрутить с уже намотанной проволокой, чтобы она не соскользнула; во-вторых, могу намотать ее на ветку, расположенную ниже первой; в-третьих, могу обмотать проволоку вокруг ствола и опять же закрутить конец, хотя тогда я наматываю ее не по спирали, а по прямой, как и любой другой на моем месте.

– Выходит, не любой, – пробормотал полицейский.

Дол нетерпеливо кивнула:

– Но только не человек, который собирался повеситься на этой проволоке. Только не человек, который мог спокойно, не торопясь, закрепить проволоку как душе угодно. Вот посмотрите! Представьте, что вы стоите у дерева с проволокой в руках. Пропускаете ее через разветвление, набрасываете на верхнюю ветку, затем тянете снова вниз, а петля на конце проволоки накидывается на шею человека, которого вы хотите убить. Этот человек вскакивает на ноги, пытается освободиться от петли и, возможно, броситься на вас. И что вы в таком случае делаете? Тянете проволоку изо всех сил. Человек в отчаянии делает глупость, пытаясь подпрыгнуть и ухватиться за ветку. Вы затягиваете проволоку, фиксируете противника в всяческом положении – и он ваш. Однако теперь проволока находится в состоянии колоссального натяжения, поскольку держит в воздухе человека, и вы не решаетесь ни на йоту ослабить хватку. Тем не менее вам нужно каким-то образом закрепить конец проволоки. И что вы делаете? Вы натягиваете проволоку вдоль ствола и, крепко держа ее, начинаете описывать круги вокруг дерева. После четвертого круга проволока закручивается на стволе спиралью, а натяжение на другом конце за счет тяжести подвешенного тела уменьшается настолько, что вам не составляет труда заправить конец проволоки под последний виток и перекрутить. – Отдав фонарь полицейскому, Дол сказала с едва заметной дрожью в голосе: – Полагаю, это доказательство. Человек закрепит на дереве проволоку подобным способом лишь в том случае, если к другому концу подвешен тяжелый груз и выбирать не приходится. Но если груза нет, все это теряет смысл. Нормальный мужчина никогда такого не сделает. И даже женщина.

Коп, который презрительно фыркнул, узнав, что Дол – детектив, подошел послушать.

– Ну и дела! – изумленно пробормотал он.

Джейк промолчал. Их начальник с приплюснутым носом, взяв фонарик, приблизился к дереву и принялся рассматривать намотанную на ствол проволоку. Подчиненные молча наблюдали за ним. Он четыре раза обошел вокруг дерева рядом со стволом, направив луч фонарика на спираль, после чего еще несколько секунд обследовал последний виток с заправленным концом проволоки. Выключил фонарь и, вернувшись к остальным, посмотрел на Дол:

– Хорошая работа. Вы словно стояли рядом и видели все своими глазами. И не обижайтесь – у меня просто такая манера говорить. Я лишь хотел сказать, вы описали все очень достоверно. Быть может, вы заметили, что кора в трех местах поцарапана. Там, где конец проволоки пришлось протаскивать под виток, чтобы закрепить.

– Я так близко не подходила.

– Ну, тогда поверьте мне на слово. – Полицейский замолчал; Дол видела в темноте лишь неясные очертания его лица; наконец он снова заговорил: – Вы сказали, ваша фамилия Боннер? А вы, случайно, не знакомы с Дэном Шервудом, окружным прокурором?

– Нет.

– Я подумал, а вдруг вы его знаете. Он с минуты на минуту подъедет. По крайней мере, я надеюсь. Может, у вас имеются в запасе еще какие-либо доказательства?

– Нет.

У Дол неожиданно заныло в животе. Обнаружив более часа назад висевшее на проволоке тело Пи Эл Сторрса, она поняла, что должна срочно присесть, чего с тех пор ей так и не удалось сделать. Неконтролируемые спазмы в желудке, похоже, усилились.

– Пожалуй, я лучше вернусь... в дом, – сказала Дол.

Она повернулась и, сделав шаг, с облегчением поняла, что ноги пока слушаются. Полицейский что-то бросил ей вслед – что-то, явно не требующее ответа, и она пошла дальше. Миновав пруд и оказавшись на открытой местности, Дол на секунду остановилась, а затем начала подниматься по склону холма.

Дол услышала голоса. Не желая ни с кем встречаться, она сделала крюк и свернула направо. С холма спускалась большая группа мужчин, за ними – еще двое или трое. Мужчины, не заметив девушку, торопливо прошли мимо. Она направилась к дому, где в окнах и на боковой террасе уже горел свет.

На резной скамье, стоявшей в левом углу террасы, сидел полицейский в форме. Дол равнодушно посмотрела на него и направилась в дом. В гостиной никого не оказалось, как и в прихожей. В доме царила тишина. Тогда Дол прошла в столовую. Столовая сияла огнями; Белден находился на боевом посту, однако за накрытым на восемь персон столом были заняты всего два места. В дальнем конце стола Лен Чисхолм хмуро поливал картофель мясным соусом. Сидевший напротив Стив Циммерман торопливо жевал с набитым ртом.

Белден с поклоном подошел к Дол, двое мужчин поспешно поднялись со своих мест. У Дол вдруг снова скрутило живот.

– Где миссис Сторрс? – спросила она.

– Без понятия, – не слишком любезно отозвался Лен. – Наверное, наверху. Сядь. Съешь что-нибудь.

– Не думаю, что... Не сейчас. А где Сильвия?

– Опять же без понятия.

– Она с Мартином. В комнате, где растения, – сообщил Циммерман.

– Поешь, пока не остыло. Подкрепись немного.

Покачав головой, Дол повернулась и вышла из столовой. Постояла секунду у подножия широкой лестницы. Наверху было тихо. Тогда Дол направилась в переднюю часть дома. В оранжерее, на диване в окружении пальм сидели Сильвия и Мартин Фольц.

Увидев Дол, Сильвия вскочила и, подбежав к подруге, схватила ее за руки:

– Дол, душечка! В чем дело? Где ты была? Дол, что происходит?

Мартин тоже встал с места. Вид у него был измученный и какой-то беспомощный.

– Ради всего святого! Почему ты сразу не пришла к ней? Почему сама ей обо всем не сообщила? Она прямо-таки рвалась туда. Но я решительно запретил. Я прав? Дол, ради всего святого, что произошло?!

Дол увлекла подругу за собой на диван, со вздохом облегчения села и сказала несвойственным ей резким тоном:

– Сильвия, дорогая. Крепись. И ты, Мартин, тоже. Все ужасно, а будет еще хуже. Нам ничего не остается, как принять все как есть.

Глава 5

Дэниел О. Шервуд был хорошим политиком, пухлым и румяным. Он считался весьма компетентным прокурором, хотя его усилия по содействию правосудию нередко тормозились излишне благосклонным, порой граничащим со слабостью отношением к лицам, имеющим вес и занимающим высокое положение в обществе. По природе своей он не отличался особой свирепостью, за исключением тех случаев, когда суровое наказание было воздаянием по заслугам, а благоразумие и опыт подсказывали ему, что люди, имеющие дворецкого, горничную и три автомобиля, крайне редко того заслуживали. В свои без малого сорок лет он свято верил, что в один прекрасный день станет губернатором.

В воскресенье, в девять утра, Шервуд сидел в салоне для игры в карты загородного дома в Берчхейвене. Это была большая комната с пианино в углу и книжными шкафами. Однако она называлась не музыкальным салоном или библиотекой, а игровой, поскольку пианино здесь никогда не открывали, книг практически не читали, но зато частенько играли в бридж. Шервуд выбрал себе стул с высокой спинкой возле стола; рядом с ним устроился средних лет человек с большими ушами – возможно, хороший юрист, хотя и не из тех, кто в один прекрасный день станет губернатором; напротив сидел полковник Бриссенден из полиции штата, с суровым, продубленным солнцем лицом, но не без военного шарма. В кресле возле двери расположился полицейский.

Речь держал Шервуд:

– Мисс Боннер, я все понимаю. Безусловно. Я вам верю и думаю, Рант лжет, утверждая, будто ничего не поднимал с земли. Как вы верно заметили: откуда вы могли знать о бумаге в правом кармане его пиджака, если бы своими глазами не видели, как он ее туда положил? Тем не менее вы не должны забывать, что когда мы расследуем преступление и устанавливаем некий факт, то должны не только установить, но и быть готовы доказать его. Итак, ваше слово против слова Ранта. Присяжные вполне могут поверить, что вы видели, как он что-то там поднимал. Однако адвокат с легкостью подловит нас на неспособности доказать, что из его кармана извлекли именно ту вещь, которую он поднял с земли. Здесь наверняка существует определенная связь, но имеется и некое сомнение.

Дол выглядела уставшей. Белки золотисто-карих глаз помутнели, и в них не было прежнего огня. Она сидела в торце стола лицом к мужчинам и, похоже, обдумывала слова прокурора. И наконец произнесла без особого энтузиазма:

– Очень хорошо. Мне как-то не приходило в голову, что это может стать камнем преткновения. Я говорю о сомнениях в том, что бумага, вынутая из кармана Ранта, именно та, что он поднял с земли. Лично я уверена, что это та самая бумага, поскольку успела на нее посмотреть. Я подняла ее с земли, разгладила и прочла, после чего смяла и положила обратно.

– Вы этого не говорили, – буркнул полковник Бриссенден.

– По-моему, я сказала это патрульному полицейскому.

– Нет.

– А по-моему, да. Но даже если и не говорила, какая, собственно, разница? Все так и было. Потому-то я и уверена, что это та самая бумага.

– Вы могли бы поклясться? – спросил Шервуд.

– Конечно могла бы.

– Бумага, лежавшая на траве, была долговым обязательством на имя Джорджа Лео Ранта, подписанным миссис Сторрс?

– Именно так.

– Хорошо. Придется поверить вам на слово. Ведь свидетелей не было. – Шервуд открыл лежавшую перед ним папку и порылся в кипе бумаг, просмотрел извлеченный откуда-то из середины документ и откинулся на спинку стула. – Мисс Боннер, вы очень смышленная женщина. Вчера вы оказали нам большую услугу. Вы сумели забрать у Ранта важную бумагу и передать ее сержанту Квиллу. А еще вы обратили внимание сержанта Квилла на то, как намотана на ствол проволока, что было весьма толково. Очень толково. Мы по достоинству оценили ваши заслуги. Я не успел с вами подробно поговорить и переключился на других, поскольку вы приехали лишь в шесть вечера, а значит, в момент убийства вас здесь, скорее всего, не было. У меня вчера были к вам еще вопросы, но, так как вы заняли несколько неоправданную позицию, я решил начать с вас с утра пораньше. Вы заявили, что приехали сюда исключительно по делу, по личной просьбе мистера Сторрса, однако отказались сообщить мне суть этого дела. Хотя и признались, что оно, вероятно, имеет отношение к убийству. Ваше утверждение, что разговор со Сторрсом носил конфиденциальный характер, – полнейший вздор. Вы ведь не адвокат.

– Я знаю, – устало проронила Дол. – Оставим споры. Я вам все расскажу.

Полковник Бриссенден что-то недовольно буркнул, а Шервуд сказал:

– О... Значит, вы переменяли мнение.

– Да. Я все обдумала. И готова вам объяснить... Я понятия не имею, кто убил Сторрса. Я нашла на земле бумагу, долговое обязательство, и заставила Ранта, который хотел его унести, отдать документ. При всем при том я отлично знаю: это отнюдь не доказывает, что он убил Сторрса. Я ничем не обязана Ранту, но из-за истории с той бумагой я подумала, что поступлю с ним несправедливо, рассказав вам о просьбе Сторрса.

– Правосудие здесь вершим мы! – рявкнул Бриссенден.

– Итак? – поднял брови Шервуд.

– Итак, как вы уже знаете, я детектив. У меня свое лицензированное детективное агентство. Вчера в час дня Сторрс туда приходил. Он сообщил, что Рант постоянно тянет деньги из миссис Сторрс и это нужно прекратить. Сторрс предложил мне работу. Попросил изучить подноготную Ранта и по возможности вывести его на чистую воду. А также заняться им лично и посмотреть, что получится сделать. Сторрс хотел избавиться от Ранта и положить конец его общению с миссис Сторрс любыми возможными способами, кроме убийства. Сторрс заявил, что, если бы ему нужно было убить Ранта, он бы справился сам. Хотя, конечно, это просто-напросто мужская болтовня. – Дол перевела взгляд с прокурора на полковника и обратно. – Как вы понимаете, его неприятие Ранта имело чисто финансовую и, если можно так выразиться, духовную почву. Рант – основатель и идейный вдохновитель Лиги западных последователей Шакти. Он получает деньги...

Шервуд нетерпеливо кивнул, махнув рукой:

– Я в курсе. Мне приходилось слышать о Ранте. У нас имеется на него досье, и мы продолжаем собирать недостающую информацию. – Он прищурился на Дол. – Значит, Сторрс собирался нанять вас, чтобы вы помогли ему избавиться от Ранта?

– Он уже нанял меня.

– Так вы поэтому приехали сюда вчера? А что собирались делать?

– Не могу сказать. Ничего конкретного. – Дол передернула плечами. – Собиралась на него посмотреть.

– Вы ведь с ним уже встречались?

– Конечно. Несколько раз.

– И тем не менее хотели на него посмотреть. – Шервуд задумчиво потер пухлую щеку. – Мисс Боннер, вы наверняка понимаете, что любое заявление, независимо от того, кто его

делает, нуждается в подтверждении. Конечно понимаете. Например, если Сторрс вас нанял, то, полагаю, он должен был выплатить вам аванс. Налом или выписав чек.

– Нет, ничего такого. Он предлагал заплатить, я отказалась.

Бриссенден снова что-то пробурчал, и когда Дол посмотрела на полковника, то встретила его недоверчивый взгляд.

– Надо же, как неудачно! – сокрушенно покачал головой Шервуд. – А кто-нибудь присутствовал при вашем разговоре со Сторрсом?

– Нет, мы были одни в офисе. Моя секретарша ушла домой.

– Понимаю. А вы со Сторрсом что-нибудь еще обсуждали? Помимо его желания воспользоваться вашими услугами, чтобы избавиться от Ранта?

– Нет.

– Вообще ничего?

– Нет.

– Мисс Боннер, поройтесь в памяти. – Шервуд подался всем телом вперед. – Не забывайте, мы расследуем случай насильственной смерти. Именно вы представили нам доказательство, что это было убийство. И не попытались отгородиться от происходящего под предлогом страха и женской чувствительности. Вы упомянули два важных момента, свидетельствующих не в пользу Ранта: вчерашний случай с этим долговым обязательством и тот факт, что Сторрс испытывал к нему неприязнь. Если это дело рук Ранта, мы его непременно прижучим. Мы уже предприняли все, что в наших силах. Как вы знаете, вчера вечером я пять часов опрашивал всех, кто имел отношение к делу. Так вот, в ходе наших бесед всплыли довольно интересные вещи, явно нуждающиеся в объяснении. Надеюсь, вы поможете мне их объяснить. Поройтесь в памяти. Вы уверены, что Сторрс ничего не рассказывал вам о визите в его офис Стива Циммермана?

– Уверена. Он об этом не упоминал.

– Даже мимоходом?

– Нет.

– А вы уверены, что он ничего не говорил о том, что его угрожал убить Леонард Чисхолм?

– Угрозах?.. – Выражение удивления на лице Дол сменилось презрительной миной. – Вздор!

– Вполне возможно, – невозмутимо согласился Шервуд. – Мужчины частенько заявляют о своей готовности убить другого мужчину. Универсальный способ выпустить пар. Я и сам этим грешу. Но вся штука в том, что Сторрса действительно убили. А следовательно, не такой уж это и вздор. Насколько мне известно, Чисхолм заявлял о своем желании придушить Сторрса, и вы были тому свидетелем. Все верно?

– Да. Что совершенно не относится к делу.

– Очень может быть. Вчера в вашем офисе Сторрс упоминал об угрозах Чисхолма?

– Нет. – Дол начала терять терпение. – Да и откуда ему было знать? Если только Мартин Фольц не позвонил ему сразу после того, как покинул офис вместе с Чисхолмом и мисс Раффрей. А это абсолютно исключено. Есть вещи, на которые некоторые мужчины просто не способны. Мартин Фольц из их числа.

– Чисхолм мог озвучить свои угрозы непосредственно Сторрсу. Например, позвонив по телефону или при личной встрече. Почему бы и нет?

– Нет... Хотя, думаю, с него станется. Так он это сделал?

– Он все отрицает. Но если кто-нибудь слышал его угрозы, мы хотели бы выяснить. Полиция Нью-Йорка с нами активно сотрудничает. Так вот, я хочу узнать, не упоминал ли Сторрс о подобной угрозе или о чем-то еще, связанном с Чисхолмом.

– Нет. Имя Чисхолма в разговоре вообще не звучало.

– Понимаю. И вы наверняка рассчитываете, что я вам поверю.

Дол открыла было рот, но тут же закрыла и, взяв себя в руки, через секунду сказала:

– Да, мистер Шервуд, я рассчитываю, что вы мне поверите.

Неожиданно вмешавшийся в беседу Бриссенден яростно пролаял:

– Надави на нее! Дэн, ты попусту теряешь время! И на остальных тоже! Задай им жару!

Сидевший рядом с Шервудом мужчина, вздрогнув от удивления, так резко вскинул голову, что у него сползли на нос очки. В этот самый момент в дверь постучали, и полицейский впустил в комнату дородного человека в темно-синем костюме, со шляпой в руке, который походил на того, кем он на самом деле и являлся, – на сельского детектива. Детектив подошел к столу, приветствовав кивком полковника и адвоката.

– Ну?.. – спросил Шервуд.

Голос вошедшего звучал хрипло, ровно, без намека на энтузиазм:

– Есть у меня одна идейка, которой, думаю, стоит поделиться.

– Вам что, удалось найти какую-нибудь зацепку?

– Не совсем так. Нет, сэр. Как вы и велели, мы с Маллинзом обследовали все места к северу и востоку. Хотя ничего интересного пока не нарыли. Есть один парень, владелец коттеджа возле Сумак-Ноллс. Форменный псих. Но вчера он весь день провел на заливе. Я вот что вам скажу. Мы с Маллинзом пообщались с парочкой итальяшек, работающих в поместье Фольца, за холмом к северу отсюда. Фольц держит чертову уйму кроликов и фазанов, и все лето происходило нечто любопытное. Это началось в середине мая...

Шервуд остановил его нетерпеливым взмахом руки:

– Я в курсе. Задушенные фазаны. Ну и при чем здесь это?

– Так вот, итальяшки считают, что тут есть явное совпадение. Случаи удушения с перерывами происходили все лето. Похоже на то, что здесь имеется некое совпадение... некая зацепка, к которой стоит приглядеться... – Детектив, окончательно пав духом, замолчал, после чего невнятно пробормотал: – Если хотите, чтобы мы с Маллинзом потянули за эту ниточку...

– Так это и есть ваша идейка?

– Угу. Она самая.

Настало время продемонстрировать свирепость, и Шервуд не преминул это сделать. Поскольку он занимался ответственным, крайне сложным делом об убийстве, где каждая минута была на счету, прокурор высказался коротко, но ясно. Детектив принял взбучку как должное, все с тем же унылым видом, и, кивком подтвердив согласие с приказом прокурора следовать полученным инструкциям, удалился.

После чего Шервуд обратился к Бриссендену:

– Полковник, а вы еще говорите о человеческом материале. О чести мундира. Но мы непременно распутаем дело. Вот увидите. – Он повернулся к Дол. – Не сердитесь на полковника Бриссендена. Он человек военный, а потому привык брать быка за рога. Он услышал от вас вещи, в которые трудно поверить. И если честно, я с ним вполне согласен. – Он наклонился вперед, посмотрев прямо в глаза Дол, при этом оставшись совершенно равнодушным к чарующему сочетанию золотисто-карих глаз и угольно-черных ресниц. – Это правда, что вы серьезно оскорбили мистера Сторрса?

Дол выдержала эту дуэль глазами:

– Теперь понимаю. Значит, Сильвия... Хотя почему бы ей с вами не поделиться? Тут все ясно. Бедняжку мучают угрызения совести.

– Естественно. Мисс Боннер, вы не ответили на мой вопрос.

– Да. Мистер Сторрс обиделся... на меня, на свою подопечную, мисс Раффрей, на нас обеих... Впрочем, это не имеет значения.

– Еще как имеет! – Тон Шервуда стал более резким. – Вчера утром между Сторрсом и мисс Раффрей произошла крайне неприятная сцена. Мисс Раффрей нам ее описала. Сторрс

говорил о Циммермане, с которым перед этим встречался. И о том, что добился увольнения Чисхолма. Говорил о вас, причем с ненавистью...

– Я не верю! – отрезала Дол. – Не верю, что мисс Раффрей вам так сказала. Она сейчас наверху. Давайте ее позовем.

Шервуд нетерпеливо отмахнулся:

– Вам не нравится слово «ненависть». Что ж, заменим его на «враждебность», «неодобрение» – как вам будет угодно. Суть в том, что Сторрс категорически потребовал, чтобы мисс Раффрей прекратила с вами общаться, и она...

– И опять я не верю. Она вам такого не могла сказать. Он настаивал на том, чтобы она полностью отказалась от участия в деятельности детективного агентства.

– Хорошо. Допустим, все было именно так. Сторрс ужасно разозлился, что его и мисс Раффрей опорочили в статье, связав их имена с детективным агентством. И потребовал, чтобы мисс Раффрей немедленно вышла из вашего бизнеса. Заявил, что для него это жизненно важный вопрос, причем весьма эмоционально выразив свою непреклонность. И с учетом всех обстоятельств... – Шервуд для пущего эффекта помахал пальцем перед носом у Дол, – можно ли поверить, что буквально через два часа после этой сцены с мисс Раффрей Сторрс отправился к вам с просьбой помочь ему в весьма щекотливом деле, ни разу не упомянув о своей обиде на вас? Однако, по вашим словам, вы со Сторрсом не обсуждали ничего, кроме предложения поработать на него и найти способ избавиться от Ранга. – Шервуд всплеснул руками. – Стоит ли удивляться желанию полковника Бриссендена на вас надавить?

– Боже правый! – В голосе Дол чувствовалось неприкрытое отвращение. – Так вот, значит, к чему вы клоните. Мистер Шервуд, вам должно быть стыдно!

– Не позволяй ей борзеть! – рявкнул Бриссенден.

– Да, именно к этому я и клоню, – многозначительно произнес Шервуд. – Мисс Боннер, не скромничайте. Сторрс уничтожил ваш бизнес, перекрыв финансирование и лишив вас партнера с полезными связями. Я отнюдь не собираюсь фантазировать. И не стану намекать на то, что вы приехали сюда и убили его с целью отомстить, убрав к тому же помеху для вашего бизнеса. Однако я стопроцентно уверен, что вы со Сторрсом обсуждали кое-что еще, помимо вашей будущей работы, и теперь хочу знать, что именно.

– Понимаю... – Дол внимательно посмотрела на Шервуда. – Я по-прежнему считаю, что вам должно быть стыдно, хотя мне понятен ход ваших мыслей. Поскольку, согласно моему утверждению, мы со Сторрсом говорили исключительно о работе, вам показалось неестественным, что мы не стали обсуждать скандал из-за мисс Раффрей, и вы решили, будто я преднамеренно лгу. Что не лишено логики, но ужасно глупо. Мы со Сторрсом могли обсуждать, например, погоду. Мы действительно упомянули в разговоре тот скандал, но лишь мельком. Он обвинил меня в излишней эмоциональности, а я ответила, что это не в моем характере. Тогда, оставив эту тему, он заявил, что его недовольство участием мисс Раффрей в детективном бизнесе не умаляет его восхищения моими способностями и компетентностью, а потому он хочет предложить мне работу. И мы сразу перешли к делу. – Дол порывисто наклонилась к Шервуду. – Право слово, мистер Шервуд! Мне ужасно неприятно, что вы напрасно тратите на меня свое время. У вас ведь столько дел! Мне начинает казаться, что убийца Сторрса избежал всех глупых ошибок и ему явно сопутствовала удача. Если вы собираетесь его найти и обнаружить веские улики, то у вас должно быть дел невпроворот.

Шервуд окинул Дол задумчивым взглядом. Затем повернулся к полковнику Бриссендену и вопросительно поднял брови. Полковник остался верен себе:

– Не верьте ни единому слову женщины, попавшей в западню.

На что Дол заявила самым холодным тоном из своего арсенала:

– Полковник, не говорите глупостей! Я терпеть не могу всех мужчин, но особенно не люблю мужчин в военной форме и имеющих воинское звание, потому что ненавижу войну.

Я отнюдь не попала в западню. В свое время мужчина сумел устроить мне западню, но ни одному из них больше не удастся этого сделать. – Продолжая свою пламенную речь, она перевела взгляд на Шервуда. – Полагаю, вы проявите дотошность и тщательно проверите подноготную каждого, кто оказался замешан в этом деле. Вы узнаете, если уже не узнали, что моя история очень трогательна, но, увы, банальна. И стара как мир. Меня любил и желал мужчина, а я любила и желала его. Я носила подаренное им кольцо и была гордой, счастливой девушкой, благопристойно ожидавшей торжественного дня. Этот день так и не наступил, потому что мой отец разорился и наложил на себя руки и я в мгновение ока превратилась из богатой девушки в бедную. Мой жених получил обратно свое кольцо. Ситуация, конечно, банальная, но мне от этого не было легче, хотя вы наверняка придерживаетесь другого мнения. Я рассказываю вам об этом, так как здесь нет большого секрета и вы в любом случае обо всем узнаете. Поймите, я до сих пор выбираюсь из той западни, и теперь ни один мужчина не сможет устроить мне новую. Любую западню. Поэтому, ради всего святого, не тратьте зря силы, пытаюсь меня подловить. Ну а что касается вас, мистер Бриссенден, вы мне совсем не нравитесь. Вы как северный ветер. В вас нет ничего, кроме порывистости. Вы совершенно не годитесь для работы, требующей интуиции или тонкости. Впрочем, я с удовольствием сотрудничала бы с вами, мистер Шервуд, если позволите. Я считаю себя неглупой. Я еще молода. Возможно, я слишком тщеславна и во мне говорит задетое самолюбие, но я действительно считаю себя неглупой. И попытаюсь это доказать.

Бриссенден вполне мог взорваться, но не взорвался. Очевидно, у него все-таки были центры, сдерживающие его порывистость. Он свирепо посмотрел не на Дол, а на Шервуда. Окружной прокурор ответил ему отчасти вызывающим, отчасти пренебрежительным взглядом. Полковник явно хотел сказать: «Если будешь трепаться про северный ветер в определенных кругах, я сниму с тебя скальп». А взгляд окружного прокурора как бы говорил: «Можно блеснуть удачной шуткой. В любом случае очень метко».

Шервуд первым прекратил игру на нервах, поскольку у него было более важное дело, а именно Дол. Он повернулся к ней, с сомнением морща лоб и пытаясь оценить ситуацию. Однако вопрос о том, отвечать или нет на этот жест доброй воли, остался открытым, так как дверь, которую охранял полицейский, внезапно распахнулась и приглушенный гул голов, сопровождаемый шарканьем ног, известил о появлении новых посетителей. Полицейский вскочил с места, но не решился преградить вход, ведь предводительницей группы была миссис Сторрс, хозяйка дома. Она уверенно и целеустремленно вошла в салон для игры в карты, а за ней – ее дочь Джанет, Сильвия Раффрей, Леонард Чисхолм, Мартин Фольц, Стив Циммерман и Джордж Лео Рант. Когда миссис Сторрс застыла в центре комнаты, ее глубоко посаженные глаза уставились на сидевшую за столом четверку так, словно она видела перед собой нечто уникальное и незабываемое. Характерное напряжение в ее голосе, похоже, усилилось. В нем проскользнули истерические нотки, когда она требовательно спросила:

– Простите, а кто здесь главный? Вы? Вы, сэр? Я к вам по делу.

Глава 6

Сидевшие за столом мужчины тут же вскочили. Шервуд прошел вперед поприветствовать миссис Сторрс и представить ей своего помощника, а также полковника Бриссендена. Фольц с Циммерманом придвинули стулья для себя и остальных. Рант, чуть бледнее обычного, стоял, пряча руки в карманах брюк и демонстрируя завидное самообладание. Джанет Сторрс, отказавшись от предложенного Леном Чисхолмом стула, удалилась в другой конец комнаты. Дол вышла из-за стола навстречу Сильвии, и бывшие партнеры молча взяли за руки. Бриссенден с угрюмым видом вернулся на место и снова сел. Шервуд продолжил обхаживать миссис Сторрс:

– ...Конечно, миссис Сторрс, если вы предпочитаете этот стул... безусловно. Я только подумал... вы хотели обсудить...

Миссис Сторрс, сев напротив Шервуда, кивнула. Одета она была неброско: джерсовый жакет поверх бледно-желтой блузки, джерсовая юбка, туфли на низком каблуке. На ее бледном лице, и так не совсем обычном, не говоря уже о глазах, застыло выражение внутренней убежденности. Преодолев пробежавшую по телу дрожь, она сцепила пальцы лежавших на коленях рук, выпрямилась и произнесла:

– Так вы утверждаете, что вы здесь главный?

Шервуд кивнул:

– Я окружной прокурор. Уполномочен вести расследование. Присутствующий здесь полковник Бриссенден оказывает мне любую необходимую помощь...

– Да, вы мне уже говорили. – Она впиалась глазами в окружного прокурора. – Простите, что не смогла встретиться с вами вчера вечером. Не знаю, что послужило причиной моего обморока. То ли физическая слабость от шока, то ли мой дух отказался признать дитя своей любви и покинул его. Но если и так... – ее голос стал еще напряженнее, – он снова вернулся. Насколько мне известно, вы уже установили, что мой муж был сокрушен. – Она замолчала – очевидно, полагая, что задала вопрос.

Шервуд слегка замялся:

– Разве... установили, миссис Сторрс? Да, имеется... некая вероятность, что ваш муж был убит. На данный момент мы довольствуемся и этим. Во вторник состоится судебно-медицинское дознание, если доктор Фланнер не назначит другую дату. Свидетельством насилия... свидетельством того, что ваш муж не совершал самоубийства...

Миссис Сторрс нетерпеливо покачала головой:

– Не продолжайте. Я все знаю.

– Ах, знаете?

– Я знаю, что он не убивал себя. Стремление к разрушению и возрождению... Впрочем, это выше вашего понимания и за пределами ваших интересов. Я пришла кое-что сообщить и привела с собой своих гостей. Они вчера находились здесь. И хотя им тоже не дано понять, пусть услышат, что сие означает. Вы должны знать, все вы, что смерть моего мужа означает и мою смерть тоже. Он не смог следовать за мной, поднявшись над низшим уровнем постижения, но был единственным моим спутником в той сфере, которой достиг. Он был моим единственным мужем, и, лишь оставаясь в этой сфере, я смогу его пережить. Подобный исход для меня равносителен смерти, однако это мой долг перед ним, поскольку его разрушение никогда не входило в мои намерения...

Джордж Лео Рант, не меняя позы, резко одернул ее:

– Миссис Сторрс! Вы создаете о себе превратное впечатление! Сэр, господа, я протестую...

– Не перебивайте! – рявкнул Шервуд. – У вас впереди еще будет возможность исправить это впечатление. Слушаю вас, мэм!

Миссис Сторрс покачала головой:

– Не имеет значения. Я лишь хотела принести извинения, но извиниться по-настоящему сейчас вряд ли получится... даже перед моей дочерью... его дочерью. – Посмотрев на забывшуюся в дальний угол Джанет, она снова покачала головой. – Нет. Я хочу поговорить с вами, но по-другому, на вашем уровне. Я могу. Мой муж это знал и восхищался мной. – Она замолчала, на несколько долгих секунд погрузившись в задумчивость. Выражение ее лица осталось прежним. Никаких видимых усилий вернуть самообладание. Она просто сидела не шевелясь, и никто в комнате тоже не шелухнулся. Затем она продолжила: – Сперва я должна удостовериться, что никаких ошибок не было и не будет сделано. Я хочу знать, почему ваши люди наводнили мои владения, вытаптывая растения и уничтожая посадки.

– Видите ли, миссис Сторрс... – Не закончив фразу, Шервуд откашлялся, после чего лаконично сказал: – Они кое-что ищут.

– Что именно?

– Улики. В частности, пару перчаток.

– Чьих перчаток? Нет, я не протестую, а только интересуюсь. Я хочу, чтобы мне объяснили, какие предприняты шаги и какими фактами вы располагаете. Имею я право спросить?

– Имеете, – кивнул Шервуд. – Быть может, не право, но привилегию, которую мы, безусловно, вам гарантируем. Если вы уверены, что в состоянии... Вы желаете знать все подробности...

– Уверена и желаю. Определенно.

– Хорошо. Вчера ночью мы пришли к выводу, что ваш муж не покончил с собой, а был задушен. Ему набросили на шею проволочную петлю, подвесили в воздухе и потянули за другой конец проволоки, перекинутый через ветку. Мы не исключали возможности, что преступник сперва напал на вашего мужа и оглушил его, однако врач не обнаружил следов удара. Тогда мы обсудили другую версию. Ваш супруг мог заснуть на скамье, и ему, спящему, надели на шею петлю. Опросив прислугу и остальных, мы выяснили, что ваш супруг любил летом вздремнуть на той самой скамье. Мы проверили, можно ли накинуть на шею петлю, не разбудив спящего, и выяснили, что это не так уж сложно, если человек лежит в определенной позе. Проволоку можно было осторожно просунуть под шею спящего и осторожно вытянуть, затем скрутить конец скользящим узлом, оставив большую петлю, что и было сделано. После чего можно было в мгновение ока добежать до дерева, схватить другой конец проволоки и быстро натянуть, выбирая слабинку и туго затягивая петлю. Разбуженный затянутой на шее проволокой, ваш супруг, естественно, вскочил на ноги, что позволило еще туже натянуть проволоку и зафиксировать ее в таком положении. После чего ваш супруг, возможно, попытался встать на скамью и, наверное, опрокинул ее ногой. У него не было шанса наброситься на убийцу, поскольку мешала проволока. Если бы он подпрыгнул, чтобы ухватиться за ветку, все было бы кончено...

Речь прокурора неожиданно прервал исполненный муки крик:

– Боже мой, почему он должен... почему мы должны...

Дол Боннер схватила подругу за плечо:

– Полно тебе! Да полно тебе. Держи себя в руках.

Мартин Фольц бросился на помощь невесте:

– Сильвия, дорогая! Дорогая, пожалуйста!

Миссис Сторрс, не сводившая глаз с прокурора, произнесла тоном священнослужителя, изрекающего религиозный догмат:

– Мой муж наверняка попробовал добраться до человека, тянущего за проволоку. И наверняка добрался бы до него.

– Нет, мэм, – покачал головой Шервуд. – Мы провели следственный эксперимент. Но вы спрашивали о перчатках. Если человек будет затягивать проволоку голыми руками, то у него на ладонях, естественно, образуются порезы и кровоподтеки, то есть останутся следы. Вот почему вчера вечером мы осмотрели руки всех, кто здесь находится, за исключением ваших. Но я могу сказать, и, поверьте, я отвечаю за свои слова... – Шервуд обвел глазами присутствующих, – что вчера мы не обнаружили никаких свидетельств присутствия здесь посторонних. Мы с высокой долей надежности установили, что никто не приближался к тому месту с восточной стороны. Есть и другие соображения: малая вероятность того, чтобы на месте преступления оказался человек, не знавший о существовании этого укромного места; невозможность для постороннего пробраться незамеченным; тот факт, что в бумажнике Сторрса лежали более трехсот долларов, оставшихся нетронутыми; способ совершения преступления... Нет, невозможно. Мы склоняемся к тому, что там не было посторонних.

Присутствующие зашевелились, по комнате пробежал шепоток.

– Только Шива может разрушать, – заявила миссис Сторрс. – Вы хотите сказать, что исполнитель находится среди нас. Я вам верю. Ну что там с перчатками?

– Где-то наверняка должны быть перчатки. Мы не нашли следов на чьих-либо руках, а значит, человек был в перчатках. Мы также осмотрели все перчатки, которые смогли найти. Вчера вечером один из моих людей, надев перчатки из оленьей кожи, попробовал поднять груз весом сто семьдесят фунтов с помощью куска такой же проволоки, накинутой на сук. В результате на перчатках, в которых был наш человек, остались глубокие борозды. – Шервуд снова обвел глазами комнату. – Где-то наверняка лежат перчатки с такими отметинами. Должны лежать. Вот их-то и ищут мои люди. Я отлично понимаю, что искать перчатки в таком огромном поместье – как искать иголку в стоге сена. И все же не исключено, что мы их найдем... Кстати, миссис Сторрс, у меня к вам просьба. Я собирался попросить вас об этом сегодня утром, но, раз уж все здесь, это значительно упрощает дело. Я хотел бы, чтобы мои люди обыскали дом, пока мы беседуем. Вы позволите?

– Думаю, это совершенно необязательно! – отчеканила миссис Сторрс.

Шервуд нахмурился:

– Тогда вам придется объясниться. Вы, случайно, не хотите сказать, что вам известно местонахождение перчаток?

– Ой, нет! Я хочу сказать... Но вам ведь нужна улика? В сфере вашей ответственности... вам требуется улика?

– Улика? Естественно.

– Очень хорошо. Можете обыскать дом.

Шервуд посмотрел на Бриссендена. Полковник, кивнув, выкрикнул:

– Петерсон! – и, когда вскочивший с кресла полицейский отдал честь, приказал: – Передай Квиллу, пусть возьмет пять человек и прочешет дом. Только не вздумайте перевернуть его вверх дном. Надеюсь, вы уже обыскали эту комнату и переднюю часть дома? Ладно, пусть Квилл проверит оставшиеся комнаты, и как можно более тщательно. Тащите сюда все найденные перчатки. Естественно, пометив бирками место, где вы их обнаружили. Ноги в руки – и вперед!

Когда полицейский вышел, миссис Сторрс громко произнесла:

– Я знаю, что доказательство дураков есть проявление неуважения к Шиве и его законам. Это уступка с моей стороны, и, если мне придется за это заплатить, что ж, я готова. Даже Шива должен соблюдать условия сделки, раз уж он ее заключил, а сокрушение моего мужа не было им предначертано. И теперь я за это страдаю. – В ее пронзительном голосе прозвучали истерические нотки, слова с трудом вырывались из сдавленного горла. – Слушайте все! Я за это страдаю!

Джанет Сторрс тихо вскрикнула, ломая руки:

– Мама! Мама!

– Да, Джанет. И ты тоже, дитя мое. – Миссис Сторрс кивнула дочери, снова бросила взгляд на Шервуда и, совладав с истерикой, произнесла уже обычным для нее, чуть напряженным голосом: – Так вы говорите, исполнитель здесь, среди нас? Вы это знаете? Вы его знаете? Расскажите, что вам известно.

Окружной прокурор пристально посмотрел на нее:

– Мэм, пожалуй, было бы лучше, если бы вы рассказали, что известно вам. Я до сих пор не задал вам ни одного вопроса...

– Задавайте. Впрочем, вы гарантировали мне привилегию. Вам известно, кто убил моего мужа?

– Нет. Хотя я рассчитываю, что вы поможете мне это выяснить.

– Я вам помогу. Но сперва я должна знать... Нет, я вовсе не собираюсь разрушать ваши факты. Только Шива способен создавать или разрушать факты. Именно Шиву я сейчас предаю ради своего мужа. Я должна понимать, какими сведениями вы располагаете. Вы знаете, что исполнитель сейчас здесь, среди этих людей. Что вам удалось выяснить?

Шервуд покосился на Бриссендена и по свирепому взгляду полковника понял, что тот безнадежно увяз. Потом вспомнил о лежащем среди бумаг долговом обязательстве на сумму 50 000 долларов за подписью Клео Одри Сторрс. Лично он не поставил бы и десяти центов на то, что сможет найти ответ на вопрос: имеет он дело с коварным замыслом, или с деятельным раскаянием, или с запущенным случаем идиотизма? Поразмыслив, он наконец повернулся к миссис Сторрс, изобразив искреннее сочувствие:

– Миссис Сторрс, я вам все скажу. Мне кажется, что убийца вашего мужа сейчас находится в этой комнате. – Не обращая внимания на судорожный вздох Сильвии Раффрей и пробежавший по комнате ропот, Шервуд продолжил: – Мы сузили круг подозреваемых до пятнадцати человек, и любой из них предположительно мог добраться до того места у пруда незамеченным. Мы не обнаружили никаких поводов подозревать кого-либо из слуг, включая наемных работников, и ни малейшего намека на мотив. Один из работников Фольца спокойно мог пробраться туда по лесной тропинке, но для подозрений нет никаких оснований, и у них у всех имеется алиби, за исключением управляющего Вольфрама де Руда. Он, похоже... Но мы пока проверяем. Из оставшихся восьми человек четверо женщины, включая вас. Впрочем, женщин мы еще не исключили, хотя маловероятно, чтобы женщина могла справиться с проволоккой. Однако ни у кого из четверых мужчин стопроцентного алиби нет. – Порывшись в бумагах, окружной прокурор вытащил нужную. – По словам вашей дочери, вчера днем, примерно в четверть четвертого, мистер Сторрс вышел из дому через боковую террасу. Биссел, помощник садовника, утверждает, что примерно в это время видел, как мистер Сторрс направлялся вниз по дорожке у подножия холма в сторону рыбного пруда. Нам не удалось найти ни одного свидетеля, видевшего Сторрса до семи вечера, когда мисс Боннер обнаружила его тело. Хотя, как я уже говорил, нам также не удалось найти никого, у кого не было бы возможности совершить убийство. Рант действительно покинул дом около четырех и, вернувшись примерно двадцать минут спустя, по его утверждению, сразу направился к вам в комнату. Ваша дочь Джанет вышла из дому и отсутствовала почти два часа до приезда гостей. Леонард Чисхолм добрался сюда пешком из поместья Мартина Фольца по лесной тропинке около половины пятого, возможно чуть раньше. Сказал, что искал Сторрса, но не нашел. Сильвия Раффрей также появилась одна пятнадцать-двадцать минут спустя, а примерно через час к ней присоединился Фольц. Циммерман оставил собравшуюся у Фольца компанию незадолго до четырех часов, решив прогуляться по лесу, но никто не видел его до половины шестого, когда он внезапно появился на конюшне и, переговорив с одним из конюхов, отправился на теннисный корт. Это вся информация, которую нам удалось собрать. Я составил полный график всех перемещений на вчерашний день с четверти четвертого до без четверти семь, что ничего не доказывает и ни с кого не снимает подозрения.

Отодвинув бумагу в сторону, Шервуд медленно оглядел всех присутствующих и снова остановил взгляд на миссис Сторрс:

– Нашему расследованию, естественно, всячески препятствуют. Ничего другого мы и не ожидали. Все преграды и препоны должны быть устранены. Нам рассказывают небылицы и отказывают в предоставлении информации, которую мы вправе требовать. Нас не удовлетворило объяснение мисс Боннер ее нелогичного поведения, например того, что, обнаружив труп, она отправилась на теннисный корт, провела с остальными гостями десять минут и только потом вернулась в дом, чтобы попросить Белдена вызвать полицию. Нас не устроило объяснение Чисхолма, будто он якобы искал, но не нашел мистера Сторрса, а также его объяснение, зачем ему понадобился Сторрс. Нас не удовлетворили противоречивые показания Вольфрама де Руда о

развитии событий в поместье Фольца вчера днем. Нас не удовлетворило объяснение Фольца, каким образом его шерстяная куртка оказалась на спинке стула в прихожей. Обнаруживший куртку дворецкий нашел Фольца в столовой, где тот наливал себе выпить. А ведь Фольц прежде утверждал, что вошел в дом через оранжерею. Нас не удовлетворил категорический отказ Циммермана раскрыть предмет его вчерашнего разговора в офисе Сторрса, – разговора, который, если верить Циммерману, не перерос в ссору. Нас не удовлетворило упорное отрицание Рантом того факта, что он поднял с травы листок бумаги возле перевернутой скамьи и попытался его унести. Ведь у нас есть четкие показания мисс Боннер, что он это сделал...

– Что за листок? – требовательно спросила миссис Сторрс.

Шервуд с сомнением посмотрел на нее и, порывшись в кипе бумаг на столе, извлек долговое обязательство. После чего, наклонившись вперед, протянул его миссис Сторрс:

– Вот этот, мэм.

Миссис Сторрс взяла долговое обязательство и, кивнув, вернула прокурору:

– Так вы утверждаете, мистер Рант поднял это с травы?

– Да. Мисс Боннер его видела. Рант спрятал бумагу в карман, а Чисхолм ее силой забрал.

Миссис Сторрс посмотрела на Ранта, который все это время стоял так, словно заранее знал, чего ждать. Он невозмутимо встретил взгляд женщины, продолжив упорно молчать.

– Дважды, мистер Рант? – выдохнула миссис Сторрс и, не получив ответа, повернулась к Шервуду. – Эту бумагу вчера уже дважды отнимали у мистера Ранта. Как будто это имеет какое-то значение. Ведь это мой долг Шиве, который я должна заплатить. Мы поспорили... Мой муж, мистер Рант и я... Спор наш плохо закончился. Муж ушел из дома... Вы говорили, наша дочь видела, как он уходил. Мистер Рант получил знак от Шивы. Впрочем, вам этого понять не дано. Мистер Рант тоже ушел из дома, чтобы найти моего мужа и заявить о своем праве взыскать долг. С чем я, естественно, согласилась. Вскоре мистер Рант вернулся, и его гнев передался мне, я почувствовала это, когда мистер Рант сообщил мне, что мой муж отказался жертвовать Шиве, оставил у себя долговое обязательство и в очередной раз нанес оскорбление нашему учению. Однако Рант не сказал мне, что Шива завершил цикл разрушения и мой муж мертв.

Моментально отреагировав, Рант произнес ледяным тоном:

– Миссис Сторрс, я вам такого не говорил, потому что это неправда. Ваш муж был жив и невредим.

Шервуд повернулся к Ранту:

– Но вы ведь сообщили ей, что Сторрс оставил у себя документ?

– Сообщил.

– Итак, вы видели Сторрса в том месте, где его обнаружили, и поссорились с ним?

– Да, видел.

– Выходит, вы лгали, утверждая, что вас там не было, Сторрса вы не видели, а бумага постоянно находилась при вас, вы не поднимали ее с земли и не пытались ее спрятать? Значит, вы лгали, когда отвечали на наши вопросы?

– Да, я лгал.

Полковник Бриссенден облизал пересохшие губы. Остальные тоже пришли в движение. Сильвия так крепко сжала ладонь Дол сильной рукой теннисистки, что Дол пришлось разжимать ее пальцы. Лен Чисхолм вскочил с места и снова сел. Шервуд, вжав голову в плечи, вкрадчиво произнес:

– Если хотите, можете откровенно рассказать, как все было на самом деле.

Рант посмотрел на миссис Сторрс и, обращаясь к ней, произнес:

– То, что я рассказал вам вчера, было чистой правдой. Я нашел вашего мужа возле пруда и сообщил ему о нашем решении. Он продолжал стоять на своем. Я показал ему подписанное вами долговое обязательство. Он вырвал у меня документ и отказался его возвращать. Тогда

я стал настаивать. Он сделался... Он ничего не хотел слышать. Я оставил его там, на скамье. Вы ведь знаете, мой дух не приемлет насилия.

Миссис Сторрс ответила, глядя ему прямо в глаза:

– Шива в своем неистовстве нуждается в орудии. Вы орудие Шивы.

Рант воздел руки к небу, после чего прижал ладони к груди:

– Нет. Я лишь частица Шивы, а у Шивы много частиц. Я знаю, вы поддались слабости, и я прощаю вас. – Он повернулся к Шервуду. – Да, я солгал, но во имя универсальной истины, которой служу. Я знаю, что перед лицом этих неверующих я беззащитен. Да, вы можете доказать, что я брал деньги у миссис Сторрс, а мистер Сторрс хотел этому помешать. Вы можете доказать, что теперь, когда Сторрс мертв, а миссис Сторрс унаследовала его имущество, я окажусь в выигрыше. Я понял это еще вчера, после сообщения Белдена об убийстве Сторрса. А когда я отправился к пруду и увидел Сторрса, висевшего на дереве, то подумал, что никогда не считал себя дураком, но в результате дважды сваял дурака: в первый раз – когда попытался незаметно взять тот документ, а во второй раз – когда не смог предвидеть, что миссис Сторрс, пребывая в сильнейшем шоке, отречется от надежды, которую я в нее вселил, и от истины, которую ей поведал. Поэтому я по глупости и солгал вам. Но я не орудие насилия. И не могу им быть.

Шервуд посмотрел на Бриссендена и на сидевшего рядом помощника.

– Предъявите ему обвинение! – рявкнул полковник.

Помощник Шервуда поджал губы, поднял брови и нерешительно покачал головой.

А миссис Сторрс продолжала вещать:

– И я готова разделить вину, если я виновата или если есть та вина, которую я готова разделить. Но вина есть только тогда, когда ее чувствуешь, и если я могу чувствовать вину, то Шива – определенно нет. Я знаю, что ритуал Шакти, Камакхьи, включающий панчамакару, требует человеческих жертв. Шива, бог-разрушитель, должен выполнить свое божественное предназначение, но я не Дурга и не Парвати, я еще не созрела. Они несли в своем чреве весь мир и жизнь, а я всего лишь земная женщина. Шива должен был это знать. И мистер Рант должен был это знать. Цикл разрушения и возрождения у меня в душе еще не завершен, и я могла бы многим пожертвовать для этого, но не могу окончательно покинуть свою сферу...

Шервуд слушал ее вполуха, мысленно прикидывая все за и против: «Она будет потрясающим свидетелем, с этими ее циклами разрушения... Я могу списать эту галиматью на глетворное влияние Ранта и на то, что у него был мотив... Присяжные с удовольствием все проглотят, они обожают подобные вещи... Итак, предъявить ему обвинение прямо сейчас? Думаю, да. Думаю, что...»

Но полковник Бриссенден уже вскочил с места. Он действительно был порывистым. Он стремительно обогнул стол, миссис Сторрс, продолжавшую обращать к космосу свое жалкое раскаяние, остановился перед Джорджем Лео Рантом и, побагровев, воинственно выдвинул вперед подбородок:

– Выкладывайте! И покончим с этим! Мы взяли вас тепленьким. Где перчатки? – Рант попытался, но Бриссенден продолжал напирать, нависая над Рантом. – Ну давайте, не тяните резину! Где перчатки? Мы вас прижали! Вам понятно? Отдайте нам...

– Погодите минуточку!

Все дружно повернулись. Бриссенден остановился, сверкнув глазами. Лен Чисхолм неторопливо, но решительно встал и угрюмо повторил:

– Погодите минуточку с вашей бодягой. – Отвернувшись от Бриссендена, Лен обратился к Шервуду: – Вы говорили, Рант вышел из дома около четырех часов и вернулся через двадцать минут. Верно?

Однако ему ответил не Шервуд, а полковник, который, вконец раскипятившись, неожиданно взорвался:

– Сядьте на место и не высовывайтесь! Вас спросят, когда надо будет! Вот тогда-то мы и скажем, что верно, а что нет. Мы сыты по горло этим чертовым...

– Ну ладно, – отмахнулся Чисхолм. – Вперед, флаг вам в руки! Если вляпаетесь в это дело и сломаете себе шею, плакать не буду. Я ведь только хотел сказать...

В разговор вмешался Шервуд:

– Пожалуйста, полковник. Всего минуту. – И, повернувшись к Чисхолму, добавил: – Продолжайте.

– Я, конечно, поступаю благородно. Я знаю. Но если я правильно понял, Рант вернулся домой в четыре двадцать, после того как он якобы убил Сторрса. Неувязочка получается. Сторрса видели живым в четыре сорок. Я видел его там, на той скамье.

Бриссенден буквально испепелял Лео взглядом. Послышались изумленные шепотки.

– Вы говорили, что искали Сторрса, но не нашли! – рявкнул Шервуд.

– Да, знаю, – поморщился Лен. – Я тоже лгал. Возможно, теперь вам придется здорово попотеть, но правда в том, что без двадцати пять Сторрс спал на скамье – я это видел.

Глава 7

Если до того Джордж Лео Рант не выказывал признаков отчаяния, то и сейчас особой радости не проявлял. Единственное, что он сделал, – это наконец-то сел, впервые с тех пор, как вошел в комнату. Бросив взгляд на решительное и мужественное лицо Чисхолма, он спокойно занял место за Фольцем и Циммерманом. Дол Боннер удивленно ахнула, остальные встретили внезапный поворот сюжета потрясенным молчанием. Бриссенден, мрачно смотревший на Ранта, словно ястреб на удирающего в кусты кролика, повернулся к прокурору:

– Уберите их всех отсюда, кроме этого типа Чисхолма! Пожалуй, с ним лучше разобратся без посторонних.

– Не сейчас. – Покачав головой, Шервуд не слишком дружелюбно обратился к Чисхолму: – Вы что, собирались застать нас врасплох?

– Отнюдь. Я просто говорю вам...

– Да, я вас услышал. Садитесь. Будьте добры, присядьте. – Лен пожал плечами и сел на стул, который освободила Дол Боннер, а Шервуд обратился к присутствующим: – Итак, господа, я хочу кое-что сказать. Всем вам. Я верю в прямоту. Именно так я и привык работать. Я не устраиваю вам ловушки. Вы вправе узнать обо всем, что мне удалось обнаружить. Если один из вас виновен, моя информация, в конце концов, вряд ли ему поможет. С другой стороны, игра в кошки-мышки мне тоже ничего не даст. Однако не советую вам ловчить и увильживать. Это путь в никуда. – Он резко повернулся к Чисхолму. – И чего вы добились? Вчера вечером вы заявили мне, будто искали Сторрса, но не обнаружили. После чего, наверное, вспомнили, что помощник садовника видел, как вы шли от рыбного пруда между половиной пятого и пятью, а поскольку он уже дал показания, решили опередить события и ничтоже сумняшеся заявили о том, что солгали. Так можно ли вам верить сейчас?

– Не знаю, – угрюмо отозвался Лен. – Я понятия не имел о помощнике садовника. А заговорил я исключительно потому, что вы решили сделать из Ранта крайнего. Хотя он мне не слишком-то нравится.

– Выходит, вы не знали о показаниях садовника?

– Нет.

– То есть вы его не видели?

– Я вчера искал не садовников. Я был для этого слишком зол.

– Злы на кого? На Сторрса?

– Нет. Хотя, полагаю, и на него тоже. Короче, на всех. Вчера в половине пятого я был зол на весь мир.

– Тем не менее вчера утром вы были настолько злы на Сторрса, что в присутствии троих свидетелей пригрозили приехать сюда и задушить его.

– Неужели?! – Лен выразительно поднял брови. – Возможно, и так. Однако отношение случаев угрозы убийством к реальным убийствам – миллион к одному, так что прикиньте ваши шансы что-либо доказать. В любом случае я согласен, что вы имеете полное право предъявлять мне претензии. Вчера вечером я солгал, чего не имел права делать. Теперь, насколько я понимаю, мне следует объясниться, хотя мое объяснение никуда не годится. Одним словом, в него можно с тем же успехом верить и не верить. Мне было просто лень говорить правду.

Бриссенден издал странный звук – нечто среднее между скептическим фырканьем и злобным рыком.

– Чисхолм, вы что, пытаетесь изворачиваться? – спросил Шервуд. – Не советую.

– Я вовсе не изворачиваюсь. Когда вчера на теннисном корте я встретил мисс Раффрей и она спросила меня, удалось ли поговорить со Сторрсом, я поленился объяснять, что застал его спящим на скамье и решил не беспокоить. В результате я просто сказал, что никого не нашел. Когда чуть позже мисс Боннер задала мне аналогичный вопрос, я, естественно, ответил так же, и остальные это слышали. Поэтому, когда вы вчера спросили меня о Сторрсе, я счел бессмысленным противоречить самому себе и вдаваться в объяснения. Я бы не назвал свое поведение попыткой изворачиваться. Хотя, конечно, и совершил промашку. И вот теперь сию здесь и взываю к вам отпустить мою грешную душу на покаяние.

– Это единственная причина, если верить вашему нелепому объяснению, почему вы преднамеренно лгали официальным лицам, уполномоченным расследовать насильственную смерть человека, которому вы угрожали убийством именно в тот самый день, когда это убийство и было совершено?

– Ну да, единственная, – кивнул Лен. – Вы делаете из мухи слона. Я ведь сам сказал, что совершил промашку.

– И больше вам нечего добавить?

– Абсолютно нечего. И я буду твердо стоять на своем.

– Итак, теперь вы утверждаете, что видели Сторрса в том месте, где его впоследствии обнаружили мертвым, и он безмятежно спал на скамье?

– Вот именно. Все, что я говорил вам вчера, было абсолютной правдой. За исключением того, что я не видел Сторрса. Итак, я покинул поместье Фольца незадолго до половины пятого и пришел в Берчхейвен по лесной тропинке. Я собирался найти Сторрса, умастить его и, быть может, получить обратно работу, которой лишился. Дворецкий сказал, что он не в доме. Поискав в саду, я вспомнил, как мисс Раффрей говорила, что он любит днем подремать под деревом возле рыбного пруда, и отправился туда. Он лежал на скамье. Спал как убитый. Короче, очень крепко. Я приблизился, но не стал его будить, сообразив, что он явно не слишком обрадуется и будет не в духе. Тогда я посмотрел на часы, задумавшись о том, кого бы попросить подвезти меня до Огоуока, чтобы я успел на нью-йоркский поезд. На часах было без двадцати пять. Я поднялся на холм, обогнул дом и встретил у дверей мисс Раффрей, которая только что пришла из поместья Фольца. Увидев меня, она предложила сыграть в теннис.

Шервуд впился глазами в Лена:

– Итак, Сторрс спал на скамье. Скажите, положение, в котором он лежал, позволяло протянуть у него под шеей проволоку, не потревожив его?

– Не знаю. Не пробовал.

– У вас собой были перчатки?

– Нет.

– Вы заходили в сарай для инвентаря?

– Нет.

– А вы знаете, что в сарае для инструментов хранится моток шпалерной проволоки?

– Я не знаю о сарае для инвентаря, а если бы и знал, то все равно думал совсем о другом. Я плохо ориентируюсь в Берчхейвене. Был здесь всего несколько раз.

– В какую сторону была обращена голова Сторрса?

– Направо... Направо, если стоять лицом к скамье.

– Вы заметили листок бумаги на траве?

– А? Ох нет. Вам не удастся меня подловить. Хотя в любом случае я ничего не заметил.

– Я вовсе не собирался вас подлавливать. Значит, бумага была зажата у него в руке?

– Я не видел ее.

– Возможно, вы видели что-нибудь еще. Вы что-нибудь заметили? Надеюсь, на сей раз ничего не утаили?

– Это все. Все выложил как на духу.

– Чего не сделали вчера вечером.

– Согласен. Я же принес свои извинения.

Шервуд задумчиво потерел мочку уха, не сводя глаз с Чисхолма, и наконец произнес:

– Вернемся к вашей угрозе убить Сторрса, высказанной вчера утром. Вы, наверное, очень вспыльчивы?

– Да, я эмоционален. И действительно завелся. Вам интересно, могу ли я убить разозлившего меня человека? Спящего – никогда. Для начала он должен проснуться.

– Полагаю, что так. А теперь насчет угрозы. Я отлично понимаю, что мужчины постоянно сыплют такими угрозами, однако на сей раз произошло любопытное совпадение. Вы ведь не угрожали убить, или пристрелить, или отравить Сторрса. Вы обещали его задушить. Как вы можете это объяснить?

– Объяснил бы, если бы мог, – нахмурился Лен. – Возможно, я так сказал, потому что однажды уже душил человека. В студенческой пьесе, когда учился в колледже. Хотя тогда никакая проволока не фигурировала. Я душил его голыми руками. Послушайте. Как вас там? Шервуд? Нет смысла разводить эту бодягу. Всякий вздор о моих угрозах Сторрсу. Ведь я могу и разозлиться. Ну и какой вам от этого прок? Я просто плюну, развернусь и уйду. И что дальше?

– Посмотрим, далеко ли вы уйдете, – вкрадчиво произнес окружной прокурор. – Никто из присутствующих здесь пока не покинет поместье. Зарубите это себе на носу. И можете злиться сколько душе угодно. Я расследую убийство, а вы действительно угрожали Сторрсу, вы солгали мне вчера вечером, и, более того, по вашим же словам, вы были последним человеком, который видел Сторрса в живых. Я не собираюсь предъявлять вам обвинение в убийстве. А иначе посоветовал бы обзавестись адвокатом. Впрочем, я не верю, что вы откажетесь отвечать на вопросы. Так да или нет?

– Хорошо, я отвечу на ваши вопросы, – сдался Лен. – Но только перестаньте постоянно напоминать мне, что я обещал задушить Сторрса. У меня хорошая память, но я никого не убивал. Что еще вы хотите знать?

– Я хочу знать все. – Шервуд снова оглянулся, всматриваясь в лица присутствующих. – Хочу донести до всех одну важную вещь. Если один из вас убийца, я не рассчитываю, что он или она разговорится. Однако остальные должны кое-что четко понимать. Чтобы вычислить убийцу, я должен ясно представлять, каковы были помыслы и действия каждого из вас вчера с половины четвертого до шести пятнадцати. Я говорю «шесть пятнадцать», потому что к этому времени вся компания собралась на теннисном корте, кроме мисс Боннер. Я говорю «половина четвертого», потому что именно тогда дворецкий видел, как Сторрс вышел прогуляться, а позднее его заметил помощник садовника. Если принять на веру рассказ Чисхолма, то можно считать, что в четыре сорок Сторрс был еще жив. Таким образом, полчетвертого можно заменить на четыре сорок. Отсюда следует, что Сторрс был убит за девяносто пять минут между четырьмя сорока и четвертью седьмого. Хорошо. Но что произошло до того? Итак, каковы были действия и помыслы тех из вас, кто невиновен, за указанный промежуток времени?

Шервуд внезапно наставил указующий перст на Стивена Циммермана:

– Взять, к примеру, вас! Вы появились на теннисном корте без четверти шесть. Чем вы занимались в предыдущий час? По вашим словам, гуляли по лесу, и я не могу этого опровергнуть. Но что вы делали вчера утром в офисе у Сторрса? Вы ведь не гуляли по лесу. Так? Вы отказались сообщить, зачем приходили к Сторрсу. Если вы убийца, то ничего другого я от вас и не ждал. Хотя и мог рассчитывать на мало-мальское объяснение, а не на категорический отказ отвечать. Если вы действительно невиновны, чем объяснить ваше молчание? Можете ли вы оправдать свое молчание передо мной, перед собой, перед обществом, перед Богом, наконец? Я как окружной прокурор представляю закон, а закон дает Пи Эл Сторрсу право на защиту жизни и отмщение за насильственную смерть. Может ли хоть кто-нибудь из вас... – Шервуд обвел рукой всех присутствующих. – Может ли хоть кто-нибудь из вас, разумеется кроме преступника, сказать, что Сторрс заслужил, чтобы его убийца избежал карающей руки закона? – Окружной прокурор сделал паузу и, откинувшись на спинку стула, продолжил: – Итак... Любой из вас, кто лжет, или увиливает, или скрывает информацию о том, что произошло вчера или до вчерашнего дня, покрывает убийцу, умышленно или неумышленно. Надеюсь, я понятно выразился? – Он снова оглядел присутствующих, всматриваясь в каждую пару глаз, и все выдержали его взгляд, после чего Шервуд вернулся к Чисхолму. – Вы обещали ответить на вопросы. По вашему собственному признанию, вчера днем вы были жутко злы на Сторрса и вообще на весь мир. Почему?

Чисхолм поморщился:

– По разным причинам. Вам огласить весь список? Пустой номер, но, если хотите, извольте. Я злился на Сторрса за то, что из-за него меня выперли с работы. Злился на своего босса за то, что он не выплатил мне двухнедельное выходное пособие. Злился на мисс Раффрей за то, что позволила Сторрсу себя запугать и в результате кинуть мисс Боннер, а еще за то, что использовала меня, чтобы вызвать ревность Фольца, по-видимому решив, будто мне не хватит ума это понять. Злился на Фольца за то, что он по своей дурачости позволил ей выкинуть этот номер. Да и в любом случае мы с ним друг друга не перевариваем. Он считает, что жизнь прекрасна, а вот я пессимист. Злился на мисс Боннер за то, что осталась в Нью-Йорке. И наконец, я злился на себя за то, что приехал сюда без мисс Боннер, поскольку общаюсь с этими людьми только потому, что они ее друзья. – Лен воинственно огляделся по сторонам. – Коли на то пошло, я злился и на всех остальных, вот только не помню за что.

Шервуд понимающе кивнул:

– Вы сказали, что были злы на весь мир. По крайней мере, я понял именно так. Тогда почему вы подумывали о том, чтобы уехать на поезде в Нью-Йорк, если мисс Боннер должна была приехать в шесть часов?

– Я об этом не знал. Она не собиралась.

– А мисс Боннер объяснила, почему передумала?

– Она здесь. Вот у нее и спросите, – насмешливо блеснул глазами Чисхолм.

– Лен, не глупи. Скажи ему, – послышался голос Дол.

– Ну ладно. Она сказала, ей позвонил Пи Эл Сторрс и пригласил в гости.

– А она говорила, что Сторрс приезжал к ней в офис?

– Насколько я помню, нет. У меня не было с собой блокнота. Ведь я больше не репортер.

– Да, вас уволили. Вы говорили, что злились на себя, так как приехали сюда без мисс Боннер. Вы что, ее старый друг?

– Довольно старый. – Лен бросил взгляд на Дол, державшую за руку Сильвию, и, моргая от падающего из окна у них за спиной яркого света, прищурился на прокурора. – Я влюблен в мисс Боннер. И тщетно пытаюсь убедить ее, что наши чувства взаимны. – Сделав паузу, он сердито буркнул: – Она единственная женщина во всем мире, которая хоть что-то для меня значит. Задайте мне этот вопрос через год, и я отвечу вам так же.

– Сомневаюсь, что в следующем году мне придется задавать вам этот вопрос. Надеюсь, что нет. Но раз уж вы были злы на весь мир, почему все же явились сюда без мисс Боннер?

– Я уже объяснял. Мисс Раффрей предложила мне приехать и попробовать умастить Сторрса. Я хотел получить свою работу обратно.

– Значит, умастить Сторрса было не вашей идеей? А вот намерением, о котором вы объявили во всеуслышание...

– Полегче на поворотах! – Лен поднял руку ладонью вверх. – Я ведь просил вас больше не напоминать о моей угрозе задушить Сторрса. И вообще, чем дольше вы будете играть со мной в кошки-мышки, тем меньше будете знать. Я позволил вам продолжать исключительно потому, что солгал вам прошлым вечером и должен загладить вину.

Шервуд собрался было ответить, но ему помешал Бриссенден. Наклонившись через стол к окружному прокурору, полковник потребовал:

– Отдайте его мне! Хочу кое-что попробовать.

Шервуду снова помешали ответить. В дверь постучали, и в комнату вошел полицейский с приплюснутым носом, тот самый, которому Дол вчера вечером объясняла, о чем свидетельствует проволока, намотанная спиралью на ствол. Дождавшись кивка Шервуда, полицейский поставил на стол между окружным прокурором и своим непосредственным начальством потрясающий набор трофеев. Плоская корзинка была доверху набита перчатками всех цветов и фактур, мужскими и женскими. Свирепо посмотрев на корзинку, Бриссенден рявкнул:

– Какого черта?!

– То, что вы просили, сэр, – ответил полицейский. – Вот это из помещений для прислуги. Все остальное принадлежит членам семьи, кроме двух пар с бирками. Мы нашли их в стенном шкафу в передней, но дворецкий и горничная не знают, чьи они. Ни одна пара перчаток не использовалась для натяжения проволоки. Здесь есть перчатки для верховой езды с характерными отметинами, явно оставленными не проволокой. Парни заканчивают обыскивать второй этаж. Кое-какие вещи – чемоданы и ящики – дворецкому открыть не удалось. Что мне делать? Всех отпустить?

– Здесь командует мистер Шервуд, – с горечью заметил Бриссенден.

– Нет, думаю, что... – Окружной прокурор осторожно потрогал перчатки. – Раз уж вы все осмотрели, можно вернуть перчатки на место. Если, конечно, полковник не захочет лично проверить. – Шервуд повернулся к миссис Сторрс. – Мэм, не соблаговолите ли отпереть ящики и проследить, чтобы их снова заперли? Или нам попросить вашу дочь? Полагаю, наш долг – произвести тщательный обыск.

Миссис Сторрс осталась сидеть как изваяние.

– Это бесполезно, – изрекла она. – Я вас предупреждала. Доказательство дураков. Я, конечно, все сделаю, хотя это бесполезно. Я вдоволь наслушалась ваших глупостей. Неужели вы рассчитываете провести Шиву с помощью пары перчаток? Что значат какие-то презренные факты перед лицом его великой мудрости, если он сам создает факты? Что значат стрелки часов или глаза глупого юноши? Я знаю, что цикл уже завершен!

Шервуд нетерпеливо кивнул:

– Хорошо, миссис Сторрс. Предоставьте это нам. Мы знаем, что цикл мог завершиться после четырех сорока, а быть может, и раньше. Что понятно даже таким непросвещенным дуракам, как мы. Если вы пройдете с сержантом и отопрете ящики... Квилл! Де Руд, тот парень из поместья Фольца, случайно, не приходил? Хорошо. Впусти его сюда. А потом я хочу побеседовать с помощником садовника. И еще... – Он посмотрел на Лена. – Полковник Бриссенден желает с вами пообщаться. Не могли бы вы пройти с ним в соседнюю комнату?

Лен обреченно пожал плечами:

– Он только и знает, что лаять на меня. Ну а я буду лаять в ответ.

– Так вы пройдете или нет?

– Естественно. Постараюсь держать себя в руках.

Шервуд снова повернулся к собравшимся:

– Мистер Циммерман, вы мне тоже понадобится. Примерно через полчаса. Пожалуйста, далеко не уходите. Я за вами пришлю. – Затем окружной прокурор обратился к Мартину: – Мистер Фольц, если хотите, можете возвращаться домой, но не дальше своего поместья. Я побеседую с вами позже. Просьба ко всем остальным – не покидать территорию. Пока не знаю, надолго ли... Да, Квилл! Передай всем этим репортерам, что я передумал, и гони их вшаей. Они могут подождать у меня в офисе. Миссис Сторрс, надеюсь, вы не против?

Глава 8

Дол Боннер не выспалась, и теперь у нее болела голова. Приветливым солнечным сентябрьским утром она шла по огибающей восточный склон тропинке в надежде успокоить головную боль. Накануне вечером ей так и не удалось поужинать, и сегодня утром она буквально умирала с голоду, а потому съела на завтрак два крупных персика из здешнего сада, овсянку, копченую пикшу и рогалики. Пока она пила кофе, ее вызвали к Шервуду в игральную комнату, в связи с чем ей так и не удалось выйти на террасу полюбоваться утренним солнцем. Но вот теперь, когда солнце слепило глаза, головная боль еще больше усилилась.

Дол продолжала убеждать себя, что она детектив. На самом деле она приехала в Берчхейвен именно как детектив, нанятый Пи Эл Сторрсом. И хотя желание плюнуть на все значительно окрепло, упрямство мешало ей это сделать. Она отлично понимала абсурдность того, что красивая молодая женщина – ее уверенность в себе отнюдь не страдала оттого, что она решительно отрицала свою привлекательность, хотя зеркало свидетельствовало об обратном, – выбрала себе подобную карьеру, но уже после первой недели работы в агентстве «Боннер и Раффрей» перестала об этом думать. Будучи реалисткой, Дол прекрасно понимала, что придется хорошенько потрудиться, чтобы преуспеть на выбранном поприще, или признать, что она села в лужу. Что для Дол Боннер было неприемлемо. Поэтому она энергично атаковала проблемы, которые должна была решить, даже такие запутанные случаи, как дело Лили Ломбард и Харольда Айвза-Битона.

И вот смотрите, куда это привело: она, Дол, по уши увязла в деле об убийстве. Да и дело-то, собственно, ее не касается, и тем не менее.

Проходя мимо раскидистого куста, Дол внезапно обратила внимание на нечто темное и чужеродное – цвета коричневой кожи, – не вязавшееся с живыми ветками и зеленой листвой. Дол сошла с тропинки и, раздвинув ветви, обнаружила пустое птичье гнездо. «Столь пустяшное происшествие, а сердце уже готово выскочить из груди», – мысленно упрекнула себя Дол. И все же! Она неосознанно выискивала взглядом пару перчаток. Ведь так? Что на этих необъятных просторах было бы непосильной задачей для целой толпы полицейских и детективов, не говоря уже об одной слабой женщине. Не то чтобы Дол осудила свой порыв с профессиональной точки зрения. В любом случае попытка не пытка, даже если и обречена на провал.

Решив посмотреть, как будет выглядеть дерево и укромный уголок у пруда при ярком дневном свете, Дол начала спускаться с холма. Однако, оказавшись возле пруда, Дол решила не идти на место преступления. Во-первых, под свисающими ветвями дерева стоял полицейский, задумчиво жевавший жевательную резинку. Цербер. Во-вторых, внимание Дол привлекли доносившиеся со стороны пруда голоса, и она увидела топтавшихся там мужчин. Дол подошла к самому краю, туда, где некогда была вода. Мужчины не заметили девушку, поскольку были всецело поглощены странным занятием. Пруд практически полностью осушили. Тысячи рыбешек, в основном представленных синежаберным солнечником и окунем, отчаянно бились в мелких лужицах, а вооруженные граблями мужчины, потев, чертыхаясь и обмениваясь саркастическими замечаниями, героически прокладывали себе путь сквозь ил и тину. На противо-

положном берегу стоял седовласый мужчина в выцветшем комбинезоне и негодуяще попыхи-вал трубкой. Это был Ватруз, старший садовник Берчхейвена.

Дол уныло побрела обратно к вершине холма. Похоже, не ей одной пришла в голову мысль, что убийца мог легко сунуть в каждую перчатку по камню и бросить перчатки в пруд. Впрочем, не так уж и легко! Поместье содержится в образцовом порядке, и вокруг нет даже мелких камешков. А если вы только что повесили человека и стремитесь побыстрее скрыться, у вас практически не остается времени на поиск подходящих камней, если только вы не припасли камни или груз заранее, что, как ни крути, кажется маловероятным.

Проходя мимо огромного роскошного розария, Дол заметила двоих мужчин в черных котелках и темных костюмах. С лопатами в руках, они подныривали под кусты роз в поисках свежевскопанной земли. Дол отправилась на конюшню и, поздоровавшись с конюхом, получила разрешение погладить лошадей, на одной из которых пару раз ездила верхом. С чердака доносились ругань и хриплые голоса. Судя по всему, полицейские ворошили вилами, а затем вручную перекидывали сено.

– Искать иголку в стоге сена, – пробормотала Дол.

С этими словами она вышла наружу. Свернув в сторону, она пролезла через про-свет в изгороди из тиса прямо в огород и зашагала по посыпанной торфом центральной дорожке. Похоже, огород тоже тщательно обыскали: головки сельдерея скрючены, выющи-еся стебли арбуза растоптаны, перцы и баклажаны повреждены, – однако поблизости никого не было видно. Дол прошла в самый конец, к сложенным из кирпича низким компосте-рам, и бросила взгляд на свежую компостную кучу: отшелушенные кукурузные початки, гни-лые томаты, листья и кочерыжки капусты, верхушки сельдерея, хвостики моркови, арбузная мякоть, бледно-розовая и незрелая...

Увиденное навело Дол на грустные мысли: «Еще недавно все это было живым, росло и зеленело, а сейчас годится разве что на компост». Она прижала руки к вискам. Солнце отнюдь не облегчало головную боль. Дол решила вернуться в дом.

В прихожей ей преградил дорогу сержант Квилл, выросший, словно из-под земли:

– Мисс Боннер! А я вас уже обыскался. Багажник вашей машины заперт. Если не воз-ражаете...

– Что? – Головная боль явно мешала соображать. – Ой, ну конечно! Ключи в бардачке.

– Я знаю, где лежат ключи. Я их там видел, но будет лучше, если вы пройдете со мной.

Пожав плечами, Дол послушно последовала за полицейским по главной террасе, а оттуда – по гравийной площадке. Квилл распахнул дверь машины и отошел в сторонку. Дол выудила из бардачка ключ, отдала сержанту и стала наблюдать, как он, открыв багажник, методично достает оттуда вещи: свитер, «кодак», два теннисных мяча, кожаную куртку Сильвии, экзем-пляр книги Огдена Нэша и третий том «Заката и падения Римской империи» Э. Гиббона... Под конец Квилл извлек небольшой, но элегантный и прочный кожаный чемоданчик из свет-лой свиной кожи с хромированными замками и выгравированными золотом инициалами «Т. Б.» чуть ниже ручки. Чтобы не поцарапать чемодан, сержант поставил его на расстеленный на земле свитер и открыл. Дол почувствовала, что невольно краснеет. К внутренней стороне крышки были пристегнуты пистолет «холком» с рукояткой из вороненой стали и коробка с патронами.

– Ну конечно, вы же детектив, – мрачно проронил сержант.

– У меня есть лицензия! – огрызнулась Дол. – Я имею в виду пистолет.

Квилл кивнул и продолжил осмотр. Оценив по достоинству содержимое чемоданчика, он восхищенно пробормотал:

– Что б мне пусто было, полный набор!

Дол поняла, что еще немного – и она даст ему хорошего пинка. Чемоданчик не являлся собственностью агентства «Боннер и Раффрей», а принадлежал лично Дол. Подарок от Силь-

вии, которая не поленилась проконсультироваться с двумя инспекторами полиции Нью-Йорка, чтобы точно определить его содержимое. Сильвия, возможно, слегка перестаралась, но в этом она вся.

Сержант потрясенно таращил глаза:

– Танин, соляная кислота, три увеличительных стекла, порошок для снятия отпечатков пальцев, растворитель, подушечки – ух ты! – лакмусовая бумага, конверты – видимо, для улики, – пустые склянки – никогда не знаешь, когда они понадобятся, – марля и клейкая лента... отличный фонарик... – Он поднял глаза на Дол. – Но ваш ствол... Конечно, это нормально хранить его вот так. Но по-моему, когда расследуешь мокрое дело лучше держать его при себе...

– Положите ключ на место, когда закончите. – Дол повернулась и пошла прочь.

Шагая по извилистой дорожке к теннисному корту, она подумала, что не стоит придавать особого значения инциденту, поскольку она и так уже всей душой ненавидела мужчин. И моментально выбросила разговор с сержантом из головы.

Возле корта в двух ярко-желтых креслах расположились Мартин Фольц и Сильвия Раффрей. Сильвия сидела, откинувшись на спинку кресла и прикрыв глаза руками. Мартин разговаривал со стоявшим перед ним мужчиной – обладателем весьма незаурядной внешности. От шеи и дальше вниз человек этот чем-то смахивал на огромную обезьяну в костюме и туфлях. Именно такое впечатление создавали нависавшие над грудью мощные плечи; вставленные в туловище, словно у гигантской шарнирной куклы, ноги; гипертрофированные мышцы, не позволяющие выпрямить спину. Однако если поднять голову, то можно было увидеть живое интеллигентное лицо нервного и умного человека лет шестидесяти. Судя по покатым плечам, человек этот был ненамного выше Мартина Фольца.

Мартин, прервав беседу, сказал:

– Сильвия, пришла твоя подруга. Дол, я рад, что ты здесь. Де Руд хочет спросить тебя о том мужчине, которого ты отравила...

– Дол, дорогая, какая же ты непоседа! – Сильвия убрала от лица руки и выпрямилась; ее глаза, некогда сверкавшие боевым задором, запали, а чудесная кожа лица посерела. – Вечно ты исчезаешь. Какого черта ты вытворяешь?!

Положив руку на плечо подруги, Дол заглянула ей в лицо:

– У меня разболелась голова. Вот и все. Полагаю, это у нас общее. – И, обращаясь к Мартину, добавила: – Ты имеешь в виду Силки Пратта, которому я велела сторожить фазанов? Я думала о нем вчера вечером. Это показалось мне... нелепым. Де Руд, а он что, приехал? Вы встретили его в Огоувике?

– Да, мисс. – У де Руда был хриплый, гортанный голос. – Мне не удалось провести его на чердак, как планировалось. Когда мы приехали, у нас было полным-полно полицейских. Они допрашивали наших работников. Допросили и вашего человека, и меня тоже. Тем не менее ночью он уже был на посту. Я сказал, что сегодня вы дадите ему дальнейшие указания. Хотя, на мой взгляд, это пустой номер. Ведь теперь все о нем знают.

– Полагаю, что так. – Дол наморщила лоб. – Мартин, а ты как думаешь?

– Ну... даже и не знаю, – замялся Фольц. – Если ты говоришь, что берешь все расходы на себя...

– Короче, по-твоему, мы пускаем мои деньги на ветер? Или, точнее, деньги Сильвии. Ладно, продолжай. Полагаю, нам всем кажется, будто мы оказались в эпицентре землетрясения. Но раз уж мы начали, нужно довести дело до конца. – Дол посмотрела на де Руда. – Я позвоню ему и скажу, чтобы приезжал тем же поездом. Встречайте его в Огоувике.

– Дол, это ужасно глупо! – взорвалась Сильвия. – После того, что случилось... заставлять человека всю ночь сторожить фазанов... – Она запнулась, но затем решительно продолжила: – В любом случае в слежке больше нет никакого смысла. Мы с Мартином сегодня утром обсудили этот вопрос. И решили больше не тянуть и избавиться от фазанов.

– Поживем – увидим, мисс Раффрей, – пробормотал де Руд.

– Нет! – Сильвия посмотрела на него в упор. – Хватит с нас этих глупостей, де Руд! Вы чертовски упрямы, а у Мартина уже и так нервы вконец истрепаны. Ой, да знаю я, что вы служите этой семье уже пятьдесят лет, а может, и все сто, что вы катали Мартина на спине и вытирали ему сопли, что вы ненавидите меня, но, если вам так дороги эти фазаны, забирайте их себе и скатертью дорога!

– Мисс Раффрей, я вовсе не питаю к вам ненависти. – Лицо де Руда мучительно исказилось. – Но вы еще слишком молоды. И я вовсе не обязан позволять вам вмешиваться...

– Де Руд!

– Да, мистер Мартин?

– Не смей пререкаться с мисс Раффрей!

– Слушаюсь, сэр. – По телу де Руда пробежала судорога, но он тут же успокоился. – Сэр, не я первым начал.

– Нет, вы, – продолжила стоять на своем Сильвия. – Вы сказали «поживем – увидим». Тут и думать нечего. Все решено.

– Да, мисс Раффрей... Так это уже решено, сэр?

– Святые угодники! – Мартин воздел руки к небу. – Ты все слышал. Отстань от меня. Иди домой. Поговорим позже.

Де Руд перевел глаза на Дол:

– Мисс Боннер, а как насчет вашего человека? Так мне встречать его сегодня вечером?

– Да. Если ничего не изменится. Я дам вам знать.

Управляющий повернулся и пошел прочь, не слишком быстро, но и без каких-либо признаков старческой немощи. Дол проводила его взглядом: мускулистые покатые плечи, размашистый шаг сильных ног, – после чего сказала, ни к кому, собственно, не обращаясь:

– Какой все-таки странный зверь, этот человек. – Она повернулась к Мартину. – На твоём месте я бы отослала его прочь вместе с фазанами. Он безумно ревнует тебя к Сильвии. Вряд ли они уживутся в одном доме. С каждым разом он ведет себя все хуже и хуже. В любом случае он слишком долго тебе поклонялся. Пусть немного передохнет. – Она села на подставку для ног шезлонга Сильвии, потрепав подругу по лодыжке. – Ну что, Раффрей? Как дела?

– Спасибо, Боннер. Паршиво.

– Кто бы сомневался! Ты еще так молода и была совсем ребенком, когда умерли твои родители. Это первый серьезный удар, который нанесла тебе жизнь.

– Дело не только в этом. – Сильвия глубоко вдохнула и судорожно выдохнула. – Пи Эл был выдающимся человеком... Тебе ведь известно, как много он для меня значил... И это ужасно, что он мертв. – Она прикусила губу, посмотрела на свои дрожащие руки и подняла глаза на подругу. – Все не просто ужасно, а еще хуже. – Она снова прикусила губу и неожиданно взорвалась. – Разве они не знают, кто его убил? Почему они не арестуют этого человека? Почему не отпускают нас домой? Ненавижу это место!

– Да будет тебе, Сильвия! Успокойся, – наклонился к ней Мартин.

Дол, продолжая ласково поглаживать лодыжку Сильвии, сказала:

– Ты словно избалованный ребенок. Я тоже когда-то была такой. Тебе пора наконец понять, что не все в этом мире делается по щелчку твоего пальца. Дорогая, даже баловням судьбы иногда приходится глотать горькие пилюли. В свое время я получила такую и едва не подавилась, черт побери!

– Но вот так тянуть волюнку... Заставлять нас сидеть и слушать его... и эту чокнутую женщину...

Дол покачала головой:

– Ты воспринимаешь все слишком буквально. Они не знают наверняка, что это сделал Рант. А даже если бы и знали...

– Ну конечно они знают. А кто еще это мог быть? Конечно знают!

– Нет, Сильвия, дорогая, – ласково произнесла Дол. – Ничегошеньки они не знают. Они здорово влипли. Они выбрали Ранта козлом отпущения, потому что у того был мотив. Но после показаний Лена им вообще не за что зацепиться. Существует очень веский довод в пользу Ранта. Если он вернулся туда после четырех сорока, чтобы убить Сторрса, то ни за что не оставил бы на траве столь важную бумагу. Конечно, он мог в панике покинуть место преступления, хотя это крайне маловероятно.

Сильвия во все глаза смотрела на подругу:

– Но я не сомневалась, что это он. А если это не он, тогда...

– Вот в том-то и дело, – согласилась Дол. – Если не он, то кто? Сторрса мог убить кто-то, о ком мы никогда не слышали. Однако Шервуд убежден в обратном. Убийцей могли быть и ты, и я, и Джанет, и миссис Сторрс, но Шервуд убежден, что женщине такое не под силу. Это мог быть Лен в приступе ярости, или Мартин, увидевший в Сторрсе соперника, или Стив – из профессионального любопытства... Так что, Раффрей, не гони лошадей. Я говорю отнюдь не ради того, чтобы покрасоваться или умножать сущности без необходимости. Я приехала сюда не как твой гость. Меня пригласил Пи Эл Сторрс. – Дол внезапно переключилась на Фольца. – Мартин, а ты что скажешь? У тебя, случайно, не появились новые варианты?

– Нет, не появились, – медленно покачал головой Мартин. – Надеюсь, мои нервы не настолько истрепаны, но я ничего не могу с собой сделать. Вчера вечером я был в таком шоке, что практически ничего не соображал. Когда полицейские попросили меня пройти к пруду и посмотреть... посмотреть на Пи Эл... А я не хотел идти, что даже вызвало подозрение, но это было выше моих сил. У меня слишком богатое воображение... Идти и смотреть на труп стало бы уже перебором. – Он закрыл глаза руками, затем снова посмотрел на Дол. – Мне, конечно, следовало быть посильнее. Возможно, чуть более мужественным.

– Мартин, я тебя умоляю! – отмахнулась от него Сильвия. – Ты – это ты. И такой, какой есть, ты все равно мой.

– Видит Бог, это так, – пробормотал Мартин.

Дол, не проявлявшая особого сочувствия к любовным излияниям – уж слишком свежи были болезненные воспоминания, – бесцеремонно прервала их воркование:

– Я хотела бы задать тебе – такому, какому есть, – пару вопросов. Можно?

– Ты это мне? – Мартин неохотно оторвал взгляд от Сильвии.

– Вам обоим. Но сперва тебе. Что произошло вчера в твоём доме?

– Что произошло? – Мартин задумчиво нахмурился. – Да, в общем-то, ничего. Мы немного поиграли в теннис...

– Но что-то должно было произойти, раз уж вы все пришли сюда поодиночке через лес. С большими интервалами. Сильвия говорила, что Лен плохо себя вел. Лен объяснил, что Сильвия тебя дразнила и ты просто дурак... Хотя погоди. Я, наверное, должна сказать тебе, что интересуюсь отнюдь не из дружеского любопытства. Я расследую убийство Пи Эл Сторрса.

Сильвия изумленно уставилась на подругу. Мартин, заикаясь, произнес:

– Ну да... конечно. Если ты хочешь знать...

– Мартин, не стоит ей потакать. Она замечательная, и я люблю ее, но она примадонна... Дол Боннер, ты ведь... Это... это неуместно.

– Наоборот, – спокойно возразила Дол. – Вполне уместно. Я просто хотела, чтобы Мартин все правильно понял и у него не возникло мысли, будто у нас исключительно приватный разговор и я не смогу нарушить конфиденциальность. Итак, я хочу знать, что у вас вчера произошло.

– И все-таки это неуместно. Вчерашний инцидент не имеет никакого отношения к смерти Пи Эл.

– Ладно, проехали. – Дол решительно поднялась. – Сильвия, не подумай, будто я рисуюсь. Фирма «Боннер и Раффрей», которая пока не ликвидирована, расследует убийство Пи Эл Сторрса. Если тебе это не нравится, прошу меня извинить. А насчет вчерашнего дня, пожалуй, поинтересуюсь у Лена Чисхолма. – Дол повернулась, чтобы уйти.

– Дол, минуточку, – простонал Мартин. – Боже мой, девочки! Да какая, собственно, разница, дружеское это любопытство или нечто другое? Вчера ничего страшного не случилось. Если не считать того, что мы все выставили себя форменными идиотами. Мы приехали ко мне домой около трех часов дня. Я совсем забыл о Стиве, и, когда мы появились, он был уже там, ужасно злой. Поэтому я битых полчаса его успокаивал. Когда я наконец вышел из дома, Сильвия, вероятно решив, что я ею пренебрегаю, захотела меня проучить. Сделав вид, будто не замечает никого, кроме Лена Чисхолма. Полагаю, я выразил недовольство подобным обращением, и Лен отпустил парочку замечаний в мой адрес. Ну, я, естественно, в долгу не остался. Лен взорвался и ушел по лесной тропинке в сторону поместья Сторрса. Мы с Сильвией даже поцапались из-за этого – признаюсь, я вел себя как последний придурок, – и в скором времени она тоже ушла. Я немного подулся, затем поискал Стива, но безуспешно и тогда отправился сюда через лес. Услышал на теннисном корте голоса Сильвии и Лена, но не захотел к ним присоединиться, а потому, обогнув хвойники, вошел в дом с южной стороны, через оранжерею, и направился в столовую, где налил себе выпить. Оказавшийся тут как тут Белден сообщил, что возле теннисного корта уже установлены столы со всем необходимым, и я решил, что пора присоединиться к остальным. Я вышел из дома, сел вон в то синее кресло, налил себе еще выпить и так и просидел до твоего прихода.

– А Стив уже был здесь? – уточнила Дол.

– Нет, он пришел через несколько минут после меня. Точнее, через четверть часа.

– А чем был недоволен Стив, когда вчера, вернувшись домой, ты застал его уже там? Если, конечно, ты готов рассказать.

– Да ничем конкретно. Ты ведь знаешь, какой Стив обидчивый. Он решил, что я забыл о его приезде. Впрочем, я действительно забыл.

– Он рассказывал о своем вчерашнем визите в офис Сторрса?

– Нет, ни словом не обмолвился. Я даже собирался спросить, что он там потерял. Но в суматохе как-то забыл.

– В котором часу ты вчера появился на теннисном корте?

– Точно не скажу. Наверное, минут за двадцать до тебя.

– Я была там в шесть вечера. Значит, ты пришел примерно без двадцати шесть.

– Похоже на то.

– По дороге ты где-нибудь останавливался? Например, возле хвойников, чтобы послушать, что происходит на корте.

Мартин слегка покраснел:

– Возможно, я постоял там минуту-другую.

– Итак, сперва ты пошел в дом и налил себе выпить. Тогда... давай-ка посмотрим... ты должен был покинуть свое поместье в пять пятнадцать – пять двадцать. А где был де Руд, когда ты уходил? Ты его видел?

– Де Руд? – удивился Мартин. – А при чем здесь де Руд?

– Я просто спрашиваю.

– Ну, полагаю, был где-то на территории. В половине шестого они кормят животных. Я его не видел.

Дол, исподтишка изучавшая выражение лица Мартина, на секунду застыла.

– Мартин, спасибо, что сделал мне одолжение, – наконец сказала она. – Надеюсь, преступником все-таки окажется Рант. Ты навряд ли на такое способен. Лен... Нет, я не вижу его в этой роли. Если убийцей окажется Стив Циммерман или де Руд, это будет для тебя тяжелым

ударом. А ты, пожалуй, единственный мужчина на свете, кому я могу искренне пожелать счастья и спокойствия. Ради блага Сильвии. – Дол поджала губы и с легким вздохом посмотрела на младшего партнера фирмы «Боннер и Раффрей». – Сильвия, дорогая, тебя не затруднит также сделать мне одолжение? Пусть ты и считаешь меня примадонной. Итак, насчет вчерашнего утра. Стив Циммерман или Сторрс рассказывали тебе, о чем они разговаривали?

Сильвия, прикусив губу, заглянула в золотисто-карие глаза подруги. Протянула к ней руку и тут же бессильно уронила:

– Дол... скажи мне. Ты ведь несерьезно? Что ты делаешь? Это не игрушки... задавать вопросы о наших знакомых...

– Я вовсе не в игры играю, а работаю. – Дол внезапно сделала шаг вперед, наклонилась и, положив руки на колени Сильвии, посмотрела ей прямо в глаза. – Бедный ребенок! Черт побери, я понимаю! Тебе это неприятно, потому что раньше ты ничего подобного не испытывала. А что до меня... я такая, какая есть. Вот так-то. Если, взявшись за это расследование, я лишь усугубляю твои страдания, то устроюсь поудобнее на террасе и почитаю о закате Римской империи. И все брошу – только попроси. – Дол решительно выпрямилась.

– Нет, – покачала головой Сильвия. – Я вовсе не этого хочу. Делай то, что считаешь должным.

– Хорошо. Вот и молодец. Думаю, я должна попросить тебя ответить на вопрос, рассказали ли тебе Циммерман или Сторрс, о чем...

– Нет.

– Но ты вроде говорила, будто Стив что-то твердил про смертельное ранение.

– Да, твердил. Я решила, он бредит. Он не сказал ничего конкретного.

– Ну а Сторрс?

– Вроде бы нет. – Сильвия нахмурилась. – У меня сейчас голова как в тумане. Словно это было сто лет назад...

– Ладно. Будем надеяться, что преступник все-таки Рант. – Дол прижала пальцы к вискам. – Пожалуй, вернусь в дом, поищу аспирин. А еще шляпу, или придется прятаться от солнца. – Она повернулась к Мартину. – Я позвоню Пратту. Скажу, чтобы сегодня не приезжал. Быть может, он понадобится нам позже. Если, конечно, к этому времени у тебя еще останутся фазаны.

Мартин согласился, что так для всех будет лучше. Сильвия выразила озабоченность по поводу головной боли подруги и, когда Дол пошла прочь, снова откинулась на спинку кресла и закрыла глаза. А Мартин сидел и молча смотрел на нее.

Глава 9

Дол прошла через главную террасу в дом. Дверь ей открыл полицейский в форме. Похоже, полицейские теперь выполняли и обязанности прислуги. В прихожей дежурил еще один полицейский, вероятно для красоты. И так, все перемещения в доме более или менее находились под наблюдением, и это поначалу вызвало у Дол острый приступ раздражения, который сразу прошел, как только она, к своему удивлению, поняла, что и сама поступила бы так же.

Миновав широкую лестницу, Дол остановилась перед закрытой дверью в игральную комнату, откуда доносился невнятный гул голосов. Она нахмурилась, безуспешно пытаясь понять, кто говорит, и продолжала хмуриться, не в силах поймать некое упорно ускользающее смутное воспоминание. Такое чувство, будто она вспомнила чье-то лицо, которое не могла точно идентифицировать. Или некий полузабытый факт, настолько глубоко засевший в памяти, что его невозможно было извлечь. Она чувствовала, что факт этот вполне тривиальный, хотя, вероятно, весьма существенный. Некое поразившее ее на подсознательном уровне и требующее объяснения противоречие, которое она заметила или уловила сегодня утром, но упустила

момент присмотреться повнимательнее, а теперь не могла обнаружить в темных закоулках памяти. Кажется, кто-то что-то такое сказал... или сделал неуместный жест... а может, она видела некий предмет...

Она сдалась, прекрасно понимая, что теперь, пока не вспомнит, будет мучиться, и тут неожиданно ее кто-то окликнул сзади.

Это был Белден, в руках он держал листочки бумаги. Телефонogramмы на имя Дол. Мистер Травистер, узнав из газет о трагическом происшествии в Берчхейвене, интересовался, чем он может быть полезен мисс Боннер. До полудня он будет у себя дома, а затем – в клубе «Бисквит». Мисс Элдора Оливер... аналогичное сообщение. Мистер Малкольм Браун сообщал, что приедет на уик-энд в Уэстпорт, откуда сможет за двадцать минут добраться до Берчхейвена. Поблагодарив Белдена, Дол поинтересовалась, где еще, кроме игровой комнаты, есть телефонный аппарат. Оказалось, в буфетной. Дол достала из сумочки записную книжку, нашла номер телефона Силки Пратта и, соединившись с ним, велела на время забыть о фазанах и помочь Джилу Делку разыскать платье Аниты Гиффорд.

Она вернулась в прихожую, продолжая хмуриться. Так что же, черт побери, она пытается вспомнить?! Что это за мелкий пакостный факт, который так упорно ускользает от нее? Она с досадой тряхнула головой, слишком поздно сообразив, что ее голова сейчас не в том состоянии, чтобы ею трясти, и поднялась на второй этаж.

Широкий коридор второго этажа ровно посередине пересекал более узкий. Завернув за угол, Дол остановилась перед первой дверью справа и осторожно постучала. Немного подождав, постучала еще раз. Дверь открылась, и на пороге возникла Джанет Сторрс. Дол в очередной раз отметила для себя, что Джанет или вовсе не горевала из-за смерти отца, или не привыкла выражать свое горе слезами и стенаниями. Она, скорее, отстранилась от горя либо вместе со своим горем от всего окружающего. Впрочем, трудно судить. Ее лицо было застывшей бледной маской, под которой не только циркулировала кровь, но и прятались секреты. Серые глаза Джанет, как и раньше, казались сонными или затуманенными.

– Мне нужно увидеться с миссис Сторрс, – сказала Дол. – Это займет не больше минуты.

Джанет не успела ответить, так как из глубины комнаты послышался женский голос:

– Кто там?

– Мама, это Дол Боннер.

– Впусти ее.

Джанет посторонилась. Дол вошла, сделала три шага и застыла на месте. Представшее ее глазам зрелище не было экстраординарным... или все-таки было? Миссис Сторрс, с голыми руками и ногами, одетая лишь в спортивную майку и шорты, стояла на платформе замысловатого тренажера, держась за обтянутые резиной ручки. Она не выглядела молодой или слишком стройной, но при этом была неплохо сложена и отнюдь не казалась громоздкой. То ли не замечая разинутого от удивления рта Дол, то ли не обращая на это внимания, миссис Сторрс заговорила своим обычным голосом, с первых же звуков поражающим напряженностью:

– Я занимаюсь на тренажере вот уже три года, не пропустила ни одного дня. Правда, сегодня утром у меня почему-то не возникло желания. А после всего... что было там, внизу... я поднялась к себе и легла, но не смогла спокойно лежать. Дорогая, вы чего-то хотели?

Дол с трудом подавила порыв молча выйти из комнаты. Эта женщина явно сумасшедшая или, по крайней мере, слабоумная. Было абсолютно бесполезно задавать ей приготовленные заранее вопросы, однако что-то сказать все же следовало. Дол подошла к тренажеру:

– Спасибо, миссис Сторрс, я ничего не хотела. Однако считаю себя обязанной сообщить вам две вещи. Во-первых, я здесь отнюдь не в качестве гостя Сильвии. Меня пригласил мистер Сторрс. Он попросил меня, а точнее, нанял разоблачить мистера Ранга. Избавиться от него. Я уже рассказала об этом полиции и решила, что обязана информировать вас.

Джанет наблюдала за происходившим не шелохнувшись, словно ледяное изваяние. Миссис Сторрс спокойно, насколько это позволял ее голосовой аппарат, произнесла:

– Благодарю вас, моя дорогая. Очень характерно для моего мужа. Я его понимаю. Впрочем, не имеет значения. Он пребывал в своей сфере, и после его кончины в ней обречена находиться я.

– Да. Прискорбно, что вы не можете... – поспешно согласилась Дол и, взяв себя в руки, продолжила: – Я хотела сказать еще одну вещь. Я остаюсь в вашем доме, поскольку у меня, естественно, нет выбора, однако я по-прежнему не ваш гость. И не друг. Я расследую убийство вашего мужа.

Джанет едва заметно шевельнулась и снова застыла.

– Это звучит глупо, – выпустив обтянутые резиной ручки, заявила миссис Сторрс. – Что здесь расследовать?

– Целый ряд вещей. В том числе попытаться найти убийцу.

– Вздор! – Мисс Сторрс сошла с платформы. – Кто вы такая? Что вы можете знать? Я уже сказала этому человеку... Он утверждает, что ищет улики. Вы имеете в виду, что помогаете ему? Помогайте, моя дорогая. Но вы знаете, что говорит Шива? Верблюд оставляет след, а солнце нет. Я могла открыть ему истину, но не могла навязать ее.

Дол слушала ее вполуха. Она думала о том, что женщина, способная стоять в льняных шортах с торчащей наружу этикеткой универмага «Сакс»² и произносить подобные речи, или махатма³, или просто чокнутая, но в данный момент это не имело значения. Оставался вопрос, требующий вразумительного ответа.

– Миссис Сторрс, если не возражаете, я бы хотела узнать одну вещь. Рант вернулся домой в двадцать минут пятого и сообщил вам, что мистер Сторрс забрал у него долговое обязательство. Скажите, Рант после этого оставался с вами? До конца дня?

– Нет.

– Как долго вы были вместе?

– Десять минут. Быть может, пятнадцать.

– А вы знаете, куда он пошел?

– Да. Если Леонард Чисхолм, как он утверждает, действительно видел моего мужа в живых. Рант снова отправился к моему мужу.

– Он говорил, что идет туда?

– Нет.

– А вы видели, как он уходил?

– Нет. Он сказал, что идет в салон для игры в карты писать письмо.

– Джанет была здесь с вами?

– Нет. Она ушла задолго до того. Практически одновременно с моим мужем.

В разговор вступила Джанет; ее голос обладал на редкость широким диапазоном, и мелодичное сопрано временами срывалось на визг.

– Я решила срезать цветы, чтобы поставить в вазы. А затем ушла в розарий и немного почитала в беседке. Неужели ты считаешь себя вправе мучить мою мать только потому, что она сильная женщина? Или мучить меня? Почему позволяешь себе нарушать законы гостеприимства...

– Да, я знаю, что нарушаю. Но мне не до приличий, по крайней мере сейчас. – Дол держалась твердо, хотя и не вызывающе. – Тебя не затруднит сказать... Когда ты была в саду и

---

² «Сакс» («Сакс Пятая авеню») – американская сеть роскошных магазинов, самый знаменитый из которых находится на Пятой авеню в Нью-Йорке

³ *Махатма* — в Индии уважительное обращение к особо почитаемому мудрому, высокодуховному человеку.

читала в розарии, то, случайно, не видела кого-нибудь, идущего в сторону рыбного пруда или, наоборот, от него? Лена Чисхолма, например?

– Я вообще никого не видела.

– Ну ладно. А теперь вы, миссис Сторрс. Пожалуйста! Вы пришли на теннисный корт вместе с мистером Рантом вскоре после шести. Он что, снова к вам присоединился?

– Нет. Когда в шесть вечера я спустилась из своей комнаты, он был на террасе. На боковой террасе. И мы вместе направились на теннисный корт.

– Вы что, весь день пробыли наверху?

– Нет. Я была со своим мужем.

– С кем вы были?! – ахнула Дол. – Когда?

– Я была со своим мужем, когда он покинул дом. Я была с ним, пока он спал, и после того, как он был сокрушен. Я и сейчас с ним.

– Ну да, конечно. – Дол испытывала неловкость. Чокнутая или нет, но несчастная женщина была достойна жалости. В этих льняных шортах, с голыми руками и ногами... как там говорил Сторрс... витающая в облаках... – Дол резко оборвала разговор. – Большое спасибо вам обеим. Надеюсь, я смогу доказать, что не напрасно донимала вас вопросами. – Дол повернулась и вышла из комнаты.

Спустившись на террасу, она упрекнула себя, что не воспользовалась законами гостеприимства и не попросила у Джанет какой-нибудь шляпы. От ее собственной шляпки без поляй на ярком солнце оказалось мало пользы, и сейчас нормальная шляпа действительно не помешала бы. Узнав у полицейского в прихожей, где дворецкий, Дол нашла Белдена, и он проводил ее к стенному шкафу в маленьком холле, рядом со столовой. Обнаружив полку с широкополыми соломенными шляпами и хлопчатобумажными панамками, Дол подобрала себе подходящий головной убор и прошла на боковую террасу. Узнав от полицейского, что Рант находится в игровой комнате, а вышедший оттуда пару минут назад Циммерман покинул дом, Дол решила прощупать Стива.

Что стало самым оглушительным ее провалом за сегодняшнее утро. Ассистента профессора психологии во что бы то ни стало нужно было найти, хотя, возможно, лучше бы она этого не делала. Побродив по территории с двух сторон дома и отказавшись от идеи навести справки у полицейского на подъездной дорожке или у второго, сидевшего на крыше летней кухни – непонятно, за каким чертом его туда занесло, – Дол наконец натолкнулась на Циммермана возле собачьих будок. Стив сидел на перевернутом ящике и смотрел сквозь сетчатое ограждение на добермана, лежавшего, положив голову на лапы, и щурившегося от солнца. Циммерман не поздоровался, он даже не пошевелился, хотя Дол оказалась всего в ярде от него. Она постояла, так же молча глядя сквозь сетку на собаку.

– Его кличка указана на табличке, – наконец сказала она. – Гулкен Принц Берч.

Нет ответа. Тягостное молчание. Подавив раздражение, Дол повернулась к Циммерману:

– Стив Циммерман, не валяйте дурака! То, что вы со Сторрсом обсуждали вчера утром, или связано с его убийством, или нет. Если нет, так и скажите. А если связано и вы предпочитаете молчать, советую подумать, что будете говорить Шервуду. Похоже, вы не совсем понимаете, что Шервуд способен серьезно испортить вам жизнь. Например, может отправить вас за решетку как важного свидетеля. Может подмочить вам репутацию. Ему известно, что, расставшись со Сторрсом, вы что-то говорили Сильвии Раффрей о смертельном ранении. А теперь послушайте меня. Я сейчас заинтересованное лицо. Поскольку расследую убийство Сторрса. Если не хотите раскрывать тему беседы со Сторрсом, но она не связана с его смертью, а вы не доверяете Шервуду, поскольку сомневаетесь в сохранении конфиденциальности, можете смело довериться мне. Что сработает до проведения дознания во вторник. А вот во время дознания вы действительно получите сполна. Вам придется дать показания, а иначе вам точно мало не

покажется. Впрочем, вероятно, я опережаю события. Вы только что вышли от Шервуда. И возможно, все ему рассказали. Так да или нет?

Циммерман медленно повернулся и, склонив голову набок, поднял на Дол глаза. Его редкие тонкие волосы на солнце выглядели безжизненными, широкие ноздри непрерывно раздувались, блеклые глаза, утратившие былую пытливость, казалось, ничего перед собой не видели, да и не хотели видеть. Стив на секунду остановил отрешенный взгляд на Дол, снова перевел его на собаку и произнес безучастным тоном:

– Не понимаю, каким боком это вас касается. И все же... Я ничего не рассказал Шервуду о своем разговоре со Сторрсом. Вам тоже не расскажу. И кому бы то ни было.

– Рано или поздно расскажете. Придется рассказать.

Циммерман покачал головой:

– Не придется. Я буду хранить молчание. – Он говорил без привычного оживления, с какой-то смертельной обреченностью. – Человеческий мозг бесчисленное число раз демонстрировал свою способность к упорству. Я не раскрою ничего из того, что предпочитаю скрывать, если только не приму другого решения. Это мое личное дело, защищаться мне либо нет. И не важно, чем объясняется мое упорство: то ли желанием оградить невиновного или виновного, то ли пустым капризом. С точки зрения психологии все это крайне увлекательно, хотя лично мне особого удовольствия не доставляет. Что я и сообщил Шервуду.

– Боже мой! – Дол уставилась на его профиль. – Да вы и вправду дурак.

– Я отнюдь не дурак. – Циммерман поднял с земли кусочек печенья и бросил через сетку, но собака, покосившись на угощение, явно решила, что оно не стоит ее внимания. – Вы предлагаете мне что-нибудь придумать, чтобы успокоить Шервуда. Что-нибудь хитроумное. Однако вы забываете, что я ученый и искренне предан правде. Впрочем, я наверняка справлюсь с помощью инстинкта игры – самого простого и эффективного стимула для воображения. Может, мне объяснить Шервуду, что я заходил к Сторрсу исключительно как психиатр с целью проверить его нормальность? И после психиатрического анализа приговорил его к ликвидации? Или рассказать, как я вчера, незаметно пробравшись в поместье, накинул проволочную петлю Сторрсу на шею, потянул конец на себя и повесил беднягу, когда тот подпрыгнул? Такой вариант вас устроит? Вот только одна беда: я не знаю, где перчатки. Этого я точно сказать не смогу. Насколько я понимаю, закон во избежание самоговора не позволяет принимать на веру признание человека в убийстве, требуя дополнительных доказательств. Жаль только, я забыл, куда подевал перчатки...

– Вы такой же скудоумный, как и миссис Сторрс. Несете абсолютный вздор. Или вы... – Дол остановилась и, прищурившись, посмотрела на Стива из-под полей соломенной шляпы. – Пожалуй, я не стану искать истинную причину вашей идиотской маскировки. Можете не трудиться. Однако вы заслуживаете того, чтобы узнать мое мнение. Я не верю, что вы убийца и ваше поведение объясняется самозащитой. Сомневаюсь, что ваша вчерашняя беседа со Сторрсом имеет какое-либо отношение к его убийству. Навряд ли у вас есть основания думать обратное. Подозреваю, говоря о капризе, вы попали в самую точку. Ваши слова, не мои. Вы привыкли рыться в мозгах других людей, особо не заботясь о приличиях. И я действительно верю, что у вас хватит низости рассматривать это как возможность... попрактиковаться...

– Перестаньте искать соринку в моем глазу, – прервал ее Циммерман. – Я с удовольствием помогу вам разобраться с бревном, которого вы в упор не видите. Похоже, вы тоже не упускаете возможности попрактиковаться в своей профессии.

Он поднял очередной кусочек печенья и бросил собаке. Дол, потеряв дар речи, наблюдала за Циммерманом, затем повернулась и пошла прочь, не удостоив его ответом. Вот уж действительно прискорбное поражение.

На обратном пути Дол старательно искала аргументы против сделанного Циммерманом выпада. И даже подобрала несколько подходящих. Разве не она нашла тело? Разве не ее при-

гласил приехать сюда ныне покойный Сторрс? Разве не она установила значение проволоки, намотанной на дерево спиралью? Разве не она помешала Ранту забрать долговое обязательство? Разве Сильвия не дала ей добро на продолжение расследования? И разве она...

Обогнув бордюр с многолетниками, где двое мужчин ковырялись в сфагнуме, Дол призналась себе, что все эти доводы были если не лживыми, то, по крайней мере, сомнительными. В любом случае она в них не нуждалась. Собственно, в чем одобрении она нуждалась? Ни в чем. Разве что в одобрении Сильвии. А что до нее самой... Она остановилась, глядя на пылающую полоску флоксов и громко пробормотала:

– Я детектив или не детектив?

На этом вопрос был закрыт, однако что-то продолжало ее грызть с назойливостью жужжащего комара. Что такого, черт возьми, произошло сегодня утром, о чем она страстно хочет, но не может вспомнить?! Дол тщетно попыталась сосредоточиться на этом, а потом так же тщетно попыталась выкинуть из головы...

Нужно срочно увидеться с Леном Чисхолмом.

Когда она вернулась в дом, ей сообщили, что полковник Бриссенден, закончив допрашивать Лена в оранжерее, отпустил его восвояси. После безуспешных поисков на западном и южном склонах холма Дол наконец обнаружила Лена в беседке в розарии. Растянувшись на скамье, он читал воскресную газету. Увидев Дол, Лен пододвинулся, чтобы дать ей место, но она предпочла сесть на скамью напротив. Голове стало чуть легче, хотя все мышцы противно ныли.

– Где ты раздобыл «Газетт»?

– Один из полицейских смотался в Огоувок.

– Есть что-нибудь интересное?

– Ага. Вся половина первой полосы. – Лен показал газету. – Фотография Сторрса. И фотография дома. Уж не знаю, где они ее откопали. Хочешь взглянуть?

– Быть может, почитаю позже, – покачала головой Дол. – Как с тобой обошелся наш храбрый полковник? Сурово?

Лен скривился:

– Клянусь богом, Дол, я просто не понимаю, почему таким мордоротам, как он, слишком редко дают по сусалам?

– Боже правый, ты что, ему врезал?!

– Нет, только собирался. Я отчитал его. Объяснил, что к чему. И даже сказал, что я американский гражданин. Не волнуйся, я вел себя как джентльмен.

– А я и не волнуюсь. – Дол, нахмурившись, посмотрела на Лена: покрасневшие белки голубых глаз, небритое лицо, помятый воротничок рубашки, съехавший на бок галстук, взлохмаченные больше, чем обычно, волосы. – Нет. Конечно, я тоже волнуюсь. Я пользуюсь случаем, чтобы попрактиковаться в своей профессии. Расследую убийство.

– Отлично! – Лен откинулся на спину, сцепив руки за головой. – Ты наверняка справишься лучше, чем этот оловянный солдатик. Треклятый остолоп делает вид, что считает убийцей меня.

– Может, он действительно так считает?

– Ты меня пугаешь до потери пульса.

– Вовсе нет. Я просто хочу, чтобы ты включил мозги. Расскажи, что вчера случилось у Мартина. Насколько я понимаю, ты приехал туда примерно в три часа дня. И что потом?

– Ага! – Лен тотчас же выпрямился. – Значит, вон оно что. Ты прикидываешься, будто расследуешь преступление, а на самом деле интересуешься моими шашнями с другими женщинами. Слава богу, что ты наконец-то себя выдала! Скрытая ревность, подобная твоей, иногда достигает той стадии, когда выходит из-под контроля и вырывается наружу. Я отказываюсь защищать...

– Лен, я тебя умоляю! Брось свои шуточки! Я хочу знать, что случилось.

– Так ты настаиваешь? Ну ладно. Мы приехали туда в три часа. Мартин гнал как полоумный. На крыльце нас ждал Стив Циммерман. Он сидел с таким видом, будто ему дали рвотного. Мартин извинился и прошел со Стивом в дом. А Сильвия отыскивала теннисные туфли, ракетки, мячики и все такое... А этот... как его там... натянул для нас сетку...

– Ты имеешь в виду де Руда?

– Именно. Мы с Сильвией немного покидали мячик. Потом она предложила посидеть и поговорить. Как она сказала, насчет моей работы. А на самом деле ей просто хотелось меня охмурить. Она всю махала у меня перед носом волшебной палочкой-завлекалочкой, а когда появился Мартин, воспользовалась моментом и удвоила усилия. Но я был как скала, ни на дюйм не поддался. Ведь все это время думал только о тебе. Мартин распахнулся и влез в разговор. Я тоже в долгу не остался и отпустил пару соответствующих комментариев. Сильвия расстроилась и обозлилась. Короче, дело могло кончиться кровопролитием. Поэтому я счел за благо откланяться и направился сюда. Тебе в жизни не найти более верного мужчины... Так мне продолжать?

– Но только без ерничества. Говори по существу. Итак, согласно твоим показаниям Шервуду, ты явился сюда и отправился искать Сторрса. Увидел, что он спит на скамье, и ушел прочь, решив не будить. Обогнул парадный фасад дома и встретился возле теннисного корта с Сильвией. Все верно?

– Ты ведь слышала, как я это говорил. – Лен выразительно поднял брови. – Ты опять о Сильвии, а? Но мы с ней не языком чесали. Мы играли...

– Перестань, пожалуйста! Когда ты поднялся на холм и обошел дом спереди, ты кого-нибудь видел? Джанет, или Ранта, или кого-нибудь еще?

– Дол, любовь моя! – Лен сел и опустил ноги на землю. – Чем, по-твоему, ты занимаешься?

– Я ведь уже сказала. Расследую убийство Сторрса.

– Но нет... моя дорогая леди... ты явно лукавишь. Я хочу сказать, ты ведешь себя несерьезно. Спрашиваешь меня о мелких происшествиях в гостях у Мартина. Какое, будь я проклят, это имеет отношение к убийству?!

– Не знаю. – Дол продолжала в упор смотреть на Лена. – Я спрашиваю обо всем, что может прийти в голову. В первую очередь мне хотелось бы знать, зачем Стив приходил вчера утром в офис к Сторрсу... Да я и сейчас этого очень хочу. И я до сих пор не могу понять, почему ты вчера нам всем заявил, что искал Сторрса, но не смог найти.

– У тебя с головой совсем плохо, – отмахнулся Лен. – Наверное, солнцем напекло. Можно подумать, ты серьезно.

– Я действительно не шучу. Ой, я знаю, что твое оправдание своего вранья звучит очень естественно, и все же у меня возникает вопрос. Мистер Чисхолм, я детектив. Мне известно твое умение скрывать свои чувства, а также то, что ты отъявленный лжец, причем весьма искусный. Объяснив вчера Шервуду, почему утверждал, что не обнаружил Сторрса, ты пошел еще дальше и солгал прокурору не далее, как сегодня утром. В присутствии всех нас.

– Я?! Ты, наверное, спятила! Я чистая душа.

– Нет, ты солгал, – стояла на своем Дол.

– Объясни.

– Ты заявил, что влюблен в меня и я единственная женщина во всем мире, которая хоть что-то для тебя значит.

– Господь свидетель! – Лен вскочил с места. – И это твоя благодарность?! Только потому, что я не сюсюкаю и жалобно не мычу, словно больной теленок? Неужели ты думаешь, что можешь вот так легко растоптать мою страсть? Неужели ты думаешь, что стоит тебе дунуть – и она улетучится? Неужели ты думаешь...

– Кончай молоть ерунду! – На Дол эти страстные речи явно не произвели впечатления. – Лен, прекрати сейчас же! Твои шуточки были уместны, пока помогали тебе скрыть то, что ты желал скрыть... Нет, я не против... Иногда мне они и вправду нравились... правда, не сейчас. Быть может, это не имеет особого отношения к делу, но, полагаю, я должна сказать, что все знаю. Ты влюблен в меня не больше, чем в китайскую императрицу.

– В Китае нет императрицы. Ты играешь с моим сердцем, как кошка с мышкой. Китай стал республикой...

– Лен, ты когда-нибудь заткнешься? Ты что, принимаешь меня за идиотку? Неужели ты думаешь, я не знаю, что ты без ума от Сильвии?

Слова эти явно попали в цель, поскольку застали Лена врасплох. И Дол, которая не сводила с собеседника глаз, поняла, что не ошиблась. Однако Лен умел держать удар и мгновенно оправился. Уставившись на Дол, он произнес с наигранным изумлением:

– А ну-ка, повтори! Ушам своим не верю. Ты ревнуешь. Я одержим страстями, ты одержима страстями...

Сильвия покачала головой:

– Лен, со мной этот номер не пройдет. Мне давным-давно все известно. Думаю, ты влюбился в Сильвию с первого взгляда еще прошлой весной. В тот день, когда мы встретились у Гиффордов. Я не знаю, почему ты не попробовал отбить Сильвию у Мартина... Хотя, возможно, попробовал, но ничего не вышло. У тебя отличный арсенал слов и красивых поз для камуфляжа. Впрочем, я не вчера родилась, и меня вряд ли можно назвать идиоткой. Ну да, она настолько тебя обворожила, что ты не можешь побороть желания видеть ее, смотреть на нее и слушать любимый голос. И чтобы себя не выдать, ты делаешь вид, будто предмет твоей страсти – я. Полагаю, ты решил, что, несмотря на все свое очарование, не можешь причинить мне боль, поскольку знаешь, что я сделала прививку от этого и выработала сильный иммунитет. Я делюсь с тобой своими соображениями...

– Дол, ты все-таки жуткая дура...

– От такого и слышу. Если бы не мой иммунитет, я бы так легко тебя не раскусила. Почему, по-твоему, я терпела твою клоунаду? Чего ради мне терпеть твои выходки, если не из жалости? Мне действительно тебя очень жаль. Быть может, мне было бы наплевать, если бы речь шла о ком-нибудь другом, а не о Сильвии. Но она такая славная, и привлекательная, и простодушная, и милая, что если бы я была мужчиной, безумно влюбленным в Сильвию... если бы я желала ее так же страстно, как и ты, но не могла получить... Впрочем, именно к этому я и веду. К чему такое самоотречение? Ты абсолютно ничего не должен Мартину. Ты никогда не считал помолвку чем-то священными. Ведь так? Ты четыре месяца использовал меня в качестве ширмы, а я не возражала... Полагаю, я имею право задать тебе этот вопрос. Почему у тебя не хватило мужества попробовать отбить Сильвию?

– Дело не в мужестве, – прорычал Лен.

– Но тогда в чем?

Но Лен лишь покачал головой. Он решительно встал и, сунув руки в карманы, сердито посмотрел на Дол. Снова покачал головой, сделал несколько шагов по дорожке, сорвал со шпалеры с плетистыми чайными розами цветок, смял в ладони, бросил на гравий и вернулся к Дол:

– Послушай, ты ведь заметила, что у меня ум за разум заходит? И что мне теперь с этим делать?

– Да ладно тебе, Лен. Скажи, неужели ты даже не пытался хоть что-нибудь предпринять?

– Абсолютно ничего. Какое-то время я считал, что все как-нибудь само рассосется. Сперва я с ней просто дурачился... по крайней мере, мне так казалось... Но она меня обыграла вчистую. Лукавая бестия. Как-то раз я спросил ее, почему она растрчивает себя на такого парня, как Мартин Фольц, когда рядом есть такой шикарный экземпляр, как я... Я сказал, что она наверняка его не любит, а она посмотрела на меня... ты ведь знаешь этот ее взгляд... и

ответила, что нет, она вовсе не любит мистера Фольца и замуж за него выходит исключительно по воле опекуна – она ведь привыкла слушаться своего опекуна. После чего начала предлагать варианты того, как мне, потеснив Фольца, завоевать симпатии Сторрса: например, срочно научиться играть на рояле, поскольку тот обожает музыку. Теперь видишь, насколько я продвинулся со своими дурачествами.

– Ты должен был хотя бы попробовать рассказать ей о своих чувствах. Это могло ее заинтересовать.

– Ну да, конечно. – В голосе Лена послышались горькие нотки. – Однажды я попробовал, однако Сильвии хватило ума обернуть это в шутку, и она начала фантазировать, что я уйду в монастырь и стану писать ей оттуда длинные письма. Впрочем, ты в любом случае ошибаешься. Я в нее не влюблен. Это своего рода наваждение. Одержимость, быть может. Я никогда не женился бы на ней, даже если бы она оседлала алтарь на колесах и десять лет гонялась за мной. Оно того стоит? Три-четыре миллиона? Каков будет мой титул? Шталмейстер свадебного экипажа? Я молю Бога, чтобы она наконец сделала решительный шаг и, зааркавив Фольца, увела его прочь. Ведь теперь, когда опекун отошел в мир иной, она вполне могла забыть, почему выбрала именно Фольца. – Лен посмотрел с высоты своего роста на Дол. – Какого дьявола ты решила устроить разборки прямо сейчас?!

– Чтобы показать тебе, какой ты отъявленный лжец.

– А кто-нибудь еще в курсе?

– Ты о своем наваждении?

– Да.

– Полагаю, никто.

– А как насчет Сильвии?

– Скорее всего, тоже нет. Ее самоуверенность явно наносная. На самом деле она о себе весьма скромного мнения.

– Ну а Фольц?

– Сомневаюсь.

– А ты с Сильвией, случайно, это не обсуждала?

– Естественно, нет.

– Ну и не надо. Забудь. И я не нуждаюсь в твоём сочувствии. Я все равно не знаю, что с ним делать. Да и у тебя в любом случае нет времени: ты ведь расследуешь убийство. – Лен размашисто зашагал по дорожке, но, пройдя десять ярдов, развернулся и крикнул: – Я больше не буду досажать тебе своей клоунадой! – С этими словами он удалился.

Взгляд Дол уперся в обтянутую измятым пиджаком спину Лена. Он свернул направо, на боковую дорожку. Над кустами еще долго виднелись его голова и широкие плечи, пока наконец не исчезли за перголой в конце дорожки.

Дол уже давно думала о том, как было бы забавно в один прекрасный день сообщить Лену, что его ерничество шито белыми нитками. И вот это случилось. Но ничего забавного тут не было. Да и в чем, собственно, она его изобличила? Кем себя возомнила? Детективом? Вздор! На поверку она оказалась всего-навсего мерзкой сплетницей.

Легкий ветерок ласкал лицо. Воздух вокруг был напоен ароматом роз. Дол посмотрела на валяющуюся на скамье напротив измятую газету, с трудом преодолев сиюминутный порыв взять ее. Затем перевела взгляд на раздавленную розу, которую Лен, сорвав, швырнул себе под ноги. И тут в результате возникшей в мозгу смутной ассоциации именно эти оборванные лепестки на гравии вдруг возродили в памяти тот незначительный, можно сказать тривиальный факт, который она вот уже два часа тщетно пыталась вспомнить. Там, в компостной куче...

Испытав облегчение, хотя и не радостное возбуждение, Дол сочувственно улыбнулась себе самой. Так вон оно что! Безусловно, подобная ерунда не стоила такого сильного умственного напряжения. Возможно, она вообще ничего не стоила. И тем не менее не мешало бы схо-

дить и взглянуть повнимательнее. Дол встала со скамьи, одернула юбку и вздрогнула, внезапно осознав, насколько у нее натянуты нервы, когда с восточной террасы послышался звук гонга. Белден созывал всех на обед.

Глава 10

Обед закончился полным провалом как в плане общения, так и с точки зрения нутрициологии. На отодвинутых тарелках было оставлено куда больше еды, чем предписывалось правилами хорошего тона. Принятие пищи – процесс, направленный на объединение всех домашних, причем не только для соблюдения приличий, но и для улучшения пищеварения, но процесс этот становится сущим мучением, когда души столующихся переполняют такие чувства, как враждебность, мрачное предчувствие или любая другая разрушительная эмоция. За столом собрались буквально все, включая миссис Сторрс и Мартина Фольца, который, очевидно, не воспользовался разрешением властей уйти домой. Хозяйка сообщила, что мистер Шервуд и полковник Бриссенден, отклонив ее приглашение, отбыли в Огоувок, но должны скоро вернуться.

Собравшиеся ели в атмосфере нависшего над головой духа смерти, хотя и не под одной крышей с усопшим. Тело П. Л. Сторрса увезли в Бриджпорт для вскрытия.

После окончания мучительного обеда Дол в одиночестве снова вышла в сад. Обреченно, не рассчитывая на успех, она тем не менее решила присмотреться к тому, что с таким трудом извлекла из памяти. Дол в очередной раз миновала собачьи будки и, пробравшись через просвет в живой изгороди в огород, направилась по центральной дорожке к компостным кучам. Оглядевшись по сторонам, она убедилась, что в данный момент никто не проявляет интереса к этому укромному уголку, – по крайней мере, в пределах видимости никого не наблюдалось.

Она стояла, разглядывая самую свежую компостную кучу. Похоже, за те три часа, что прошли со времени последнего визита, здесь ничего не изменилось: все те же отшелушенные кукурузные початки, гнилые томаты, листья и кочерыжки капусты, верхушки сельдерея, хвостики моркови, арбузная мякоть, бледно-розовая и незрелая...

Дол не хотелось влезать в эту кучу гнили, не хотелось и ворошить ее. Подняв подол юбки, она осторожно ступила на низкий кирпичный бортик компостера. Наклонилась вперед, всматриваясь. Обошла кучу кругом и спрыгнула на землю с противоположной стороны. Застыла, напряженно хмурясь. «Какая же я дура! За прошедшие три часа они наверняка перевернули кучу и закопали корку. Но факт остается фактом: мякоти здесь на четверть арбуза, причем совершенно незрелой, но почему-то без корки. Если кто-то попробовал арбуз и выбросил... Хотя какого черта, что еще остается делать?!»

Она прошла назад по центральной дорожке, где-то на середине свернула налево и остановилась перед грядкой с арбузами. Перед глазами раскинулся роскошный зеленый ковер площадью примерно шестьдесят футов, где, внимательно приглядевшись, то тут, то там можно было заметить круглые темно-зеленые бока. Дол поняла, что поломанные выющиеся стебли и листья ей вряд ли помогут, поскольку вся грядка была безжалостно разгромлена. Похоже, сегодня утром полицейские здесь изрядно потоптались, отодвигая листву... Возможно, у них возникла аналогичная гипотеза, которую они проверяли... Однако в отличие от них Дол действовала не наугад: ее привели сюда логические умозаключения... Она снова огляделась по сторонам и, никого не обнаружив, сошла с дорожки на грядку, отодвинула листья, чтобы освободить арбуз, затем перевернула его проверить попку.

Покачав головой, Дол увидела еще один арбуз, затем еще и еще. Похоже, придется внимательно смотреть себе под ноги и непрерывно наклоняться, отодвигая по широкому кругу листья, чтобы ничего не пропустить. Через десять минут бесплодных поисков она уже чувствовала себя глупо, но упрямство не позволяло бросить начатое. Она целеустремленно продол-

жала идти вперед. Разогнувшись, чтобы дать отдых затекшей спине, она пробормотала себе под нос:

– Ты должна перевернуть все до одного.

После чего снова скрючилась перед очередным арбузом...

Оказавшись у правого края участка, возле грядки с клубникой, Дол уложила набок большой арбуз и, всмотревшись в его бледную попку, изумленно ахнула. У нее возникло такое чувство, будто она, вскрывая раковины устриц и от нечего делать воображая, что ищет жемчуг, к своему изумлению, нашла жемчужину. Дол задрожала всем телом и опустилась на землю, ломая стебли и приминая листья, не в состоянии справиться с дрожью. И внезапно оцепенела от пришедшей в голову ужасной мысли: «А что, если они уже были здесь и нашли это? Нет... невозможно... в таком случае они наверняка унесли бы арбуз». Дол с трудом поднялась на ноги и огляделась. Поблизости никого. Ей нужно было какое-нибудь подручное средство, на худой конец пилка для ногтей. Но сумка осталась лежать на дорожке. Тогда Дол вынула из волос заколку, присела на корточки перед арбузом, осторожно положила его набок и еще раз посмотрела на неправильный прямоугольник величиной с ладонь, вырезанный ножом в корке. Дол нажала на прямоугольник, он подался. Тогда она поддела его заколкой и потянула. Кусок корки выскочил наружу. Дол сунула трясущуюся руку внутрь арбуза. А что, если там пусто? Что, если кто-то просто надрезал арбуз, чтобы проверить на спелость? Ответ на эти вопросы был у нее в руке: пара перчаток из светло-коричневой толстой кожи.

Дол стояла и думала: «Я должна унять эту проклятую дрожь. Я классный детектив. Да, я такая». Она вставила обратно вырезанный кусок корки, протолкнув его как можно глубже, и закатила арбуз туда, где он и лежал. Села на уже примятую листву, вытянула ноги и, задрав юбку, засунула одну перчатку под резинку левого чулка, а вторую – под резинку правого. Встала с земли, одернула юбку, огляделась по сторонам и, по-прежнему никого не обнаружив, неспешно вернулась на основную дорожку, после чего подняла сумку, прошла по центральной аллее к просвету в живой изгороди и в нерешительности остановилась. В какую сторону идти? К дому, естественно, чтобы встретиться с Шервудом. Или подождать его, если он еще не вернулся. Нет, нет и нет! Дол решительно поджала губы. Конечно нет. Перчатки, хотя бы на данный момент, были ее личным трофеем, ее личным открытием, и она, по крайней мере, должна их изучить. Но не в саду. Нужны были стены, непроницаемые для любопытных глаз. Но и не в доме, где полно полицейских и детективов. На конюшне? Что ж, вполне подойдет. Вынырнув из просвета в изгороди, Дол свернула направо.

На конюшне не было ни души. Дол ступила на бетонный пол и позвала конюха, однако ответа не получила. И все же кто-нибудь из работников мог неожиданно войти в дверь. Дол прошла в самый конец помещения, к пыльному окну за стойлами, и извлекла пропитанные арбузным соком перчатки из интимного места хранения. Светло-коричневые перчатки, на вид совсем новенькие, слишком толстые для вождения машины или для прогулок, с надписью на внутренней стороне манжеты: «Настоящая лошадиная кожа». Таких перчаток Дол прежде ни у кого не видела. Она посмотрела на ладони, и если ей и требовалось доказательство, то оно было перед ней. На новенькой коже имелись глубокие царапины, шедшие наискосок от мизинца до основания большого пальца, причем на обеих перчатках. Косвенное, но убедительное доказательство, что Пи Эл Сторрс не совершал самоубийства.

Кто?

Внезапно у Дол появилась мысль, которую пришлось сразу отвергнуть как слишком нелепую. Но мысль эта тут же вернулась. Тогда Дол решила ее все-таки рассмотреть, и она прочно засела в мозгу. И действительно, почему бы не попробовать? Разве это не она, Дол, нашла перчатки? На все про все уйдет час, даже если ничего не получится.

Но где до поры до времени спрятать перчатки? Они были слишком ценной уликой, чтобы брать на себя такой риск. Спрятать их... где? Здесь не было ни одного достаточно безопасного

места. Дол снова задрала юбку и аккуратно засунула свою добычу за край чулок, не почувствовав ничего особенно неприятного от прикосновения сырой кожи к внутренней стороне бедер. Затем снова обогнула стойла и, покинув конюшню, направилась к дому.

Уже у самого дома она свернула направо и прошла к гравийной площадке, где была припаркована ее машина. Рядом с ней теперь стояли и другие автомобили, три или четыре. Полицейский и какой-то человек в коричневом костюме разговаривали, сидя на подножке. Практически одновременно с Дол на площадке появилась еще одна машина, большой седан, из которого вышли Шервуд и полковник Бриссенден. Деваться было некуда. Увидев Дол, Шервуд приподнял шляпу, а Бриссенден демонстративно отвернулся. На какую-то долю секунды у Дол затряслись поджилки: улика, стоившая этим двоим бессонной ночи, предательски давила на кожу. Но отступить было поздно, и Дол позволила им спокойно пересечь террасу. Не обращая внимания на мужчин, сидевших на подножке, Дол невозмутимо подошла к своему автомобилю, отыскала в бардачке ключ от багажника, достала оттуда чемоданчик из свиной кожи, заперла багажник, положила ключ на место и с чемоданчиком в руках отправилась в дом.

Дол понимала, что пошла окольным путем. Следовало подступиться с другого конца, а именно с арбуза, но это было нецелесообразно. А еще она понимала, что поставленная задача по зубам лишь эксперту, а она таковым не являлась. Что, впрочем, уже не имело отношения к делу, ее делу. Поэтому она спросила у Белдена, где сейчас Рант, решив начать именно с него. Ранта она нашла внизу, в бильярдной, где тот в одиночестве катал шары руками.

Он приветствовал Дол вежливым кивком:

– Мисс Боннер! Вы хотите со мной поговорить?

Дол поняла, что нужно ловить момент. Поставив чемоданчик на край бильярдного стола, она посмотрела Ранту прямо в глаза:

– Почему бы и нет, мистер Рант? Тем более что я собиралась просить вас об одолжении. Без объяснения причин и вознаграждения. Я прошу о чисто бескорыстной услуге. Я сейчас провожу эксперимент. Мне нужны отпечатки пальцев всех присутствующих в доме. И начать я хочу именно с вас. Вы позволите снять у вас отпечатки?

Рант был явно ошеломлен.

– Ну надо же! – Он потер щеку. – Мои отпечатки? Это... это одна из тех просьб, на которые можно с полным правом ответить и «Почему это вдруг?», и «Почему бы и нет?». – Бросив на Дол острый взгляд, Рант пожал плечами. – *Sans peur et sans reproche*⁴. Что ж, почему бы и нет? У вас принадлежности с собой? Дерзайте!

Дол открыла чемоданчик – зловеще блеснул вороненым стволом пистолет «холком», пристегнутый к крышке вместе с коробкой с патронами, – и выудила все необходимое: штемпельную подушечку, листки бумаги, переложенные салфетками, бутылочку с растворителем и золотой химический карандаш. Не будучи экспертом, Дол не была и зеленым новичком, поскольку проштудировала достаточно литературы и даже успела немного попрактиковаться. Открыв штемпельную подушечку, она сказала:

– Сначала правую руку, пожалуйста.

И показала как: большой палец, затем последовательно все остальные. Рант молча выполнил инструкции. Дол написала на листке бумаги: «Рант, правая рука». Закончив с его левой рукой, Дол вынула пробку с тампоном на проволочке из бутылочки с растворителем, чтобы стереть следы краски с кончиков пальцев Ранта. Он достал носовой платок и пробормотал:

– Большое спасибо. У вас отличная экипировка. Прямо-таки профессиональная.

Дол, убиравшая вещи обратно в чемоданчик, взмахнула угольно-черными ресницами и бросила любопытный взгляд золотисто-карих глаз на смуглое лицо Ранта:

⁴ Без страха и упрека (*фр.*).

– Нет, это я должна сказать вам спасибо. Вы вели себя очень мило и пошли мне навстречу. Подобная галантность требует вознаграждения. – Дол захлопнула чемоданчик. – Я сообщила всем остальным, что расследую убийство Сторрса. Они считают, я хочу извлечь выгоду из сложившейся ситуации, что вовсе не так. Вам я ничего не сказала, поскольку вы наверняка сочли бы это дружеским жестом, а ведь мы не друзья.

– Я повел себя непростительно глупо в этой истории с долговым обязательством. Для меня было бы намного лучше, если бы его нашел кто-нибудь другой. Вы не причинили мне никакого вреда, и я уверен, что вы отнюдь не пытаетесь извлечь выгоду из сложившейся ситуации, – сказал Рант и, ткнув пальцем в чемоданчик в руке Дол, добавил: – Я с удовольствием оказал вам эту маленькую любезность.

Он еще раз учтиво поклонился, и Дол вышла из бильярдной.

Поднявшись наверх, Дол узнала от Белдена, что мистер Фольц в рабочем кабинете вместе с остальными членами семьи, – очевидно, у них совещание. Она отправила дворецкого узнать у миссис Сторрс, можно ли войти, и тот вскоре вернулся с сообщением, что Дол там ждут.

Рабочий кабинет в Берчхейвене, как и во многих богатых американских домах, был отведен хозяину дома для самых различных прихотей, насколько хватало воображения, и в названии этой комнаты имелся некий парадокс, поскольку покойный хозяин дома даже и не помышлял о научной работе. Дол никогда не была в кабинете, но знала, где он расположен. Однако в сложившихся обстоятельствах у нее не имелось возможности оценить все его сокровища: радужную форель на подставке, гравюры на охотничьи темы, радиоприемник, диплом колледжа в рамке, голову барана Скалистых гор...

Миссис Сторрс сидела напротив окна; возле нее ледяным изваянием застыла на табурете Джанет. Мартин Фольц с Сильвией устроились на кожаном диванчике рядом с радиоприемником, а в большом кресле у письменного стола расположился с печальным, но важным видом незнакомый мужчина с аккуратно подстриженными седыми усиками и бегающими серыми глазами; мужчина в руках держал какой-то официальный документ.

– Да, моя дорогая? – произнесла миссис Сторрс. – Это мистер Кабот. Он адвокат... был адвокатом моего мужа. Николас, это мисс Боннер. Дорогая, вы хотели меня видеть?

Дол вцепилась в ручку кожаного чемоданчика.

– Вас всех, – кивнула она. – Простите, что помешала, но это не займет много времени. Я провожу эксперимент. – Приблизившись к письменному столу, она поставила на него чемоданчик. – Только, ради бога, не просите ничего объяснить и не считайте, что я вас разыгрываю. – Она открыла чемоданчик. – Я только что сняла отпечатки пальцев у мистера Ранта, а теперь хочу взять у вас... у всех вас. Мартин, ты первый?

По комнате пробежал шепоток удивления. Сильвия негромко ахнула. Мистер Кабот раздраженно поинтересовался:

– Могу я узнать, кто эта молодая женщина?

Дол питала особую неприязнь к адвокатам, возникшую на почве общения с ними после банкротства и самоубийства ее отца. Она воинственно выставила вперед подбородок:

– Я детектив. Приехала сюда вчера днем по приглашению мистера Сторрса, который меня нанял. Я занимаюсь своим делом, а вам советую заниматься своим. – И, повернувшись к адвокату спиной, сказала: – Я с вами не шутки шучу и не в игрушки играю. Мне действительно нужны отпечатки ваших пальцев. Не вижу причины, почему бы вам их не дать.

Первым поднялся Мартин.

– Ну, если тебе так нужно, я готов. Ты вроде сказала, что уже взяла отпечатки у Ранта? – приблизившись к письменному столу, спросил он.

– Да. Он с готовностью пошел мне навстречу. Сюда. Вот так.

Дол показала, что нужно делать, сняла все десять отпечатков, стерла с его пальцев чернила. У Мартина были нервные, но сильные руки. Чуткие, с длинными пальцами. Он с интересом посмотрел на отпечатки.

– Сильвия, ты следующая? – спросила Дол.

Сильвия подошла к подруге, к явному неудовольствию адвоката.

– Минуточку, мисс Раффрей! Мне кажется...

– Все нормально. – Сильвия проделывала это и раньше, а потому справилась практически профессионально. – Это Дол Боннер. Мой компаньон. Уж не знаю, какого черта она задумала, но вижу, что ей это зачем-то нужно. Чего для меня вполне достаточно... Верно, Дол? Ты ведь объяснишь, когда закончишь. Да?

Дол похлопала подругу по плечу:

– Все нормально. Я тебе объясню, когда придет время. Если, конечно, придет... Пожалуйста, миссис Сторрс.

Кабот сел на место, хмурясь на своего нового клиента, вдову своего бывшего клиента, которая встала и подошла к столу. Миссис Сторрс отреагировала со свойственной ей энергичностью:

– У меня нет причин отказываться. Видите ли, Николас, Питер всегда говорил, что у меня нет уважения к фактам... Вот так, моя дорогая?.. Но он ошибался. Он во многом был не прав... Ой, вижу-вижу, я слишком сильно нажала... Я просто не позволяла фактам смешиваться с акроаматой, которая идет гораздо глубже фактов и простирается намного дальше их горизонта. – Миссис Сторрс подняла вверх листок с отпечатками своей левой руки. – Видите вот это? Сей мелкий, жалкий факт? Неужели вы думаете, что я смогу признать его свидетельством против моей души? – Она положила листок на место.

Дол повернулась к мисс Сторрс:

– Джанет? Если не возражаешь?

Та не стала вступать в дискуссию о фактах и душах. Она просто ничего не сказала. Подошла к письменному столу с подчеркнутым безразличием и, следуя инструкции, выполнила процедуру куда аккуратнее, чем кто бы то ни было, даже Сильвия. А когда Дол вытерла чернила, Джанет снова протянула правую руку – смыть микроскопическое пятнышко на большом пальце.

Дол убрала принадлежности в чемоданчик, поблагодарила присутствующих, извинилась за вторжение, позволила адвокату, проявив минимум вежливости, слегка кивнуть и вышла из кабинета. Но прежде, чем пройти в прихожую, приподняла юбку проверить, на месте ли перчатки.

На очереди оставались лишь Лен Чисхолм и Стив Циммерман. Оба они казались достаточно сговорчивыми, хотя и в равной степени неприятными. Лена она нашла там же, в розарии, в беседке, где тот, похоже, решил навеки поселиться. Держался он, мягко сказать, вызывающе. Но Дол было, в сущности, глубоко наплевать на его грубость и саркастические замечания. Ведь она пришла сюда за отпечатками пальцев и получила желаемое. Циммермана она обнаружила в персиковом саду, за гаражом. Стив сидел на нижней ступеньке стремянки и угрюмо ковырял персик. Когда Дол изложила свою просьбу, Стив устремил на девушку долгий и откровенно презрительный взгляд, после чего положил персик, вытер о траву мокрые от сока пальцы и вытянул вперед руку, чем немало удивил Дол, скорее ожидавшую отказа. Циммерман был последним в списке.

Она вернулась в огород решить, что делать дальше. И в конце концов не стала усложнять задачу, пытаясь утащить арбуз куда-нибудь подальше. Ну а если кто-нибудь внезапно нагрянет, придется призвать на помощь всю свою смекалку. Дол прошла к компостной куче, оставила там кожаный чемоданчик, затем вернулась к грядке и отыскала тот самый арбуз. Упругий стебель поддавался с трудом, да и поднимать арбуз следовало с величайшей осторожностью, чтобы

не захватать пальцами поверхность. Арбуз оказался очень большим и тяжелым. Дол с трудом несла его на вытянутых руках, держа за макушку и попку, не касаясь платья. Затем осторожно поставила его на кирпичный бортик компостера, открыла чемоданчик, достала белый порошок, распылитель и увеличительное стекло. Дол уже больше не трясло, она была невозмутима и деловита.

Опробовав распылитель на капустных листьях, она направила его на арбуз. Ровно распределила порошок по поверхности – пусто; затем на боку арбуза появилось большое смазанное пятно; наконец она увидела два отчетливых отпечатка. Взглянув на них через увеличительное стекло, Дол поняла, что отпечатки ее собственные. И хотя она прекрасно знала свои папиллярные линии, не мешало бы еще раз проверить. Вспотев от напряжения, она нанесла слишком толстый слой порошка и едва слышно чертыхнулась. Но затем, в очередной раз перевернув арбуз, получила несколько отчетливых отпечатков, а потом еще несколько. Обработав всю обращенную к ней поверхность, Дол достала из чемоданчика конверт с образцами отпечатков пальцев, снова вооружилась увеличительным стеклом и приступила к сравнительному анализу. Несколько отпечатков определенно принадлежали не ей, а кому-то другому.

Выходит, ни один из ее образцов не соответствует этим отпечаткам? Не исключено, и даже более чем вероятно, тем не менее Дол продолжила сравнение. Качая головой, она один за другим откладывала листки с образцами отпечатков. И вот, посмотрев через увеличительное стекло на очередной отпечаток и с трудом подавив возглас удивления, она снова взглядела в образец: указательный палец левой руки, средний палец, безымянный. Затем приложила листок к отпечаткам на арбузе и нагнулась над его мясистым боком для более детального сравнения, водя увеличительным стеклом вперед и назад. Этот отпечаток – тот, этот – тот...

Сомнений больше не оставалось. Дол встала, пробормотав трагическим шепотом:
– Что б мне провалиться!

Открытие привело Дол в такое замешательство, что у нее подкосились колени. Она опустилась на кирпичную стенку. Ну и дела! Перчатки, в которых убивали Сторрса, спрятались у нее под юбкой в чулках. Так что с этим все было нормально. Дол легко могла вернуться в дом и отдать перчатки Шервуду. Но самое неприятное состояло в том, что теперь она знала, кто спрятал улику в арбузе, хотя лучше бы ей было не знать. Возможно, Дол действительно ненавидела мужчин, а возможно, просто убедила себя в этом, но к женщинам она ненависти не питала. С учетом сложившихся обстоятельств ей было особенно неприятно осознавать, что именно та конкретная женщина...

Плохо, очень плохо! Отдать ее на растерзание Шервуду или мерзкому солдафону Бриссендену...

Дол не привыкла долго раздумывать при принятии решения. Впрочем, это решение было крайне серьезным, возможно роковым. Но когда она его приняла, то тут же отбросила прочь сомнения. Она резко поднялась – колени больше не дрожали, – достала кусок марли из кожного чемоданчика и принялась методично вытирать бока арбуза. Она отлично понимала, что, как бы она ни старалась, исследование под микроскопом наверняка выявит следы порошка. Оставалось только надеяться, что до этого дело не дойдет, ну а там будь что будет. Убедившись, что ничего не упустила, Дол отнесла арбуз на место, выбранное ему самой природой, и прежде, чем положить, покатала взад и вперед, оставив на нем столько своих отпечатков, сколько было положено, чтобы не вызвать вопросов. Посадив арбуз на грядку, она вернулась к компостной куче и убрала в чемоданчик распылитель, увеличительное стекло, конверт с образцами отпечатков, марлю. Повсюду виднелись следы порошка: на кирпичах, на верхней части компостной кучи, на земле с другой стороны. Но тут уж ничего не поделаешь.

Стиснув ручку чемоданчика, Дол покинула место своего сомнительного триумфа, пролезла сквозь просвет в живой изгороди и направилась к дому. Стараясь ничем не выдавать

свою решительность, она вошла в дом через восточную веранду, проследовала по боковому коридору к кабинету и отрывисто постучала в дверь.

Глава 11

Дол открыла дверь в кабинет. И увидела все те же лица. Три пары глаз посмотрели на нее вопросительно; одна пара глаз, принадлежащая Джанет, – индифферентно; и еще одна, принадлежащая адвокату, – с раздражением.

– Нет, ну в самом деле, это семейное!.. – вспыхнул он.

– Прошу прощения, – проигнорировав адвоката, сказала Дол. – Я вам уже надоела, но мне нужно спросить Джанет кое о чем крайне важном. Джанет, тебя не затруднит выйти со мной?

Маска полнейшего безразличия на лице Джанет сменилась легким удивлением.

– Выйти с тобой? Зачем? А ты не можешь спросить меня прямо здесь?

– Нет, не могу. Это займет слишком много времени. Мне нужно тебе что-то показать. Хотелось бы, чтобы ты пошла со мной. Думаю, ты должна...

– Это уже ни в какие ворота не лезет! – Судя по голосу, раздражение адвоката достигло точки кипения. – Мисс Сторрс сейчас занята с нами...

Никто не обратил на него ни малейшего внимания. Мартин сердито нахмурился на Дол, а Сильвия, хорошо знавшая интонации и повадки подруги, озабоченно прищурилась, не скрывая волнения. Миссис Сторрс, уже отрешившаяся от любых фактов, не способных ее впечатлить, произнесла:

– Ступай с ней, дитя. Узнай, что ей нужно.

Джанет молча встала и направилась к выходу. Дол уже успела открыть дверь, кивком отказавшись от любезности Мартина. Девушки прошли в коридор, и Дол захлопнула дверь.

– В чем дело? – требовательно поинтересовалась Джанет. – Что ты хочешь мне показать?

Но тут Дол ущипнула свою спутницу за плечо и громко произнесла, немало озадачив ее:

– У меня опять кончилась пудра. Если не возражаешь... Ты ведь пользуешься «Валери тридцать три»? Она по цвету подходит...

Полицейский, внезапное появление которого и стало причиной этого отвлекающего маневра, остановился рядом с девушками и, кивнув на дверь кабинета, спросил:

– Мисс Раффрей там?

Дол ответила «да», а когда он, поблагодарив, постучался, схватила Джанет за руку и потащила за собой дальше по коридору:

– Мы сейчас пройдем к тебе в комнату, а уж там будет видно. Ты точно не возражаешь? Мне ужасно неприятно тебя беспокоить...

В прихожей никого не было, дверь в салон для игры в карты оказалась открыта. Девушки поднялись на второй этаж и прошли до конца коридора к последней двери справа. Дол, которая бывала в Берчхейвене исключительно в качестве гостьи Сильвии (сначала когда та жила здесь постоянно, а потом когда приезжала сюда из города на уик-энды), раньше не видела спальни Джанет. Комната выглядела старомодной, женственной, но без вычурности, удобной, но без всяких там рюшечек и оборочек.

– Тебе ведь вовсе не нужна пудра? – спросила Джанет.

– Давай-ка присядем, – покачала головой Дол.

Джанет пожала плечами и присела на краешек обитого голубым шелком диванчика. Дол, поставив на пол кожаный чемоданчик, придвинула к себе стул. Села и посмотрела в упор на Джанет:

– Я нашла перчатки.

Джанет, несомненно, умела себя контролировать, но все же не до конца. У нее невольно задрожал подбородок, когда она стиснула зубы, а пальцы вцепились в голубой шелк сиденья.

Однако она не выдала себя ни взглядом, ни голосом, поскольку не произнесла ни слова. Просто сидела и смотрела в глаза старшего партнера фирмы «Боннер и Раффрей».

Тогда Дол повторила все тем же тихим, спокойным тоном:

– Я сказала, что нашла перчатки.

Джанет ответила таким мелодичным сопрано, какого Дол прежде за ней как-то не замечала:

– Я слышала. Какие перчатки?

– А ты не знаешь какие?

– Я не понимаю, о чем ты говоришь.

Дол глубоко вдохнула, пытаясь взять себя в руки. Все это ей крайне не нравилось.

– Джанет, послушай. Полагаю, ты решила, что никому не придет в голову искать перчатки в арбузе. Но в любом случае ты оставила на нем свои отпечатки. Не меньше двух дюжин, и каждый из них твой. Наш разговор не имеет смысла, если мы не примем за основу нашей дискуссии тот факт, что ты взяла перчатки, в которых убивали твоего отца, и спрятала их в арбузе. Я не собираюсь спрашивать тебя об этом. Я и так все знаю.

Глаза Джанет странно затеплились. Пальцы еще сильнее вцепились в сиденье, а подбородок снова дважды дернулся, прежде чем она обрела дар речи:

– Ну а если мы не примем это за основу дискуссии? То, о чем ты говорила. И что тогда?

– Тогда я отнесу перчатки Шервуду и представлю доказательства, что это ты их спрятала.

И тогда тебе придется иметь дело уже с ним.

– Ну а если мы примем это за основу, что тогда?

– Тогда для начала я задам тебе несколько вопросов.

– Ты забрала перчатки? Они у тебя?

– Ну да, забрала.

– Если так, покажи.

Дол, не сводя глаз с лица Джанет, тщательно взвесила шансы. Судя по тому, как вздымалась и опускалась грудь Джанет, ей явно не хватало воздуха, что выглядело весьма подозрительно. Трудно сказать, на что способна эта девица. Если она увидит перчатки и поймет, что они находятся в пределах досягаемости, то может попытаться отнять их силой. Дол, которая видела, как энергично Джанет бьет ракеткой по теннисному мячу и ловко вскакивает в седло, понимала, что вопреки первому впечатлению девица эта отнюдь не такая малахольная.

– Даже и не мечтай! Не надейся, что сможешь их отнять. Стоит мне закричать, как сюда сбежится целая армия. Ну и что тогда с тобой будет? Я стараюсь говорить тихо не ради себя, а ради тебя. Перчатки в надежном месте. Когда мы закончим наш разговор, я отнесу их Шервуду. Что я скажу или не скажу ему, зависит исключительно от тебя.

Дыхание Джанет постепенно выравнивалось. Она сидела все с тем же выражением лица, практически неподвижно, разве что слегка обмякнув. Неожиданно она резко выпрямилась, и Дол сразу почувствовала, как все ее мышцы рефлекторно напряглись, готовые к столкновению.

– Да, это я спрятала перчатки в арбузе. Что ты еще хочешь знать?

– Я хочу знать... – Дол колебалась. – Послушай, Джанет Сторрс. Я не такая крутая, какой себя считала. И понимаю, что люди иногда способны совершать необъяснимые поступки. Иногда дочери убивают своих отцов. Мне известны подобные случаи. Я думала, что жизнь достаточно меня закалила, но, похоже, ошиблась. Если то, что ты мне расскажешь... если с твоих слов я пойму... что все действительно так мерзко, как кажется, то даже не знаю, что я сделаю. Возможно, просто оставлю перчатки на подносе для визиток в прихожей, чтобы копы сами их обнаружили, и буду молчать как рыба. Я никому ничего не должна, даже самой себе, и отнюдь не обязана вмешиваться в такие ужасные дела.

– Я не убивала своего отца, – глядя в глаза Дол, заявила Джанет.

– Дай-то бог! А кто его убил?

- Не знаю.
- Где ты взяла перчатки? Кто попросил тебя их спрятать?
- Никто.
- А где ты их взяла?
- Нашла.
- Где?
- В розарии.
- В каком именно месте?
- Под кустом. Под мульчей. Под сфагнумом. Я заметила, что мульча разрыта, и, решив, что это крот, подошла проверить. И обнаружила под мульчей перчатки.
- Когда это было?
- Вчера днем. Ближе к вечеру. Думаю, около половины шестого. Я читала в беседке, но ушла оттуда, потому что какая-то птичка щебетала в кустах орешника и мне захотелось на нее взглянуть. А вернувшись в розарий забрать книгу, я увидела перчатки.
- В котором часу ты пришла в розарий почитать книгу?
- Около четырех дня. В начале пятого.
- Кто-нибудь мог пробраться в розарий, пока ты была в беседке, и незаметно спрятать перчатки?
- Нет. Уверена, что нет. Перчатки лежали всего в десяти ярдах от беседки.
- Тогда это могли сделать, пока ты ходила взглянуть на птицу. Как долго ты отсутствовала?
- Думаю, минут десять.
- И ты никого не видела? И ничего не слышала?
- Нет. Я была в кустах орешника. Ты ведь знаешь, какие они густые.
- Не знаю. Я навряд ли отличу орешник от сосны. – Дол сосредоточенно прищурилась. – Так ты взяла перчатки с собой? А потом пошла и спрятала их?
- Нет. Я... забрала их. Услышала голоса на теннисном корте и решила пойти туда. Но сперва вернулась к себе в комнату переодеть туфли. И спрятала перчатки здесь. – Джанет показала на бюро. – Положила в ящик. Затем отправилась на теннисный корт. Пришла туда всего на десять минут раньше тебя.
- А сегодня утром ты сказала мне правду? Что никого не видела, пока была в розарии?
- Джанет медленно кивнула:
- Ни единой живой души.
- Когда ты спрятала перчатки в арбузе?
- Сегодня. Рано утром. Я рано встаю.
- Итак, ты пошла туда одна, вырезала кусок корки, вынула мякоть, засунула внутрь перчатки и закатила арбуз на место. Все верно?
- Да.
- Но почему ты выбросила мякоть в компост?
- Потому что решила, там ей самое место. Мне... мне не хотелось ее выбрасывать куда-то еще.
- А где ты взяла нож?
- В сарае для инвентаря.
- И потом отнесла обратно?
- Да.

Дол отвела глаза от лица Джанет. Впервые с тех пор, как вошла в комнату. Уперлась локтем в колено, задумчиво прижала сжатую в кулак ладонь к губам и опустила ресницы. Кажется, все достоверно. По крайней мере, на первый взгляд. Дол мысленно проверила хронологию событий по версии Джанет, прокрутив все назад; одновременно вспомнила мизансцену

на восточном склоне, которую видела своим глазами... Кажется, все сходится, никаких противоречий или несоответствий...

Наконец Дол позволила себе выпрямиться.

– Ладно. На данный момент я принимаю твои объяснения. Попробую систематизировать их чуть позже. Ну и конечно, остается самый главный вопрос: почему ты решила спрятать перчатки? Впрочем, я отнюдь не собираюсь приставлять тебе нож к горлу. Если все, что ты сказала, чистая правда, у меня остается только одно разумное объяснение: ты знала, кому они принадлежат. Верно?

Джанет стиснула лежавшие на коленях руки.

– Да, – ответила она шелестящим шепотом.

– Естественно, – кивнула Дол. – Но когда ты нашла перчатки, зачем было прятать их в своей комнате? Почему ты не вернула перчатки владельцу?

– Ну... было так странно найти их там. – Джанет откашлялась, но голос ее все равно срывался. – И я решила просто оставить их у себя...

– Как сувенир. Потом, когда ты узнала об убийстве, а полицейские обследовали руки присутствующих, упомянув о перчатках, ты поднялась к себе, осмотрела найденную пару перчаток, чтобы проверить, нет ли на них следов проволоки, и решила защитить владельца перчаток, несмотря на тяжесть содеянного и даже несмотря на то, что убитый был твоим отцом. Все правильно?

– Нет, – пробормотала Джанет. – Неправильно. Он не совершал преступления. Он не виноват.

– С чего ты взяла?

– Потому что не виноват. И тебе это известно. Ты ведь знаешь... это был Мартин.

– Ты хочешь сказать, что узнала перчатки Мартина?

– Да.

– Что и требовалось доказать. Я читала твои стихи. И у меня есть глаза. Тем более что ты особо и не скрывалась. Я в курсе, что Мартин – единственный мужчина, чьи перчатки ты будешь прятать у себя в ящике, и определенно единственный мужчина, которого ты захочешь защитить... любой ценой. Но если это были его перчатки, почему ты так уверена, что Мартин никого не убивал?

– Потому что он никогда такого не сделал бы. – Джанет принялась ломать пальцы. – Ведь так? С чего вдруг? Кто-то другой взял его перчатки... Чтобы подставить...

– Это всего лишь теория, – нахмурилась Дол. – Впрочем, мне понятен ход твоих мыслей. По крайней мере, кто-то действительно мог воспользоваться перчатками Мартина. А вот с тем, что Мартину непременно предъявили бы обвинение, уже не так очевидно. Ведь перчатки могли никогда не найти под мульчей. – Дол вопросительно прищурилась на Джанет. – Ты странная девушка. Странная женщина. Когда ты узнала, в каких целях были использованы перчатки, почему не отдала их Мартину, рассказав, где их нашла, и предоставив ему самому разбираться?

– Я не могла... Не могла этого сделать. Не хотелось его травмировать.

– Господи Иисусе! Не хотелось его травмировать. Ты влюблена в него по уши, а он обручился с другой, более богатой девушкой. Значит, ты ему ничего не сказала? Просто пошла и спрятала перчатки в арбузе?

– Да.

– Неужели ты не понимала, что тем самым могла помешать найти и наказать убийцу твоего отца? Нет, беру свои слова назад... То, что ты понимала, а чего не понимала, меня не касается. Ты это сделала. И точка. Я считаю тебя форменной идиоткой. Хотя мое мнение тебя вряд ли интересует.

Дол вскочила, положила на стол кожаный чемоданчик и открыла его. Затем задрала юбку, вытащила перчатки и поправила чулки. И осталась стоять с перчатками в руках.

– Вот они. Ну и сильно они тебе помогли? – Она положила перчатки в чемоданчик и захлопнула крышку. – Я иду вниз. Отдам перчатки Шервуду. Постараюсь тебя не вмешивать. Представляю, как история с перчатками будет выглядеть в газетах! А этот мужлан Бриссенден с удовольствием посмакует подробности твоей страсти к поклоннику другой девушки. Ведь так? Вот потому-то я и говорю, что ты идиотка.

Дол взяла чемоданчик и повернулась к двери.

– Но они ведь найдут... Ты говорила, мои отпечатки... – срывающимся сопрано произнесла ей вслед Джанет.

– Предоставь это мне. Я постараюсь тебя не вмешивать. Но если они до тебя доберутся, придется сжать волю в кулак и принять все как должное. Матерь Божья! На что только не способны женщины! – Дол вышла в коридор и закрыла за собой дверь.

В прихожей Дол неожиданно для себя оказалась в крайне щекотливом положении, но сумела благополучно выпутаться. А щекотливость положения заключалось, во-первых, в том, что в прихожей она столкнулась с сержантом Квиллом, болтавшим с напарником, а во-вторых, в том, что, увидев чемоданчик из свиной кожи, сержант решил немного развлечься.

– Ой, мисс Боннер! – Сержант преградил Дол дорогу. – Гляжу, вы воспользовались моим советом. Однако я имел в виду не весь чемоданчик, а только ствол. Я как раз рассказывал Миллеру о вашем снаряжении. Оно и впрямь первоклассное. Хотелось бы ему показать. – Он потянулся к чемоданчику. – Не возражаете?

У Дол екнуло сердце. Воображение живо нарисовало ей все пагубные последствия отказа, если полицейский упрется, отнимет чемоданчик и откроет его, чтобы показать напарнику. Поэтому она очаровательно улыбнулась и сказала:

– Вовсе нет, сержант. Подождите пару минут, пока я вернусь... Мистер Шервуд за мной посылал...

Дол пронеслась мимо Квилла к салону для игры в карты, открыла дверь и вошла, однако закрыть дверь помешал следовавший за девушкой по пятам сержант, и она предоставила это ему. Другой полицейский, дежуривший в комнате, попытался ее перехватить. Но она, не обращая на него внимания, обошла кругом и приблизилась к столу. Бриссенден, стоявший, задумчиво глядя в окно, обернулся на шум. Шервуд и его очкастый помощник, как и в прошлый раз, сидели за столом, в конце которого расположился какой-то крупный носатый мужчина в одной рубашке; там же на стуле, на котором утром сидела Дол, примостилась Сильвия Раффрей.

Не обращая внимания на протесты Шервуда, Дол достала из чемоданчика перчатки и швырнула их на стол:

– Вот, пожалуйста. Я их нашла.

– Вы их... Ей-богу! Нет, ну надо же!

Бриссенден бросился к столу, едва не опрокинув стул. Носатый мужчина привстал, чтобы лучше видеть. Внимание присутствующих внезапно отвлекла Сильвия. Она вскочила с места и тихо ахнула, с изумлением глядя на находку. Шервуд потянулся было к перчаткам, но его рука так и застыла в воздухе.

– Мисс Раффрей, в чем дело? – спросил он. – Вы что, их узнали?

Сильвия отпрянула, затравленно посмотрев на Дол, которая тотчас же пришла на помощь подруге:

– Да ладно тебе, Сильвия! – Она положила руку на плечо девушки. – Сильвия, дорогая! Все будет...

– Отойдите, мисс Боннер! – Шервуд был лаконичен. – Если мисс Раффрей узнает...

Дол резко повернулась к прокурору:

– Что значит это ваше «если»? Неужели вы боитесь, что не сможете узнать, кому принадлежат перчатки? Учитывая всю ту помощь, которую получили? И слепому видно, что она в шоке. Дайте бедняжке шанс. Если ей известно, чьи это перчатки, она вам непременно скажет.

– А вам это известно?

– Нет. – Дол ласково похлопывала Сильвию по плечу. – Я их раньше не видела. Можете осмотреть перчатки на предмет следов от проволоки.

Шервуд схватил перчатки, остальные сгрудились вокруг него. Сержант Квилл, поджав губы, заглядывал через плечо прокурора и ошеломленно качал головой. Бриссенден злобно сверкал глазами. Очкастый помощник окружного прокурора смотрел с интересом, но не без скепсиса. Мужчина в рубашке взял перчатку и отошел с ней к окну.

– Все сходится, – пробормотал сержант. – Точно такие же следы, какие мы получили во время следственного эксперимента.

– Где вы их взяли? – прорычал Бриссенден.

– Минуточку, полковник. – Шервуд положил перчатку на стол перед Сильвией. – Мисс Раффрей, посмотрите на это. Мисс Боннер утверждает, что прежде никогда не видела этих перчаток. Ну а вы?

Сильвия не захотела брать перчатку; ее взяла Дол.

– Ладно, Сильвия. Встряхнись! Не стоит делать поспешных выводов. Мы всего лишь имеем дело с неким фактом, но ты не знаешь, к чему приведут другие факты, да и я тоже. Эта перчатка была на убийце Сторрса.

Сильвия, взявшая было перчатку, после слов Дол уронила ее на пол. Квилл тут же нагнулся, чтобы поднять их. Сильвия посмотрела на Дол:

– Да, я знаю, что это всего-навсего факт. Но Дол... эти перчатки я только вчера купила в Нью-Йорке. Я их сама покупала.

– Боже правый! Неудивительно, что ты так потрясена. И что ты с ними сделала?

– Отдала Мартину. – Сильвия судорожно сглотнула. – Я проспорила ему пари. Помнишь, я вчера ушла из нашего офиса вместе Мартином и Леном? По пути на обед мы остановились у «Гордона», и я купила перчатки в счет проигранного пари. – У Сильвии задрожал подбородок, пальцы вцепились в юбку Дол. – Где... где ты их нашла...

– Сильвия! – Тихий окрик Дол был призывом мужаться, горном, подающим сигнал сплотиться.

Однажды, один-единственный раз, она позволила себе разрыдаться в присутствии мужчины и теперь не могла допустить, чтобы женщина, любая женщина, повторила ее печальный опыт. Тем более Сильвия. Дол повернулась к этим животным, именующимся мужчинами:

– Мисс Раффрей купила перчатки вчера днем в Нью-Йорке, между двенадцатью и часом дня, в магазине «Гордон» на Сорок восьмой улице и отдала Мартину Фольцу в счет проигранного пари. Этой информации вполне достаточно. Оставьте ее в покое. Что касается меня...

– Мы оставим ее в покое, когда закончим с ней! – взорвался Бриссенден. – Вы, похоже, думаете...

– Тогда я здесь единственный человек, способный думать, – заявила Дол и уже менее воинственно продолжила: – Я знаю, невозможно расследовать убийство, не задевая чьих-либо чувств. Однако нет никакого смысла мучить бедную девушку. Да и вообще, учитывая сложившиеся обстоятельства, почему бы вам не заняться моими чувствами? Лично я как детектив проделала чертовски хорошую работу, отыскав эти перчатки. Может, соизволите выслушать меня прямо сейчас? Или предпочитаете прочесть об этом в завтрашней газете?

Носатый мужчина, громко хмыкнув, произнес:

– Ваша фамилия Боннер? А моя Магауйр. Приятно познакомиться. Я начальник полиции Бриджпорта. Кое-кто из моих ребят тоже работает здесь. И насколько мне известно, до сих пор ни черта не нашли. – Он снова хмыкнул.

Шервуд, взиравший на него без особого удовольствия, повернулся к сержанту:

– Приведите сюда Фольца. Впрочем, нет, погодите минутку. – Шервуд переключился на Дол. – Расскажите-ка о вашей сыскной работе. Где вы нашли перчатки?

Дол придвинула стул поближе к Сильвии и уставилась на Шервуда:

– Да тут особо и рассказывать-то нечего. Я, собственно, специально не искала перчатки, хотя, само собой, о них помнила. Случайно оказавшись на огороде и посмотрев на компостную кучу, я увидела горку арбузной мякоти. Совершенно незрелой. А корки рядом не было. И тогда мне пришло в голову, что кто-то мог спокойно вырезать корку, вытащить мякоть, засунуть внутрь перчатки и вставить вырезанный кусок корки обратно. Конечно, это всего лишь один шанс на миллион. Но я тем не менее направилась к грядке с арбузами, чтобы проверить. Нашла разрезанный арбуз. Вытащила кусок корки. Внутри лежали перчатки. И вот они перед вами.

Магуайр из Бриджпорта наклонился к Шервуду:

– Принесите арбуз. Отпечатки пальцев... Мисс Боннер, вы оставили арбуз на своем месте?

Дол покачала головой и неожиданно для себя выдвинула такую версию:

– Я тоже подумала об отпечатках. У меня с собой были образцы отпечатков всех присутствующих. Тогда я отнесла арбуз к компостной куче и обработала порошком. Никаких отпечатков, кроме моих собственных. Поэтому я стерла порошок и вернула арбуз на место...

– И уничтожили улики! – пролаял Бриссенден.

– Полковник, я попросил бы! – Шервуд остановил Бриссендена взмахом руки и посмотрел на Дол. – Видите ли, мисс Боннер, мы благодарны вам за то, что нашли перчатки. Вы проделали замечательную работу и заслуживаете наивысшей похвалы. Однако поиск отпечатков пальцев – задача для экспертов. С вашей стороны было весьма опрометчиво проводить манипуляции с арбузом. Манипулировать с уликами. Если дело дойдет до суда, это чревато серьезными неприятностями...

– Я нашла перчатки.

– Да, я знаю, что нашли. Вы сказали, что сняли отпечатки пальцев у всех присутствующих? Однако это требует времени. Значит, вы нашли арбуз час назад или даже раньше. Упущено драгоценное время...

– Я нашла перчатки.

– Знаю. И хорошо понимаю ваш намек на то, что мы вам теперь по гроб жизни обязаны, поскольку именно вы нашли перчатки. Что ж, мы действительно благодарны. Но... вы говорите, что вытерли арбуз. Зачем?

– Ой! Просто арбуз был весь в порошке. А перчатки уже нашлись.

Магуайр хмыкнул. Шервуд сухо заметил:

– Итак, мне все понятно. В любом случае арбуз нам пока без надобности. Мы можем забрать его позже... Квилл, приведи мистера Фольца. Передай Граймсу приказ проверить, что все на месте. – Отправив сержанта, Шервуд сказал: – Вы, дамы, можете идти, если хотите. Мисс Раффрей, вы, наверное, понадобитесь мне позже. Я вовсе не собираюсь вас мучить, как выразилась мисс Боннер, однако мне придется задать вам несколько вопросов насчет вашего вчерашнего разговора с мистером Сторрсом.

– Сильвия, ты иди, – повернулась к подруге Дол. – Я, пожалуй, останусь здесь, с позволения мистера Шервуда.

– Тогда я тоже останусь. – К Сильвии вернулось былое упрямство.

– Нет, мисс Раффрей, прошу прощения, но я не могу вам этого позволить. Пожалуйста, не заставляйте меня прибегать к крайним мерам, – решительно заявил Шервуд.

Сильвия попыталась настаивать, однако не получила поддержки от Дол, а прокурор оставался непреклонен. Мисс Раффрей должна уйти. Дол проводила подругу до дверей, пожала ей руку, вернулась к столу и посмотрела Шервуду прямо в глаза:

– Я нашла перчатки. Что еще я должна для вас сделать?..

– Хорошо-хорошо! – Шервуд всплеснул руками. – Присаживайтесь. Но прошу не вмешиваться. Надеюсь, вам это понятно.

Магуайр снова хмыкнул.

Глава 12

Когда Мартин Фольц в сопровождении сержанта Квилла вошел в комнату и проследовал к столу, то производил впечатление человека после сильнейшего перепооя, хотя Дол была уверена, что Мартин не пил. При всех претензиях, имевшихся у Дол к Мартину, главная из которых заключалась в том, что он являлся двуногим животным мужского пола, обвинить его в том, что он привык топить горе в вине, она явно не могла. Она считала его мягкотелым сибаритом, интеллектуальным эстетом, не заслуживающим такой девушки, как Сильвия, но, положила руку на сердце, ни один живущий на этом свете мужчина не прошел бы у Дол проверки на качество.

Мартин посмотрел на Дол с равнодушным удивлением и сел на стул, который только что освободила Сильвия, с видом человека, сдерживающего внутреннее раздражение исключительно ради того, чтобы не устраивать сцен. Повернувшись к Шервуду, он вопросительно поднял брови.

Шервуд сидел, откинувшись на спинку стула, со скрещенными на груди руками. Перчаток не было видно, так как прокурор держал их в правой руке, прикрыв локтем левой.

– Мистер Фольц, я послал за вами, – откашлявшись, начал он, – потому что следствие наконец сдвинулось с места. Мы нашли перчатки, в которых было совершено убийство.

Мартин сосредоточенно нахмурился:

– Ну тогда... – Он остановился и после паузы продолжил: – Тогда вы знаете, кто это сделал. – Морщины на его лбу стали резче. – Полагаю, вы послали за мной... Но, как вы видите, я в крайне невыгодном положении. Что очень неприятно. У меня нет никаких прав в этом доме. Я всего-навсего жених мисс Раффрей. Она попросила меня присутствовать на семейном совете с участием адвоката мистера Кабота. А теперь вот вы вызываете меня сюда...

– Вы меня неправильно поняли. – Шервуд буквально пожирал Мартина глазами. – Я вызвал вас не как представителя семьи. А для того, чтобы спросить насчет перчаток. – Он резко наклонился вперед и помахал рукой с зажатыми в ней перчатками перед носом у Мартина. – Вы их прежде когда-нибудь видели?

Мартин невольно отпрянул и сердито спросил:

– Что это значит?

– А теперь возьмите перчатки и внимательно посмотрите. Вы их прежде когда-нибудь видели?

Мартин неохотно взял перчатки. Шесть пар глаз смотрели на него в упор. Он пристально разглядывал перчатки: толстую кожу, пальцы, манжеты. Когда он снова поднял голову, в его серых глазах проскользнула опаска, а лицо под загаром заметно побледнело. Дол стало неловко за Мартина. «Надеюсь, этот рохля не грохнет в обморок», – презрительно подумала она.

– Это мои перчатки, – звенящим голосом произнес Мартин. – Похожи на мои. Где вы их взяли?

– Посмотрите на ладони. Нет, я сказал «на ладони». Вы видите царапины на коже? Это следы от проволоки. От проволоки, которой задушили Сторрса. Когда ее тянули.

– Где вы их взяли?! – прохрипел Мартин.

– Их... их нашли. – Шервуд снова откинулся на спинку стула. – Теперь, мистер Фольц, вы понимаете, почему я вас вызвал? Не так ли?

– Нет. Не понимаю. Не понимаю, как вы узнали, что они мои.

– Нам сказала мисс Раффрей.

– Сильвия сказала?.. Она вам сказала?.. Так это она принесла?.. – Мартин вскочил на ноги. – Я хочу ее видеть! Я требую, чтобы мне позволили увидеться с мисс Раффрей!

Квилл сделал пару шагов в сторону Мартина.

«Ах вот ты какой! Капризный ребенок распустил слюни с соплями и теперь требует мамочку. Лучше бы Сильвия усыновила сироту», – подумала Дол.

– Садитесь! – приказал Шервуд. – Мисс Раффрей была здесь, мы показали ей перчатки, и она сообщила, что купила их не далее чем вчера, в счет проигранного пари. Итак, перчатки принадлежат вам, и их надевал убийца. Так это вы убили Сторрса?

Мартин посмотрел прямо в глаза Шервуду:

– Нет. Я хочу видеть мисс Раффрей.

– Вы сможете увидеть ее, когда мы закончим. Садитесь! Так это вы, надев перчатки, затянули проволоку вокруг шеи Сторрса и задушили его, вздернув на ветку?

– Нет.

– Хорошо. Значит, вы этого не делали. Тогда, быть может, вы все-таки присядете?

Шервуд ждал. Мартин посмотрел на Дол, но не взывая о помощи, а словно начиная что-то осознавать. «Да, этот парень и впрямь слишком ранимый. Хотя и умен. Что есть, то есть». Тем временем Мартин все-таки сел, но с таким видом, словно в любой момент мог вскочить.

Прокурор как бы между прочим спросил:

– Так это ваши перчатки, мистер Фольц?

– Думаю, мои. Похожи на мои.

– Те самые, что мисс Раффрей вам вчера отдала?

– Да.

– Перчатки были при вас, когда вы возвращались к себе из Нью-Йорка вчера днем?

– Да.

– Где находились ваши перчатки вчера с шестнадцати сорока до восемнадцати пятнадцати?

– Не знаю.

– Ах так! Выходит, не знаете. Где они были в четыре часа дня?

– Не знаю.

Шервуд не успел задать следующий вопрос, так как Магауйр из Бриджпорта что-то предостерегающе буркнул, кивком головы подозвав к себе окружного прокурора. Тот сразу встал и вместе с Магауйром отошел подальше. К ним тут же присоединился Бриссенден. Из угла, где проходило совещание высокого начальства, донеслось глухое бормотание.

Мартин посмотрел на Дол:

– Со мной непременно должно было случиться нечто подобное. Ты можешь привести сюда Сильвию?

Дол ничего не могла с собой поделаться, ей вдруг стало его жаль. Она покачала головой:

– Держись, Мартин. В таких делах грязь летит во все стороны и брызги попадают на всех.

Наконец трое начальников вернулись на свои места. Шервуд, порывшись в лежавших перед ним бумагах, нашел нужную и передал Бриссендену с Магауйром, после чего обратился к Мартину:

– Надеюсь, вы поведаете нам историю ваших перчаток. Начиная с того момента, как привезли их вчера к себе домой.

– Насколько я понимаю, вы считаете доказанным, что это те самые перчатки.

– Конечно. Это можно установить.

– Я уже рассказал вам, чем занимался вчера... буквально по часам... все, что я смог вспомнить. Когда мы приехали в мое поместье около трех дня, я взял перчатки с собой в дом. Я абсолютно в этом уверен, потому что когда ушел в свою комнату переодеться...

– С вами тогда еще был Циммерман.

– Да, мы разговаривали, пока я переодевался. Я положил перчатки в карман шерстяной куртки. Я всегда беру с собой куртку, когда играю в теннис.

– Но перчатки? Вчера ведь было тепло.

– Следует прояснить одну вещь, – нахмурился Мартин. – Я не пытаюсь ничего доказать или оправдаться. Нет, я просто рассказываю вам, что именно произошло. Иногда я надеваю эту куртку, когда езджу верхом, и тогда беру перчатки. Чем только не приходится заниматься в поместье. Так или иначе, я положил перчатки в карман.

– Допустим. Ну а дальше?

– Как я уже говорил, я немного поболтал с Циммерманом. Затем вышел на свежий воздух и присоединился к мисс Раффрей с Леном Чисхолмом. Куртку я снял... наверное, как обычно, повесив на спинку стула. Спустя какое-то время Чисхолм нас покинул, направившись сюда. И вскоре после этого мисс Раффрей тоже ушла. Я остался сидеть в одиночестве, ну а потом ко мне подошел мой управляющий де Руд, чтобы кое о чем спросить...

– Ваша куртка по-прежнему висела на стуле?

– Да. Должно быть, так. Потому что когда я наконец решил отправиться в Берчхейвен, то перекинул ее через руку.

– Это именно та куртка, которую вы повесили на стул в прихожей? – спросил Шервуд.

– Да. Я уже давал насчет этого объяснения. Я вошел через оранжерею и, сделав крюк по боковому коридору в сторону восточной террасы, вернулся тем же путем, но, оказавшись в прихожей, решил заглянуть в столовую пропустить стаканчик, а потому бросил куртку на стул. Я увидел свою куртку только поздно вечером, когда Белден подал ее мне, достав из стенового шкафа, куда, оказывается, сразу убрал.

– А когда вы бросили куртку на стул в прихожей, перчатки лежали в кармане?

– Я не знаю. Не помню.

– Значит, не помните. Были ли они в кармане куртки, когда вы вышли из своего дома и направились сюда?

– Этого я тоже не знаю. Не обратил внимания.

– Тогда когда вы в последний раз видели перчатки?

– В своей комнате. Когда взял их, чтобы положить в карман куртки.

– Вы хотите сказать, тогда вы в последний раз видели перчатки? И после этого не обращали внимания, они при вас или нет?

– Я именно так и сказал. Да.

Бриссенден, не выдержав, зарычал. Магуайр теребил свой внушительный нос. Покосившись на них, Шервуд перевел недовольный взгляд на Мартина:

– Мистер Фольц, у вас была масса времени все обдумать. Надеюсь, вы не воспользовались этим, чтобы увеличить пробелы в вашей памяти. Похоже, вы не выбираете себе конкретных любимчиков, буквально всех оставляя в игре. Кто угодно мог взять перчатки из вашего кармана перед тем, как вы покинули свой дом: Чисхолм, Циммерман, любой из работников. Кто угодно мог взять их, пока куртка лежала в прихожей: миссис Сторрс, Рант, мисс Сторрс. Ну а как насчет того, чтобы нам помочь, сузив круг поиска? Нет?

Мартин ответил, не повышая голоса:

– Мне не нравится ваш тон. У вас нет права сомневаться в моих показаниях, поскольку в них нет противоречий...

– Вы ошибаетесь. – Шервуд положил на стол сжатую в кулак руку. – Послушайте, кого-то из вашей компании ждут крупные неприятности, и не исключено, что конкретно вас. Меня слишком долго водили за нос. Рант лгал, но сумел вывернуться. Чисхолм тоже. Циммерман отказывается говорить, но он еще об этом пожалеет... Ну а как насчет вас? Неужели вы хотите сказать, что, когда дворецкий подал вам вчера вечером куртку, вы не обнаружили пропажу перчаток? Или, если трактовать сомнения в вашу пользу, по крайней мере, сегодня утром, когда вы узнали, что мы повсюду ищем перчатки? Нет, вы ничего мне не сказали. Ну а когда вы заметили, что перчатки пропали, почему вы об этом не сообщили? Мистер Фольц, я имею право задать вам этот вопрос?

– Полагаю, что да. – Мартин нервно заерзал; Дол знала, что он терпеть не мог разговоры на повышенных тонах. – Конечно, я заметил, что перчатки исчезли. Еще вчера вечером. Но мне и в голову не пришло, что информация о пропаже перчаток вам хоть как-то поможет. Вы уже знали, что перчатки исчезли. Вы перевернули здесь все вверх дном, чтобы их отыскать. И мне... мне не хотелось это обсуждать. Не хотелось, чтобы меня допрашивали. – Мартин замолчал, а потом резко добавил: – Да и какому нормальному человеку захочется?

– Однако вчера ночью у вас все-таки возникло подозрение, что вашими перчатками воспользовались для убийства. Да?

– Я не исключил подобной возможности. И испугался, что все было именно так.

– А вы кому-нибудь говорили о пропаже перчаток?

– Нет.

– Даже мисс Раффрей?

– Нет, конечно. У нее сейчас и своих забот хватает.

Шервуд не успел ничего сказать, так как Бриссенден встал, с грохотом отодвинув стул. Полковник обошел Дол сзади, встал перед Мартином и, яростно сверкнув на него глазами, проскрежетал:

– Слушай сюда, Фольц! По-моему, ты врешь. Не знаю, где тут собака зарыта, но ты нам точно не говоришь всей правды.

– Неужели я обязан терпеть... – вспыхнул Мартин.

– Заткнись! Я с самого утра это терплю. Мне еще не доводилось слышать большей ерунды, чем весь этот бред сивой кобылы. Это ж надо, положить перчатки в карман и целый день не замечать, там они или нет! Ты поганый лжец! И тебе так просто не отвертеться. – После чего полковник, демонстрируя хорошую военную выправку, развернулся к Шервуду. – Вы тут главный. Мы представители закона или сборище сосунков?! Если выставите за дверь эту женщину, он у меня запоет совсем по-другому. И очень скоро. Давайте я заберу его в полицейский участок. Мне глубоко наплевать, платит он налоги или нет! – Полковник снова повернулся к Мартину. – Мне и не такое приходилось расхлебывать! И не мечтай, что я не смогу тебя расколоть!

– Думаю... сможете. – Мартин побледнел, в его голосе появились дребезжащие нотки. – Если я вас правильно понял.

– Ты меня понял! Да я из тебя всю душу выну! Чтобы освежить твою память!

«Проклятый дебилый садист! Так бы и воткнула в тебя булавку!» – пробормотала себе под нос Дол. Она знала, что Мартин до ужаса боится боли. А тут прямая угроза физического насилия. Хотя, конечно, этот напыщенный дурак явно блефует. Они не осмелятся...

– Я не лгу, – все тем же дребезжащим голосом произнес Мартин. – И я не трус. Но крайне чувствителен к боли. Если вы посмеете... посмеете тронуть меня, я выложу все, что было и чего не было. И какой вам от этого толк? – По телу Мартина пробежала заметная дрожь. – Нет, я даже представить не могу, что вы на такое пойдете. Ведь я честно рассказал вам все, что знаю об этих перчатках.

Полковник молча смотрел на Мартина с отвращением. Наконец он со вздохом воздел руки к небу и покачал головой:

– Господи Иисусе! – После чего вернулся на свое место.

Мартин обратился к Шервуду:

– Хочу обратить ваше внимание на одну деталь. Вы отказываетесь верить, что я не заметил, когда именно перчатки исчезли из кармана моей куртки. Но это и есть главная причина, почему я не сообщил вам об их исчезновении. Я не понимал, какой вам толк от моей информации. – Голос Мартина заметно окреп. – По правде говоря, у меня было такое искушение. Я мог сказать, что видел перчатки в кармане куртки, когда повесил ее на стул в прихожей. Тогда подозрение наверняка пало бы на Ранта. Это позволило бы исключить из числа подозреваемых

моего друга Стива Циммермана... и Лена Чисхолма. Но дело слишком серьезное, чтобы поддаваться искушению. Я предпочел сказать вам правду.

– Вы могли хотя бы попытаться сделать это раньше, – сухо заметил Шервуд. – Пока мы не нашли перчатки, вы как воды в рот набрали, а должны были все рассказать.

– Простите, если я осложнил ваше расследование. – Мартин нетерпеливо заерзал на стуле. – Впрочем, не понимаю, как конкретно. Между прочим... если мне позволено знать... где вы их нашли? В доме?

– Нет. Их нашла мисс Боннер. Это, конечно, ее дело, но я предпочел бы, чтобы она до поры до времени не распространялась на эту тему...

– Ну ты даешь! – Мартин удивленно вытаращился на Дол. – Так вот зачем тебе понадобились отпечатки пальцев!

Дол кивнула и, невнятно пробормотав «угу», обратилась к прокурору:

– Я-то буду молчать, но мисс Раффрей все слышала, а вы не предупредили ее, чтобы держала язык за зубами.

– Ладно. Это не столь важно. – Шервуд откинулся на спинку стула, сложил руки на груди, поджал губы и мрачно уставился на Мартина. – Мистер Фольц, как вы наверняка понимаете, то, что вы нам тут говорите, нас совершенно не устраивает. Если все правда, тут уж ничего не поделаешь, хотя нам от этого не легче. Перчатки, в которых было совершено убийство, удалось найти. Мы знаем, кому они принадлежат, и тем не менее продолжаем топтаться на месте. Что ни в какие ворота не лезет. Но факт есть факт. Я прав? Впрочем, мы сделали крошечный шаг вперед. Теперь ясно, что перчатки мог взять лишь тот, кто вчера днем имел доступ к вашей куртке, а значит, совершенно точно человек не посторонний. Однако мы уже успели прийти к аналогичному выводу другим путем. – Шервуд дернул себя за мочку – его излюбленный прием в зале суда, когда окружной прокурор делал паузу, требуя тишины. – Вы, безусловно, понимаете, какое значение мы придаем данному расследованию. Ведь речь идет об убийстве столь видного члена общества, как Сторрс. Сейчас у нас воскресенье. Капитан из детективного бюро полиции сейчас проводит обыск в нью-йоркском офисе Сторрса в присутствии вице-президента фирмы. Вчера вечером мы тщательно осмотрели здешний кабинет Сторрса. Кроме того, мы проверили его нью-йоркские связи, деловые и дружеские, а также всех местных знакомых. И так далее и тому подобное. Все досье вчерашних гостей Сторрса досконально изучены – в частности, в том, что касается личных отношений с хозяином дома. Включая и вас. Скажу откровенно. Мы пока не нашли ничего, что противоречило бы вашим вчерашним показаниям. Вы со Сторрсом действительно были лучшими друзьями, вы с ним никогда не ссорились, у вас не было причин для разногласий, а после вашей покупки четыре года назад соседнего поместья за холмом вы стали добрыми соседями, и Сторрс был счастлив видеть вас в качестве жениха его подопечной, мисс Раффрей.

– Так и есть, – пробормотал Мартин.

– Не сомневаюсь, – кивнул Шервуд. – Нам удалось это подтвердить. И все же я хочу сказать три вещи. Во-первых, мы нашли перчатки, в которых было совершено убийство, и это ваши перчатки. Да, я слышал ваши объяснения по данному поводу, но факт остается фактом. Во-вторых, завтра утром сюда прибудет генеральный прокурор штата, а он не столь терпелив, как я. Вам придется иметь дело с ним. В-третьих, для вас было бы лучше прямо сейчас рассказать мне, что за стычка произошла между Сторрсом и вашим другом Циммерманом.

Мартин, явно застигнутый врасплох, резко выпрямился и ничего не сказал.

– Ну?! – рявкнул Шервуд.

– Проклятье! Как вы меня достали! – огрызнулся Мартин. – Не понимаю, о какой стычке идет речь. Ничего об этом не знаю.

Шервуд нагнулся к нему поближе:

– Выходит, не знаете? А вы в курсе, что Циммерман вчера утром приходил к Сторрсу в офис?

– Да.

– А когда мисс Раффрей встретила Циммермана в коридоре, тот был очень возбужден и что-то твердил о смертельном ранении?

– Да, он легко возбуждается.

– И что несколько минут спустя Сторрс заявил мисс Раффрей о своей готовности кого-то убить?

– Явно не Циммермана.

– Ну а кого еще? Вас, или меня, или почтальона? Наверняка Циммермана. Ведь тот только что вышел от Сторрса. Циммерман отказался сообщить нам, о чем они говорили. Допустим. Циммерман – ваш старый и очень близкий друг. Вы знакомы уже тысячу лет. Сторрс тоже был вашим близким другом. Сомневаюсь, что вы не знали о возникновении неприязненных отношений между ними. Естественно, знали! Или вы надеетесь, что я поверю, будто вы не заметили не только пропажи перчаток, но и кое-чего другого?

Мартин всплеснул руками:

– Я просто не знаю.

– Ах, не знаете? И твердо стоите на своем?

– У меня нет выхода. Или придется что-нибудь придумать. Сторрс и Циммерман всегда недолюбливали друг друга. Плохо, конечно, но это так. Сторрс был пуританином и считал современную психологию чем-то аморальным, а Циммерман вечно его дразнил и подначивал.

– Итак, вы настаиваете, что не знаете, зачем Циммерман вчера утром приходил к Сторрсу?

– Да. Но меня принуждают.

– Ей-богу! – взревел Бриссенден, ни к кому, собственно, не обращаясь. – Ей-богу! У меня руки чешутся показать ему, что такое принуждение.

Шервуд встал с места. Подошел к окну и выглянул во двор, словно в тщетной надежде обнаружить искомый факт на ветке конского каштана. Вернулся к столу и мрачно уставился на макушку Мартина, поднял плечи и, постояв немного, опустил их. Лягнул ножку стула и сел.

– Дэн, я хочу кое-что попробовать, – сказал подошедший к окружному прокурору Магуайр из Бриджпорта. – Дайте мне перчатки. – Получив от Шервуда перчатки, Магуайр приблизился к Мартину. – Мистер Фольц, вы говорите, перчатки были куплены вчера утром?

– Да.

– Вы их уже надевали?

– Нет. Ой... надевал. В магазине.

– Не возражаете, если я попрошу вас надеть их сейчас?

– Мне бы... не хотелось.

– Окажите мне такую любезность. Помогите нам в нашей работе... Вот и молодец... – Он подмигнул Дол. – А мы с мисс Боннер попытаемся поработать головой. – Он схватил Мартина за запястье правой руки в перчатке и, надавив, поднес поближе к своим глазам. – Согните пальцы в кулак. Крепче. А теперь расслабьте руку. Еще раз. Ну и еще несколько раз. Благодарю.

Магуайр осторожно стянул с руки Мартина перчатку, отнес ее к окну и принялся рассматривать при дневном свете. Через пару минут сокрушенно покачал головой, вернулся к столу, швырнул перчатку Шервуду, сел и объяснил свои манипуляции:

– Так как перчатки совсем новые, я надеялся сравнить заломы с теми, что вчера оставил наш общий друг, когда тянул проволоку. Но эти новомодные идеи не стоят и гроша.

– Все зависит от того, у кого они возникают, – угрюмо бросил Бриссенден.

Шервуд сидел с закрытыми глазами и, опустив голову, задумчиво потирал лоб. Наконец он глубоко вдохнул и посмотрел на Мартина:

– Ну хорошо, Фольц. На сегодня, пожалуй, все. Хотя вы ступаете по тонкому льду. Я могу точно сказать. Пожалуйста, не покидайте пределов поместья. Это не просьба, а приказ. Вейл, соедините меня с губернатором Чандлером. Он должен быть у себя в резиденции. Квилл, передайте Хёрли, чтобы приказал остальным соединять только с теми, кто звонит по этому номеру, все сообщения отправлять в местное отделение полиции и ждать дальнейших приказов. Потом ступайте с мисс Боннер, пусть покажет вам тот самый арбуз. Принесите его сюда. Посмотрим, не осталось ли там отпечатков пальцев. А заодно пришлите ко мне дворецкого. И отправьте кого-нибудь в поместье Фольца за этим парнем де Рудом. Я допрошу его, когда закончу с дворецким...

Дол, которая несколько минут спустя шла по дорожке в сторону огорода в компании сержанта Квилла, была явно не в настроении поддерживать разговор. Ее одолевали вовсе не страх или нехорошие предчувствия; нет, дело было в глухом недовольстве собой и гнев на другую женщину. «Итак, Джанет мне соврала. Она соврала, а я, как последняя дура, повелась на ее гнусное вранье! Чертова двуличная тварь! Она врала, глядя мне прямо в глаза, и теперь я, похоже, здорово влипла».

Глава 13

Сильвия Раффрей сидела на большом сером валуне на краю альпинария, хмурясь на припозднившуюся коричневую гусеницу, которая в порыве немощного отчаяния безуспешно пыталась взобраться по стеблю морской лаванды. Сама Сильвия, еще не до конца отчаявшаяся и определенно не немощная, пребывала в невиданном доселе состоянии ума, требовавшем (чтобы не поддаться горестной хандре и не впасть в слезливую истерику, чему противился ее молодой, здоровый дух, ибо для любой женщины то было кратчайшим и наилегчайшим путем к катастрофе) изрядного самоконтроля и внутренней дисциплины, к которым доселе еще не приходилось прибегать. Сильвию снедала неизбывная печаль. Девушка была искренне и нежно привязана к Пи Эл Сторрсу; теперь-то она понимала, почему у других народов, не стесненных рамками цивилизации, женщины рвут волосы и бьют себя в грудь, когда умирают их близкие и любимые люди. И словно мало ей было этого горя, так еще новая напасть...

Теперь в это дело впутали еще и Мартина. Сейчас он был с теми неприятными мужчинами. Ежась от их громких голосов и их настырных вопросов – она словно видела это своими глазами, – он рассказывает им про перчатки. Перчатки, которые она ему купила. Сильвию передернуло от отвращения и ужаса. Однако в ее чистой душе не зародилось даже тени сомнения в невиновности Мартина. Но что характерно, ведь не зря же она была баловнем судьбы, при всем при том Сильвия одновременно злилась на Мартина из-за этих перчаток... перчаток, которые она сама купила... и тех жутких вмятин, оставшихся на ладонях... Интересно, что прямо сейчас говорят ему эти люди... и что он говорит им в ответ...

– Сильвия... Хм... мисс Раффрей.

Девушка подняла глаза. Она не слышала его шагов. Очевидно, он шел по траве.

– Просто Сильвия. – Голос ее звучал апатично; в надежде, что станет легче, она попыталась переключиться на того, кто вторгся в ее личное пространство, и вяло заметила: – У вас совершенно больной вид.

– Все в порядке. Не о чем беспокоиться. – Стив Циммерман пристально смотрел на нее с высоты своего роста; его блеклые глаза были полны решимости, ноздри раздувались. Он сел по-турецки на траву, в шести футах от Сильвии. – Это я о себе. Меня никогда особо не беспокоила собственная внешность. Принято считать, что мужчина, недостаточно развитый физически и лишенный привлекательности, чувствует себя неполноценным. Лично я никогда этим не страдал. Хотя я, конечно, ненормальный.

– Ой! – удивилась Сильвия. – Разве вы ненормальный?

– Определенно. Нормальный? Бог ты мой! Я гиперцеребральная личность.

– Понимаю. Приставка «гипер» означает «слишком много», да?

– Нет. Она означает «превышающий норму». А может означать «избыточный». – У него дернулась ноздря, он потер ее пальцем. – Я собирался поговорить с вами после обеда. Вот увидел, что вы пошли сюда.

– Ну?..

Циммерман посмотрел снизу вверх на сидевшую на валуне Сильвию:

– Вам легко говорить «ну». Ваш мозг привык реагировать в основном на простейшие сенсорные импульсы. Это весьма поверхностная трактовка, но научная формулировка будет для вас слишком сложна. Путь к этому решению оказался самым мучительным и трудным в моей жизни. У меня есть к вам предложение. Чтобы упростить задачу и предвосхитить вопрос, который вы наверняка захотите задать, я должен сообщить вам, что собирался известить об этом Мартина, но, к сожалению, не имел возможности. Он находился в кабинете вместе с остальными, а оттуда его сразу вызвали в салон для игры в карты. Поэтому у меня не было шанса...

– Вы ведь не в курсе, зачем его туда вызвали. Да? – прервала его монолог Сильвия.

– Полагаю, чтобы задать еще парочку вопросов в дополнение к тем, что они уже сто раз задавали...

– Нет. – Сильвия устроилась поудобнее. – Они нашли перчатки, которые искали. Дол их нашла. На перчатках остались характерные следы. Это те самые перчатки, которые я вчера купила и отдала Мартину в счет проигранного пари. Короче, перчатки принадлежат Мартину. Вот о них-то полиция его и спрашивает.

Циммерман молчал, не сводя с Сильвии блеклых глаз. И казалось, даже не дышал, словно демонстрируя состояние анабиоза.

– В чем дело?! – рассердилась Сильвия. – Почему вы на меня так уставились?

– Прошу прощения. – При этом он так и не отвел глаз. – Вы сказали, Дол нашла перчатки?

Где?

– В саду. Их спрятали в арбузе.

– Хотите сказать, в огороде?

– Да.

– Но... – Циммерман замолчал, потом глубоко вдохнул, словно ему не хватало воздуха. – Значит, перчатки нашли. И они принадлежат Мартину. Ну и какая полиции от этого польза?

– Я не знаю. А вот Мартину от этого точно никакой пользы, как и мне или кому бы то ни было другому.

– И что говорит Мартин?

– Я не в курсе. А что он, собственно, может сказать? Только то, что не знает, как они туда попали. Что еще он может сказать?

– Ничего. – Циммерман медленно покачал головой. – Я понимаю. Вот, оказывается, какую они приготовили для него бомбу: арбуз с перчатками внутри. Ему не нужно было брать с собой перчатки. Но он их взял. – Стив нахмурился и закрыл глаза, словно они болели от яркого света, затем снова открыл и посмотрел на Сильвию, после чего отрывисто произнес: – В любом случае все это не имеет никакого отношения к предложению, которое я хочу вам сделать. Я определенно не делаю его в традиционной манере и, полагаю, покажусь вам весьма неуклюжим, но вы должны учитывать сложившиеся обстоятельства. Я хочу попросить вас выйти за меня замуж.

Он сидел, глядя на Сильвию своими блеклыми глазами. И она вдруг поняла одновременно три вещи: у нее проблемы со слухом; этот человек окончательно свихнулся; на нее в одночасье обрушилось все, приготовленное ей судьбой, – трагическое, гротескное и просто комическое. В ответ она смогла лишь едва слышно пролепетать:

– Что?

– Вы, естественно, удивлены, – произнес Циммерман. – Мне наверняка не стоит обольщаться, что подобная мысль могла прийти вам в голову. С какой стати? Но у меня есть кое-какие соображения, о которых, вероятно, вы и не подозреваете. Я знаю, что, несмотря на вашу молодость, ваш ум не настолько поверхностный. Наше супружество даст массу преимуществ не только нам, но и всему обществу, чего нельзя ожидать, если вы выберете себе любого другого спутника жизни. Я собираюсь вам о них рассказать, но прежде, чем это сделать, хотелось бы очистить ваш разум, чтобы освободить место для новых идей. Ибо в противном случае вы меня просто не услышите. Короче, сперва необходимо устранить все препятствия.

Невероятно, но факт: Циммерман говорил совершенно серьезно и, казалось, пребывал в здравом уме. Сильвия была настолько ошеломлена, что ей оставалось только смотреть на него большими глазами. Тем временем он продолжил:

– Самое очевидное препятствие – ваша помолвка с Мартином. Это я устранить не могу. Скажу только одно: лично я сбрасываю ее со счетов, и, полагаю, вы тоже должны. Мартин – мой ближайший друг, однако здесь есть три соображения, которые для меня важнее нашей дружбы. Во-первых, вы. Это я объясню позже. Во-вторых, эгоистичное удовлетворение, которое я получаю от своей научной работы. В-третьих, цель и задачи моей работы – вытащить нашу расу из того животного морока, в котором она оказалась. Поэтому я и прошу вас забыть о Мартине. Могу предложить комментарий, способный в этом помочь: явление, которое весьма расплывчато называется любовью, имеет множество самых разных проявлений. Сексуальный фактор легко устраним, как уже миллион раз было доказано, если он не зафиксирован романтически или невротически. Чего у вас пока не наблюдается. Во всем остальном ваша привязанность к Мартину обусловлена исключительно материнским инстинктом... Терпеть не могу эти глупые романтические словеса, но не хочу употреблять специальную терминологию... Данный инстинкт может быть удовлетворен комнатной собачкой, собственным ребенком или даже приемным. Кстати, для Мартина это тоже плохо: материнская опека превращает взрослого мужчину в слюнтяя. А у вас, несомненно, очень развит материнский инстинкт. Именно поэтому вы выбрали такого мужчину, как Мартин, ведь он уже готовый объект, неспособный вписаться в мир взрослых людей, что вы интуитивно почувствовали на подсознательном уровне.

Сильвия, которая уже вышла из ступора и даже обрела дар речи, не стала перебивать Циммермана. Беспokoйно ерзая на валуне, она внимательно слушала, но отнюдь не потому, что находила хоть каплю смысла в разглагольствованиях своего собеседника...

– Итак, Мартина мы сбрасываем со счетов. Кроме того, имеется множество мелких препятствий, естественно сопутствующих любому подобному предложению. Однако я могу обозначить лишь самое главное: я абсолютно не подготовлен для того, чтобы быть объектом романтической привязанности. Посмотрите на меня. У меня лошадиные ноздри, неразвитая мускулатура, выцветшие от рождения глаза. И я не знаю, какого черта творится с моими волосами. Хотя здесь, вероятно, можно что-нибудь сделать. У меня не было времени попробовать. Однако я не требую романтической привязанности. Если вы решите принять мое предложение, а со временем обнаружите в себе способность к романтической привязанности, что, конечно, требует определенной тренировки, и найдете себе подходящий объект, мы сможем решить вопрос. Не исключено, что в дальнейшем я тоже смогу соответствовать вашим требованиям. Прямо сейчас моя идея вам наверняка кажется абсурдной, однако, судя по портретам, фотографиям и прочему, вековая хроника романтических союзов свидетельствует о непрерывной череде чудес.

Теперь о том, что касается преимуществ. Возьмем для начала личные, ограничившись вашими, поскольку мои очевидны и вас они в любом случае мало интересуют. Вы получите все социальные блага брака при минимуме взятых на себя обязательств, за исключением финансовых, что вы вполне можете себе позволить. Вы будете вправе сами решать, давать или отказывать. Вы сможете удовлетворить ваш материнский инстинкт в своем доме со временными или

постоянными объектами – по своему усмотрению. Мой интеллект всегда будет к вашим услугам. При всем при том я не стану навязывать вам его без необходимости. Рядом с вами будет мужчина, который смиренно вас обожает, но у которого при этом больше истинной гордости и интеллекта, чем у любого другого знакомого вам представителя мужского пола. Я встретил вас год назад, когда, покинув Западный колледж, поступил на работу в Колумбийский университет. Я влюбился искренне и страстно, с первого же взгляда. Я боготворил вас так, как боготворю свою работу. Для меня это смысл жизни и единственное приемлемое свидетельство присутствия непорочной правды и красоты в нашем мире. Вы обогатили меня эстетически. Я родился в тот день, когда вас увидел...

Сильвия была не в силах оторвать взгляда от его блеклых напряженных глаз. Сейчас она ничего не видела, кроме них. Сделав над собой усилие, она наконец произнесла:

– Не нужно продолжать... пожалуйста. Пожалуйста, не продолжайте.

Циммерман взмахнул рукой и безвольно уронил ее на траву:

– Хорошо. Не хочу вас смущать. Я признался в своих чувствах, руководствуясь следующим. Во-первых, чтобы проинформировать об их существовании, а во-вторых, чтобы открыть вам свое сердце, если судьба улыбнется и вы ответите мне взаимностью. В противном случае я торжественно обещаю никогда больше не докучать вам, как не докучал весь прошлый год. Но как я уже говорил... хотя, вероятно, вы надо мной посмеялись... впрочем, в один прекрасный день это может вам пригодиться... я всегда к вашим услугам... Ну и еще одно преимущество для вас – надеюсь, вы расцените это именно так – состоит в том, что в один прекрасный день ваш муж наверняка будет известным и уважаемым человеком. Мне начертано судьбой стать ведущим ученым в своей области. Прошу прощения, но сейчас я не могу этого доказать. Могу только утверждать. У меня есть абсолютно все необходимые качества: темперамент, интуиция, аналитические способности, – чтобы взять в свои руки зонд, который современная психология вонзает, точно кинжал знаний, в глубины человеческого мозга, и опустить его на новую глубину. Я также обладаю непреклонной и страстной решимостью делать свое дело. До нашей встречи работа была моей единственной страстью. Но не тревожьтесь – моя страсть к вам находится под контролем. Я умею контролировать все, что управляется моим мозгом.

Циммерман так увлекся, что даже не обратил внимания на пчелу, севшую на прилипшую ко лбу влажную прядь волос.

– Но довольно говорить о препятствиях и преимуществах. Я хочу, чтобы вы сейчас рассмотрели самое главное преимущество, а именно ту огромную пользу, которую наш союз принесет обществу, науке, всем нынешним и грядущим поколениям людей. Мартин утверждает, что не знает размеров вашего состояния, но, насколько я понимаю, оно равняется трем-пяти миллионам долларов. Вы можете оставить треть этих денег для личных нужд – мои потребности ничтожно малы, – а на оставшуюся сумму мы создадим научно-исследовательскую психологическую лабораторию под моим руководством. Учитывая ваше полное невежество в данном вопросе, я вряд ли смогу объяснить вам огромное значение этой идеи.

Лаборатория будет расположена здесь, в Нью-Йорке, в недорогом, но просторном помещении. У нас будет неиссякаемый источник материала для исследований: это мужчины, женщины, дети, младенцы, которых можно нанимать задешево и при желании заменять другими. Нам придется вложить не более пяти процентов от начального капитала в исходное оборудование, благодаря чему у нас останется достаточно средств на развитие и текущие расходы. Я уже разработал детальную трехлетнюю программу независимых исследований и экспериментов с оценкой стоимости. Потенциальные результаты, которые будут получены под моим руководством, поражают воображение.

Максимум через десять лет наша лаборатория будет признана ведущим и наиболее авторитетным центром для психологов всего мира. Ее результирующее влияние на общество, на повседневную жизнь мужчин и женщин трудно переоценить. Она расширит область их зна-

ния, сделает счастливее и будет способствовать более эффективному функционированию как наиболее высокоразвитых организмов. И все это станет возможным именно благодаря вам. Именно вы будете поддерживать живой огонь науки, подбрасывая в него топливо. Мало того, при желании вы сможете принять участие в изысканиях. На основе абсолютно новой концепции взаимосвязи наследственности с окружающей средой я разработал план серии экспериментов с младенцами, которые вы сумеете проводить под моим общим руководством. Трудиться с вами плечом к плечу станет для меня величайшим наслаждением. Вы сможете отлично управляться с детьми, но только после того, как освоите основные научные дисциплины. На все про все уйдет около двух лет, если работать по десять часов в день. Вы будете не только постоянно общаться с двадцатью или тридцатью детьми – пожалуй, я остановлюсь на двадцати пяти, – но и испытывать чувство глубокого удовлетворения от осознания огромной важности своей работы для всего человечества.

Сильвии оставалось только устало кивать. Несмотря ни на что, где-то глубоко внутри у нее росло твердое убеждение, что когда-нибудь она будет весело смеяться, вспоминая эту сцену, но только тогда, когда ей удастся забыть горящий взгляд этих блеклых глаз. И вот наконец она произнесла, запинаясь, глядя в глаза Циммермана:

– Но... я вовсе не хочу направлять вас по ложному пути. Честное слово. Я вам совсем не подхожу. Вам нужна серьезная, целеустремленная девушка, а я отнюдь не такая. И вообще, я ужасная эгоистка. Ой, возможно, я могла бы дать вам немного денег на создание лаборатории... через шесть месяцев... когда я их получу.

Циммерман покачал головой:

– Так не пойдет. Вы сможете дать сравнительно небольшую сумму. Вы вряд ли рискнете выделить мне две трети своего состояния, когда дело дойдет до этого. А у меня не будет никакой гарантии в финансовом обеспечении будущих потребностей. Мое основное возражение... Очевидно, я недостаточно ясно выразился. Лаборатория должна стать лишь одним из преимуществ нашего брака. Я молод и при любом раскладе сделаю успешную карьеру. Но успех будет неполным, если вы не сможете разделить его со мной. Монстр с мозгами, нервами и костями, но без сердца... Впрочем, это все поэзия. Еще год назад я был не в состоянии произнести что-то, столь далекое от науки, как это. Но, встретив вас, я понял, что не существует лишь одной истины, на самом деле их две: одна освещает путь, а другая нас согревает. Прежде я никогда не испытывал потребности в тепле. Так, человек с врожденной глухотой не нуждается в музыке. Если быть точным, я имею в виду тепло вашего присутствия рядом со мной. Я могу быть весьма сдержанным... Но, видит Бог, в вашем присутствии это невозможно. – Циммерман замолчал, потом со вздохом пробормотал: – Вот это и есть мое предложение. Я хотел вас уговорить, а не отговорить.

«Бедняга, – подумала Сильвия. – Вот бедолага!»

– Нынешней весной мне плохо работалось. Да и лето было не лучше. – В его голосе внезапно послышалась ярость, холодная ярость под стать его блеклым глазам. – Я должен во что бы то ни стало прочистить мозги. Мне нужно работать.

Сильвия посмотрела на Стива круглыми глазами. Она не привыкла скрывать своих чувств, если того не требовали правила приличия. Неожиданно ее осенило.

– Стив Циммерман! Так вот зачем вы приходили к Пи Эл вчера утром! Вы с ним об этом говорили?

Он с удивлением посмотрел на девушку и после секундного колебания покачал головой:

– Нет. Эту тему я даже не затрагивал. Я не настолько глуп, чтобы ему об этом говорить.

– Тогда зачем вы к нему приходили? Вы отказались сообщать полиции. Отказались это обсуждать. О чем вы говорили с Пи Эл?

– Я не могу вам сказать. – Циммерман покачал головой и нахмурился. – Вы меняете тему разговора. Я понимаю, что делаю предложение в чрезвычайных обстоятельствах. Вы сейчас в

состоянии стресса, какого прежде вам не доводилось испытывать. Но тут уж ничего не поделаешь. Это мой шанс, и я не могу его упустить.

– Но я хочу знать. Почему бы вам не рассказать?

– Нет! – отрезал он. – Быть может, когда-нибудь потом. Если вы все еще захотите об этом узнать... если мы поженимся...

Сильвию невольно передернуло. Причем даже не от самой мысли, что Стив Циммерман может стать ее мужем, нет, у Сильвии просто сдали нервы.

– Я никогда не смогу выйти за вас замуж. Я ведь уже объяснила, что я эгоистка.

– Ничего страшного. Я тоже эгоист. Но даже с эгоистической точки зрения я обрисовал вам все преимущества...

– Нет. Пожалуйста, не надо. – Сильвия поднялась с камня. – Мне не нравится... Все это не имеет смысла. – Она сделала шаг в сторону.

– Минуточку... – Циммерман, по-прежнему сидевший, скрестив ноги, на траве, даже не поднял головы, чтобы посмотреть на Сильвию. – Я наверняка выразился слишком сдержанно... Но я могу вас умолять... Могу воззвать к вашему милосердию, показав, как я страдаю. Могу продемонстрировать вам насущную потребность...

– Не надо! Пожалуйста, не надо. – Она сделала еще один шаг.

– погодите! – воскликнул Циммерман. – Вы отказываете мне из-за Мартина?

– Мы с Мартином помолвлены.

– Значит, все это из-за него...

Конец фразы повис в воздухе. Сильвия ушла. Наплевав на хорошие манеры и муки неразделенной любви, она просто взяла и ушла.

Циммерман так и остался сидеть к ней спиной. Он даже не потрудился проводить Сильвию взглядом. Он застыл, положив подбородок на грудь и опустив веки, чтобы дать отдых блеклым глазам; и только указательный палец правой руки, которой он опирался о траву, то нырял в крошечную ямку в земле, то медленно выныривал из нее.

Сильвия, поднявшись по лестнице из плитняка – альпинарий был расположен у подножия склона, – нерешительно огляделась по сторонам. Интересно, Мартина уже отпустили? Он сейчас дома или вышел подышать свежим воздухом? Она должна знать, что произошло. Стоит ли рассказывать Мартину о невероятном предложении Стива? Нет. Пожалуй, это еще больше расстроит Мартина и приведет в ярость... Тем не менее она знала, что непременно расскажет. В любом случае она уже давно пришла к выводу, что тесное общение с этим психом Мартину явно не на пользу, пусть даже они подружились еще до того, как Стив уехал работать в Западный колледж...

Сильвия сделала круг, пройдя мимо орешника через розарий. Пусто. На склоне не было ни души, и только на восточной террасе топтался полицейский в форме. Чтобы избежать неприятной встречи, Сильвия свернула направо и, поднявшись на холм, обогнула дом сзади. Увидев, как помощница повара Эллен с красными от слез глазами тащит мешок с продуктами, Сильвия подумала: «Она способна плакать и при этом работать, а я не могу ни того ни другого». Пройдя через дорожку к гаражу в сторону западной лужайки, Сильвия увидела, что два кресла возле теннисного корта кем-то заняты, и поспешила туда.

Но это был не Мартин, а Лен Чисхолм, беседовавший с Дол Боннер. Поколебавшись, Сильвия направилась к ним. Лен, который сидел со стаканом выпивки в руке, имея при этом приличный стратегический запас в виде бутылки и кувшина на столике рядом с собой, вскочил с места и поспешно придвинул Сильвии кресло. Но та, покачав головой, требовательно спросила:

– А где Мартин?

– Полагаю, в доме, – ответила Дол. – Я не видела, чтобы он куда-то выходил после того, как мы покинули салон для игры в карты.

– А что случилось?

– Ничего. Полицейские показали ему перчатки, и Мартин признал в них свои. Вчера он положил перчатки в карман куртки, когда переодевался, вернувшись из Нью-Йорка; куртку он взял с собой на теннисный корт и позже принес домой. Короче, в последний раз он видел перчатки, когда засовывал их в карман куртки у себя в комнате. Следовательно, их мог взять кто угодно. Мартин держался молодцом, особенно с этим чертовым полковником. Думаю, Мартин вернулся в кабинет. На твоём месте я бы сейчас Мартина не трогала, если только у тебя нет желания его успокоить. Я ходила с сержантом на огород, а потом увидела, что Лен тут потихоньку накачивается. Вот я и вернулась сюда, чтобы его остановить. А он в ответ лишь еще сильнее приналег на выпивку.

У Сильвии немного отлегло от сердца. Она примостилась на краешек кресла, которое придвинул ей Лен:

– Зачем тебе понадобились отпечатки пальцев?

– Ты ведь слышала, что я им сказала. Арбуз.

– А с чего вдруг тебе понадобилась Джанет?

– Ты стала что-то чересчур любопытной. Пудра. У меня закончилась. Джанет пользуется «Валери тридцать три».

– Врушка! Неправда. Ну давай выкладывай!

Дол прижала палец к губам:

– Только не при Лене. Он сейчас не в том состоянии, чтобы держать язык за зубами. Я тебе потом расскажу.

– Да я в любом состоянии не смогу уяснить, зачем кому-то может понадобиться Джанет, – взревел Лен. – Разве что пустить на мясо. Из нее получится отличная колбаса.

– Ну и ладно, – заявила Сильвия. – Не хочешь говорить, воля твоя. Тогда я тебе кое-что расскажу. Конечно, не стоило бы этого делать, но у меня от тебя секретов нет. Мне только что сделали предложение руки и сердца.

– Наверняка это тот самый полицейский, который постоянно жует жвачку! – снова взревел Лен.

– Заткнись, Лен! – Дол взглядела в лицо подруги. – Кто?

– Стив Циммерман.

От неожиданности Лен даже расплескал выпивку. У Дол глаза полезли на лоб.

– Что?! Он... это серьезно?

– Да. Очень серьезно. По идее, мы должны пожениться, взять пару миллионов долларов моих денег и основать психологическую лабораторию. Он без ума от своей работы, от своей карьеры, ну и от меня тоже... Я подхожу ему с эстетической точки зрения. Я должна помогать ему в экспериментах с детьми. Только не вздумай смеяться. Даже если... невозможно удержаться.

Дол прищурилась, пробормотав:

– Явная патология. У него определенно проблемы с психикой.

– Как сказать... Если его послушать, ничего такого не подумаешь. Он все расставил по своим местам: свою дружбу с Мартином... на нее можно наплевать... свои физические недостатки, уверенность, что его обязательно ждет слава, мой материнский инстинкт... Вот черт! Сюда идет один из этих проклятых копов. Ну и что теперь им от нас нужно? Боже мой, Дол, это когда-нибудь закончится?!

– Непременно, Сильвия, дорогая. Мы справимся. Если не так, то этак. И кончай кусать губу, она сейчас треснет пополам.

Полицейский подошел к Лену:

– Мистер Чисхолм? Вас там ждут.

– Меня?

– Да, сэр.

– Передайте им, пусть пишут письма. – Лен потянулся за бутылкой, плеснул себе выпивки на два пальца, разбавил водой из кувшина. – Передайте им, письмо не дошло до адресата, так как тот переехал. – Лен поднялся со стаканом в руке и слегка пошатнулся. – Дамы, прошу прощения. Не хочу пропустить второй акт. Говорят, он самый интересный. – Лен размашисто зашагал за полицейским.

Дол проводила Лена взглядом и пожала плечами. Затем повернулась и спросила, уже совершенно другим голосом, без характерных интонаций молодой любительницы сплетен на амурные темы:

– Сильвия, расскажи о Циммермане. Что он конкретно говорил?

Глава 14

В воскресенье, в десять вечера, в маленькой комнате, которая служила внутренним офисом местного полицейского отделения, расположенного в трех милях от Берчхейвена по шоссе 19, царил напряженная атмосфера, клубился табачный дым, выдвигались самые противоречивые теории и теснились полдюжины мужчин. На деревянной скамье развалился какой-то здоровяк с висевшей в уголке рта сигарой. Это был инспектор Кремер из убойного отдела полиции Нью-Йорка. Рядом с ним сидел Магуайр из Бриджпорта, сонный, но нестигаемый. Какой-то неприметный полицейский стоял, прислонившись к дверному косяку. Полковник Бриссенден, все такой же лощеный и все такой же воинственный, сидел прямой, как шомпол, за маленьким столом; напротив него расположился Шервуд – усталый, но не павший духом. Третьим за столом был начинающий лысеть, худой, мрачный мужчина средних лет с раскосыми глазами – Линнекин, генеральный прокурор штата. Он приехал после уик-энда в Вермонте, гнал машину со скоростью шестьдесят миль в час, чтобы разгрести накопившиеся проблемы, получить свою долю похвал и свершить правосудие.

Речь держал Шервуд:

– Вот такая картина вырисовывается на данный момент. Хоть какой-то мотив имеется лишь у двоих. У Чисхолма и Ранта. Чисхолм, по его собственному признанию, имел все возможности для убийства. Он нашел Сторрса спящим на скамье, а ранее, находясь в доме Фольца, мог выкрасть перчатки. Чего явно недостаточно даже для предъявления обвинения коронером, не говоря уже о присяжных. Ну а что касается мотива... Убить из-за того, что его выперли с работы? Из-за того, что он был жутко зол? Но тот, кто проник в сарай для инвентаря, нашел проволоку, вернулся на место, намотал проволоку на дерево и накинул петлю на шею Сторрса, был хладнокровным, как удав, и злобным, как гадюка. И у него должна иметься ужасно веская причина, та или иная.

– А я говорю, здесь замешана женщина, – заявил Линнекин.

– Черт, здесь замешаны четыре женщины! Первая из них чокнутая, вторая считает себя умнее других, третья – богатая наследница, очаровательная и невинная, а четвертая – будто не от мира сего. Это я вам говорю. Завтра утром сами убедитесь.

– Непременно так и сделаю.

– Что меня устраивает на все сто. Теперь относительно мотива. Единственный более-менее убедительный мотив имелся лишь у Ранта. Похоже, это он и сделал. Но при всем при том мы в полной заднице. Согласно показаниями троих свидетелей – миссис Сторрс, ее дочери и дворецкого, – Рант после разговора со Сторрсом вернулся в дом еще до шестнадцати тридцати, а, если верить Чисхолму, в шестнадцать сорок Сторрс был еще жив. То есть нам необходимо доказать, что Рант вернулся на место преступления после шестнадцати сорока, или найти более-менее убедительный довод. Фактически нам нужно доказать, что он вернулся туда после семнадцати двадцати или семнадцати двадцати пяти, поскольку именно в это время Фольц

повесил куртку на стул в прихожей, а Рант не имел возможности взять перчатки до этого времени. Дворецкий утверждает, что в семнадцать часов Рант писал письма в салоне для игры в карты. Он мог выскользнуть из дома через оранжерею, незаметно взять перчатки в прихожей и вернуться тем же путем. Но никто не видел, как он выходил или входил. Еще одна засада – та бумага на траве. Как он мог оставить ее там, после того как вздернул Сторрса? Возможно, что-то заставило его запаниковать, но он явно не из тех, кто легко паникует. Поймите меня правильно, я отнюдь не пытаюсь вычеркнуть Ранта из списка подозреваемых, а просто хочу показать, с чем нам придется столкнуться. Лично я склоняюсь к тому, что это сделал Рант. А вам как кажется, инспектор?

Кремер буркнул, не вынимая изо рта сигары:

– Мне вообще ничего не кажется. Кто бы это ни был, он определенно использовал все имевшиеся возможности. Короче, дело дрянь. Вам придется или повесить это на Ранта, или найти мотивы у кого-то другого. Если убийца все-таки он и вы предъявите присяжным лишь те улики, что у вас есть, то они даже не станут совещаться. Кстати, я вам не говорил? Один из моих людей нашел на Лонг-Бич секретаршу Сторрса. Так вот, она утверждает, что вчера утром не слышала разговора своего шефа с Циммерманом и никто другой не мог этого слышать.

– Да, мне сообщили об этом во время телефонного разговора с вашим отделением, – кивнул Шервуд и, покосившись на Бриссендена, добавил: – Полковник сегодня днем доставил Циммермана в полицейское управление штата и попытался его расколоть. Никаких допросов с пристрастием. Чистая тактика. Но Циммерман только еще больше замкнулся. Упрямый осел, но образованный. Худшая разновидность.

– Нужно было его посадить! – прорычал Бриссенден. – Мерзкий наглец!

– Я не согласен. Можно отложить это и до завтра. А вот если он не захочет отвечать на наши вопросы, вот тогда мы его и посадим. Верно, Эд?

– Конечно. Нам придется. – Генеральный прокурор штата демонстрировал мрачную рассудительность. – Дэн, по-моему, вы действовали вполне осмотрительно. Это вовсе не та публика, за исключением разве что Ранта, на которую можно взять и надавить. Тем не менее мы имеем дело с убийством, и им придется заговорить. И я уверен, что здесь замешана женщина. – Он облизал губы.

– Эти перчатки. – Кремер кивнул на лежавшие на столе перчатки. – Вы сказали, что заставили мужчин их примерить.

– Да. Циммерману они оказались велики, Чисхолму – немного малы, но все-таки налезли. – Шервуд вздохнул. – Да уж, инспектор, как вы сами изволили выразиться, дело дрянь. Я буду вам крайне признателен, если завтра утром вы лично прибудете в Берчхейвен и сориентируетесь прямо на местности. Вот здесь... Взгляните еще раз на диаграмму...

Магуайр из Бриджпорта закрыл глаза.

Тем временем на Берчхейвен опустилась мирная ночная тишина, но мир и покой находились под неусыпной охраной. К одному из массивных гранитных столбов у въезда в поместье был прислонен мотоцикл, возле подъездной дорожки дежурил полицейский, время от времени ходивший взад и вперед, чтобы не уснуть. Около рыбного пруда, в тридцати шагах от рокового кизилового дерева, топтался еще один полицейский. Они с напарником, который сейчас сидел возле теннисного корта и лениво вытряхивал из ботинка гравий, патрулировали территорию. Белден, как обычно, в десять вечера запер все двери в доме, закрыв дверь на главную террасу лишь на защелку, потому что полицейский, в данный момент умиравший от скуки на стуле в прихожей, время от времени выходил на террасу выкурить сигаретку, размять мышцы и взглянуть в ночную тьму. Если бы сидевший в прихожей полицейский прислушался, то при желании сумел бы различить доносившиеся из кабинета едва слышные голоса.

А если точнее, один голос, поскольку говорил в основном Джордж Лео Рант. После ужина, который оказался точной копией обеда, Рант с помощью заслуживающих восхищения тонких уловок выманил миссис Сторрс из комнаты и через боковой холл, куда она отнюдь не собиралась заходить, завлек ее в кабинет. Выбрав в качестве поля боя кабинет, Рант сделал не только ловкий, но и весьма смелый ход, поскольку из всех комнат именно кабинет находился в полном распоряжении мистера Сторрса, и если дух покойного и решил задержаться под этой крышей, то витал именно здесь. Тем самым Рант, казалось, говорил миссис Сторрс: «Давайте останемся там, где ваш муж сможет бросить мне вызов. Я вступал в бой с открытым забралом при жизни вашего мужа и не побоюсь сделать этого и после его смерти».

И вот теперь, в десять вечера, Рант прорвал первую линию обороны: миссис Сторрс слушала его молча, не соглашаясь, но и не протестуя. Сумрак кабинета рассеивал лишь тусклый свет настольной лампы в углу. Миссис Сторрс, сцепив руки на коленях и спрятав глаза за набрякшими веками, понуро сидела на тахте возле радиоприемника. Джордж Лео Рант стоял в картинной позе в десяти футах от нее на восточном ковре, который Пи Эл Сторрс в свое время привез из Персии с личным багажом.

– ... Но это вне области интересов для тех, кому не дано постичь, а недопонимание – один из самых распространенных недостатков. Впрочем, Шива и не требует понимания. Ни один древний или современный обряд во имя Шакти невозможно объять человеческим разумом. Три ступени: созерцание, принятие, проникновение. Мы не в состоянии понять то, что обожаем. Три исполнения: дисперсия, проникновение, омоусия. Второго можно достичь лишь посредством первого; третьего – лишь после достижения первого и второго. Три жертвы: я, мое я, я сам. Обрывки идентичности суть лохмотья несовершенства. Целостность предполагает и требует бесконечности. Другого пути к славе нет. Нет иного способа вхождения в вечный цикл, нежели путем распада личности на бесконечное число разрозненных частей, чтобы следовать за бесчисленными лучами, исходящими из трепещущего центра всемирной плоти... – (отступница поерзала на тахте, расцепила руки, опять сцепила их и застыла каменным изваянием), – в непрекращающемся движении. Обряды Шакти требуют духовного разрушения как прелюдии к смирению и великому восстановлению. Они стоят над физическим разрушением и более не требуют жертвоприношений в древних храмах. Я, Джордж Лео Рант, являюсь священнослужителем, верховным жрецом и буддийским монахом, и именно я взываю к вам из вечного цикла, в который вошел...

Полицейский в прихожей мог разобрать доносившийся из кабинета шелестящий шепот, лишь замерев и затаив дыхание.

Тем временем наверху, в своей комнате в конце коридора, Джанет Сторрс, с авторучкой в руке, сидела за письменным столом из южноамериканского кедра перед раскрытым блокнотом. Прежде она пользовалась карандашом, который проще было стирать, однако два года назад сменила карандаш на авторучку, чтобы навечно сохранить свои творения, если паче чаяния они приобретут хоть какую-то ценность. Джанет еще не переделалась в пижаму, но уже сбросила туфли и переобулась в шлепанцы. Она сидела, устремив глаза на трепещущую оконную занавеску, но ничего не видела, так как напряженно вглядывалась в свою душу. В конце концов она глубоко вдохнула и посмотрела в открытый блокнот.

Если нужно сказать тебе: «Мое сердце мертво,
Кровь застыла, и боли уж нет;
Я стою неподвижно в ночи, и рассвет
Найдет меня здесь, когда волшебство
Нового дня оживит все вокруг...

Внезапно по телу Джанет пробежала дрожь отчаяния. Она подумала: «Бесполезно. Мне все равно не закончить. Говорят, поэзия – это чувство, запечатленное в тиши и покое... Но, видит Бог, мне нет покоя... нет, нет и нет... какой там покой...»

Она уронила голову на лежавшие на столе руки, ее плечи судорожно затряслись, но ни единый звук не нарушил эту мертвую тишину.

Дальше по коридору, через три двери от спальни Джанет, на противоположной стороне, находилась комната, отведенная Стиву Циммерману. Отнюдь не лучшая из тех, что Берчхейвен мог предложить гостям. Здесь не было ванны, а только унитаз в нише. И все же эта комната была куда роскошнее того жилья, которое Стив мог позволить себе на Сто двадцать второй улице в Нью-Йорке. Белден или горничная, а возможно, они оба, были явно деморализованы произошедшим в субботу печальным событием: на вешалке не оказалось полотенец, в пепельнице на прикроватном столике со вчерашнего вечера остались окурки и обгорелые спички, а когда Стив попытался открыть стеной шкаф, чтобы повесить пальто, дверь заклинило и пальто пришлось бросить на стул.

Однако все эти мелкие неурядицы с легкостью отскочили от защитной оболочки сознания Циммермана. Мысли его были явно заняты чем-то другим. Итак, повесив пальто на спинку стула, он направился к окну и, распахнув его, выглянул в ночь. Снизу, откуда-то слева, доносились шаги – по террасе прогуливался полицейский. Стив отошел от окна, присел на кровать, почесал локоть и устался на полку с книгами над прикроватным столиком с включенной лампой.

Десять минут спустя Стив, застывший все в той же позе, краешком сознания неожиданно уловил голоса, доносившиеся через открытое окно, по-видимому, со стороны террасы, так как слов разобрать было невозможно. Стив едва слышно пробормотал:

– Я обязан продолжить. Просто обязан. Начав это дело, я обязан довести его до конца. Обрушившиеся на меня события не придавят меня своим грузом. Ирония судьбы так далеко не заходит. Это было бы равносильно тому, как если бы Эйнштейн попал под грузовик.

Встав с кровати, чтобы раздеться, Стив услышал за дверью тихие шаги, приглушенные ковровой дорожкой. Он надел пижаму, достав ее из дорожной сумки, которую накануне принес от Фольца, присел на кровать, снова почесал локоть и наконец лег – горничная хотя бы не забыла поменять постельное белье. На долю Стива выпала по крайней мере одна милость судьбы: что бы ни случилось, он всегда спал как убитый. И даже в ту июньскую ночь, когда благодаря Сильвии Раффрей впервые включил в свой словарь романтические термины. Впрочем, прежде чем выключить свет, Стив, как правило, приводил в порядок мысли. Вот и сейчас он лежал на спине, закрыв глаза и сжав губы; его широкие ноздри привычно раздувались...

Неожиданно в дверь постучали – три раза, едва слышно. Стив открыл глаза, перевернулся на бок, приподнялся на локте, пробормотав себе под нос:

– Проклятье! Только не сегодня. Это, должно быть, он.

В дверь снова постучали. Стив сел и сказал:

– Войдите.

Дверная ручка медленно повернулась, дверь бесшумно отворилась и так же бесшумно закрылась за вошедшим в комнату незванным гостем.

В блеклых глазах Стива появилось удивление, а в голосе послышалось раздражение:

– Какого дьявола вам от меня нужно?!

Вольфрам де Руд казался воплощением грубой физической силы, причем даже не из-за высокого роста, а скорее из-за странного телосложения. Впечатление это еще больше усиливалось в замкнутом пространстве комнаты. Де Руд сделал несколько плавных бесшумных шагов в сторону кровати. Его интеллигентное лицо было напряженно: он явно с трудом сдерживал эмоции.

– Где он? Что вы с ним сделали? – прохрипел он угрожающим тоном.

Стив, подтянув колени к груди, поднял глаза на нависавшее над ним лицо де Руда:

– Вы о чем? И что я мог с ним сделать? Полагаю, он уже в постели.

– Нет. Я проверил его комнату. Где он?

– Без понятия. Наверное, внизу. Откуда мне знать?

– Его там нет. – Де Руд сжал руки в кулаки. – Будьте вы прокляты! Вы убийца! Где он?

Стив произнес с напускным спокойствием:

– Де Руд, вы дурак! Почему бы вам не заявить об этом еще громче? Возможно, кому-нибудь будет интересно вас послушать. Вы называете убийцей меня? Говорю же: я не знаю, где он. Господь свидетель, вы думаете, я вас боюсь? Мы не в джунглях... Хотя, быть может, и так. В любом случае он где-то здесь. Вероятно, прячется под кроватью. Последний раз я видел его за ужином. И не нужно стоять и пялиться на меня, вы все равно не горгона Медуза... У вас глупый вид...

Циммерман понял, что придется уговорами выпроваживать эту невротичную обезьяну из комнаты... И он начал вещать...

В тридцати ярдах от комнаты Стива, в спальне в другом крыле дома, Лен Чисхолм сидел в обитом индийским ситцем кресле, в подушке которого успел прожечь окурком дыру размером с монету в десять центов, впрочем немало не обеспокоившись. Лен не переоделся на ночь и не выказывал никакого намерения это сделать. По полу были разбросаны листы воскресного номера «Газетт», там же, на полу, стоял поднос с бутылкой, кувшином и стаканом. Ранее Белден услужливо поставил поднос на бюро, но Лен ради экономии сил перенес бутылку на пол.

Он лениво отшвырнул ногой оказавшийся на пути газетный лист, не выказывая намерения куда-то идти, поднял стакан, сделал пару глотков, возмущенно скривился, не почувствовав вкуса, и хрипло – из-за неудобной позы – пробормотал:

– Я идиот. Идиот, форменный идиот. Похоже на цитату из Гертруды Стайн. Ты не можешь бороться с этим, не можешь расслабиться, не можешь задушить это в себе, даже надраться толком не можешь. Я жалкое подобие алкаша. Уже и спиртное не берет. Утопить свое горе в вине. Но нельзя утопить то, что не тонет. Хотя нет. Я уже пошел ко дну. И уже утонул. Поэтому любой алкоголь, который я лью себе в глотку, – всего лишь тавтология...

Уже в полночь полицейский поднялся на второй этаж и постучал в дверь комнаты Мартина Фольца проверить, на месте ли он. Это случилось бы намного раньше, не поведи себя Вольфрам де Руд столь эксцентрично: если бы он, например, покидая Берчхейвен, счел бы уместным поделиться своими опасениями с дежурным полицейским. Однако, судя по всему, де Руд был глубоко убежден, что полицейский занимает недостаточно высокое положение, чтобы помочь. В любом случае де Руд спустился по лестнице, завернул в кабинет поговорить с миссис Сторрс и вышел из дома через парадную дверь. Полицейский собрался было его остановить, но, учитывая все обстоятельства, счел это излишним и решил не мешать. Время, потраченное де Рудом, чтобы добраться до поместья Фольца по лесной тропинке, стало вынужденной отсрочкой, но ничего не поделаешь, нужно было взять машину.

В местном отделении полиции впервые услышали о де Руде в 23:20, когда Магуайр из Бриджпорта позвали к телефону. Совещание было в самом разгаре, и Магуайр взял трубку в служебном помещении. Это был заместитель начальника окружной тюрьмы, дежуривший в ночную смену.

– Шеф? Это Каммингс. Сюда заявила какая-то горилла. Желает видеть парня по имени Мартин Фольц. Да еще как хочет, клянусь Богом! Утверждает, что Фольц здесь, в моем отеле, а я говорю, что нет. Я уже хотел выгнать его взашей, но тут сообразил, что видел это имя в газете, где писали об убийстве в Берчхейвене. Вот я и смекнул, что не мешало бы вам позвонить. Этот

тип упорно твердит, будто он точно знает, что Фольц у нас, и требует, чтобы мы его показали. И больше ничего не говорит.

- Как его фамилия?
- Дируди или вроде того.
- Оставайтесь на проводе.

Магуайр, не вешая трубки, направился в комнату, где шло совещание. Через пару минут он вернулся и снова взял трубку:

– Каммингс! Послушайте. Этот человек нужен нам здесь, в отделении полиции. Прямо сейчас. Можете препроводить его к нам?

– Он на своей машине. Интересуется, у вас ли Фольц.

– Мне глубоко наплевать, чем он там интересуется. Пусть едет на своей машине. Но вам лучше послать с ним своего человека, чтобы тот никуда не свалил.

Они прибыли в 23:50. В офисе было уже накурено так, что хоть топор вешай. Все мужчины выглядели усталыми, раздраженными, с налитыми кровью глазами. Заместитель начальника тюрьмы позвонил в тот самый момент, когда собравшиеся уже было решили прерваться на ночь. Де Руд в сопровождении тюремного надзирателя вошел в комнату и, окинув ее быстрым взглядом, остановился у стола.

– Ну-с? – начал Шервуд. – Почему вы отправились в тюрьму искать Фольца?

Де Руд пожевал губами, но промолчал.

– Вы что, язык проглотили? – пролаял Бриссенден.

– Я хочу его видеть. Где он? – спросил де Руд.

– Спит в своей постели. Полагаю, что так. С чего вы взяли, что он в тюрьме? Откуда такие мысли?

– Он у вас здесь, – стоял на своем де Руд. – Я хочу его видеть.

Бриссенден вскочил с места:

– Черт бы вас побрал, вы собираетесь отвечать?!

Но де Руд, похоже, не собирался. Видимо, сперва хотел получить ответ на свой вопрос. Он хотел знать, где находится Фольц, и лай Бриссендена на него не действовал. В результате Шервуд, не выдержав, дал выход своему раздражению:

– Послушайте, вам же ясно сказали. Насколько нам известно, Фольц сейчас в Берчхейвене, в своей постели. Мы оставили его там. Быть может, нам следовало его запереть, но мы этого не сделали. С чего вы взяли, что он у нас? Кто вам такое сказал?

– Никто мне ничего не говорил. – Массивная грудь де Руда вздымалась, как у боксера-тяжеловеса. – Я отправился в Берчхейвен в шесть вечера, чтобы передать Фольцу кое-какие вещи, и он рассказал мне про перчатки. И тогда я понял, почему вы интересовались у меня, что я делал тем днем, а также насчет его куртки и перчаток в кармане. – Де Руд медленно обвел взглядом лица собравшихся. – Я ответственно заявляю, вы все ошибаетесь! Мистер Мартин этого не делал!

– Чего не делал?

– Не убивал мистера Сторрса.

– Допустим. Ну и что дальше?

– Это все. Но я видел, что он переживает. Ждет чего-то нехорошего. Потом я ушел домой.

А в десять вечера понял, что не смогу спокойно уснуть, если снова не повидаюсь с мистером Мартином. Видите ли, я много лет заботился о нем. Я вернулся в Берчхейвен. Полицейский внизу сообщил, что все, кроме миссис Сторрс и мистера Ранга, ушли к себе. Я поднялся на второй этаж и постучался к мистеру Мартину. Никого. Тогда я отправился к мистеру Циммерману, но мистера Мартина там тоже не оказалось. Я спустился в кабинет справиться у миссис Сторрс. Она ничего не знала. Вот я и решил, что вы загребли его из-за тех перчаток. Решил, вы посадили его в кутузку, и сразу двинул туда. – Де Руд расправил поникшие плечи. – Где он?

– Святые угодники! – взорвался Шервуд. – Он ведь живой человек. Может, он был в ванной.

– Нет. Я смотрел.

– Ну, возможно, еще где-нибудь. Вы остолоп. Я подумал, быть может... Впрочем, какое это имеет значение? – Шервуд повернулся к полицейскому, сидевшему возле двери. – Позвоните в Берчхейвен и попросите нашего человека проверить, где там Фольц. Нет ли его у себя в комнате. И пусть немедленно доложит нам.

Полицейский ушел. Шервуд встал со стула и, широко зевнув, от души потянулся:

– Инспектор, вы едете со мной? Все лучше, чем тащиться обратно в Нью-Йорк. Если хотите вернуться сюда уже к восьми утра, то на сон вам останется не больше трех часов.

Остальные тут же встали с мест и потянулись за шляпами. Магуайр тихо беседовал с тюремным надзирателем. Генеральный прокурор штата что-то мрачно втолковывал Бриссендену, хмуро кивавшему в ответ. Инспектор Кремер подошел к столу помочь Шервуду собрать бумаги и уложить в портфель. Никто не обращал внимания на де Руда. Обмениваясь обрывочными фразами, все дружно двинулись к двери.

Зазвонил телефон, полицейский снял трубку. После минутного разговора он повернулся к начальству:

– Хёрли докладывает, что Фольц в своей комнате. Лежит в кровати.

– А Хёрли туда входил? Он видел Фольца?

– Да, сэр. Хёрли вошел в комнату, и Фольц жутко разозлился, что его разбудили.

– Тьфу, пропасть! Где этот треклятый дурак? – Шервуд повернулся и увидел де Руда. – Вы это слышали? Он в кровати. Сладко спит, чего и нам всем желаю. Кроме вас. Вам самое место в тюрьме, как всем скудоумным вроде вас. Пошли, инспектор.

Сильвия уснула. Хотя не надеялась, что сможет заснуть. Накануне ночью она не сомкнула глаз. И вот сейчас, в десять часов вечера воскресенья, сумятица у нее в голове и в душе стала еще сильнее, чем сутки назад. За эти двадцать четыре часа много чего произошло: нашлись перчатки, которые она лично купила Мартину; Стив сделал это нелепое предложение руки и сердца – ей не забыть взгляда его блеклых глаз; узнав о Стиве, Мартин продемонстрировал отстраненную невозмутимость, что было совсем на него непохоже; наконец, Дол вела себя совершенно непостижимым образом. Итак, хотя Сильвия и поднялась к себе, потому что остальные разбрелись по своим комнатам, она страшилась длинных черных часов отчаяния в опутавших ее сетях печали, страха и тревоги. Однако часы эти свелись к длинным черным минутам отчаяния, пока она передевалась в пижаму, на скорую руку совершала минимальный туалетный ритуал, ложилась в постель и выключала свет. Усталые молодые нервы, которые за двадцать лет ни разу не сталкивались с подобными нагрузками, требовали передышки, и они ее получили. Уже в половине одиннадцатого Сильвия спала как убитая.

У полицейского по фамилии Хёрли, дежурившего в прихожей, давно не было столь тяжелой ночи, неожиданной для человека, которому просто поручили посторожить спящих домохозяев. Сперва заявился де Руд. Впрочем, он как пришел, так и ушел. Затем, уже после одиннадцати, миссис Сторрс с Рантом покинули кабинет и поднялись на второй этаж. А потом поступил звонок из отделения полиции, после чего пришлось совершать марш-бросок в комнату Фольца. Спустя полчаса произошел еще один незначительный инцидент. Хёрли только что вернулся в прихожую с террасы, куда ходил выкурить сигаретку, и неожиданно услышал доносившийся со второго этажа едва уловимый стук. Полицейский прислушался, через секунду стук повторился. После непродолжительной внутренней борьбы, касается его это или нет, Хёрли решил, что все-таки касается, поскольку сержант Квилл специально снабдил его нари-

сованным карандашом планом дома со схемой размещения гостей, – и снова поднялся по лестнице.

После визита в комнату Фольца Хёрли выключил свет в холле и теперь включил его снова. В коридоре, ведущем направо, не было видно ни единой живой души, и Хёрли завернул за угол в сторону другого холла. Посреди холла стоял какой-то мужчина, и Хёрли узнал в нем того здоровяка по фамилии Чисхолм, который, по словам сержанта, весь день закладывал за воротник. Полицейский осторожно, на цыпочках, но уверенно направился к Чисхолму, чувствуя себя немного не в своей тарелке на ночном дежурстве в таком шикарном доме, но что поделаешь: пьяный есть пьяный.

– Кого ищете? – понизив голос, грубо спросил Хёрли.

Лен Чисхолм прислонился к косяку двери, в которую предположительно стучал, высокомерно поднял брови, да так и остался стоять, не удостоив Хёрли ответом.

– А ну-ка, выкладывайте, чего здесь забыли?

Лен оторвался от косяка и, приблизив губы к самому уху полицейского, прошептал заговорщицким тоном:

– Присядьте, и я вам все расскажу. Давайте оба присядем.

– Вы пьяны в стельку, – буркнул Хёрли. – Что вам нужно от Циммермана посреди ночи?

Лен попытался нахмуриться, но ничего не получилось. Он снова прислонился к косяку и с ходу перешел с шепота на рык:

– От Циммермана? – Его голос был полон презрения. – Я не стал бы говорить с этим шибздиком, даже если бы мне приплатили.

– Тогда зачем вы ломитесь к нему в дверь?

– Я вовсе не ломлюсь к нему в дверь. Я собирался навестить мисс Боннер. А до других мне и дела нет.

– Это комната Циммермана.

– Что?! – Повернувшись, Лен напряженно взгляделся в верхний левый угол филенки, практически уткнувшись в нее носом. Затем потрогал дверь пальцем. – Клянусь Богом, так оно и есть! – Он развернулся на нетвердых ногах. – Не в моих привычках захаживать в комнату к мужчине посреди ночи. Уж можете поверить мне на слово. Пардон, ошибся. – Оттолкнувшись от дверного косяка, Лен проворно протиснулся мимо полицейского и направился дальше по коридору, слегка кренясь, но держась на ногах.

Хёрли последовал за ним, недовольно бормоча себе под нос:

– Слава богу, он хоть может передвигаться! Не хотелось бы тащить на себе этакую тушу.

Но поводов для беспокойства не оказалось. Лен благополучно завернул за угол в основной коридор, прошествовал к двери своей комнаты, открыл ее, вошел внутрь и с громким стуком захлопнул дверь.

Полицейский недовольно скривился, секунду-другую посмотрел на дверь, затем развернулся и спустился обратно в прихожую.

Стук хлопнувшей двери в комнату Лена вскоре после половины первого ночи, может, слышали, а может, не слышали остальные – естественно, все, кроме Сильвии, которая спала как убитая, – но его явственно слышала Дол Боннер, поскольку ее комната располагалась напротив комнаты Лена, а Дол не спала. И даже еще не раздевалась. Она то сидела за маленьким столиком в простенке между окнами и что-то писала, то пристраивалась на диванчике у окна, подтянув колени к груди и упершись в них подбородком, то расхаживала в одних чулках взад и вперед по комнате, отчаянно пытаясь привести в порядок хаос в голове. В ту ночь, между десятью и двумя часами, ей пришлось как никогда напрячь свои умственные способности: мысли в основном были бесплодными, иногда мучительными, но в целом не слишком конкретными.

Первый час Дол провела за столом с карандашом и бумагой: составляла графики перемещения каждого из присутствовавших здесь в субботу днем, строила теории с учетом всех за и против, подводила шаткий баланс возможного и невозможного. И наконец поняла, что так она далеко не уйдет – слишком много гипотез и перестановок. Тогда она снова устроилась на диванчике возле окна и попыталась осмыслить ту ложь, которую скормила ей Джанет. Может, стоит прямо сейчас отправиться к Джанет и вывести ее на чистую воду?

Догадавшись, что Джанет ей солгала, Дол сгорала от желания разобраться с врунней и добиться правды. Желание это отнюдь не угасло, однако Дол пока сдерживалась. Она хотела учесть все возможные варианты и, если Джанет опять соврет, не купиться, как в первый раз, а припереть ее к стенке. Кроме того, имелась большая вероятность того, что Джанет будет просто стоять на своем и наотрез откажется что-либо объяснять, значит ей лучше не знать, что ее ложь раскрыта. Ну и кроме того, разбирательство с Джанет в любом случае было крайне щекотливым делом, возможно уже напрочь проваленным. Доказательства, с помощью которого на нее можно было надавить, больше не существовало, и теперь Дол готова была убить себя за то, что в порыве импульсивного благородства стерла с арбуза отпечатки пальцев. Даже учитывая вполне гуманное желание оградить Джанет, следовало хорошо поразмыслить и, применив немного смекалки, придумать способ получше, например спрятать арбуз куда-нибудь подальше, дырку вырезать в другом арбузе и подменить тот, что с уликой. Шервуд с Бриссенде-ном страшно негодовали по поводу стертых отпечатков, ведь на арбузе не осталось ни одного. Если бы они узнали, что Дол специально уничтожила отпечатки пальцев человека, который в буквальном смысле откопал перчатки...

Все это было жизненно важно, поскольку, если Джанет солгала, а она точно солгала, отсюда вытекал единственно верный вывод, придававший совершенно новый оборот всему делу. И тогда уничтожение отпечатков могло оказаться колоссальной ошибкой. Но даже если это умозаключение было ошибочным, все остальные возможные выводы из лжи Джанет были одинаково противоречивы.

Дол чувствовала себя некомпетентной. Она была озадачена, раздражена, но непреклонна. Она не могла лечь в постель и спокойно уснуть. Утром полицейские вернутся. А ведь они даже не догадываются ни о Джанет с ее ложью, ни о весьма подозрительном и странном выборе Циммерманом времени для предательства их дружбы с Мартином, ни о тайной страсти Лена Чисхолма. Однако эти люди будут здесь и наверняка могут, устав от упрямства Циммермана, посадить его за решетку. Они могут сделать что угодно...

За эти четыре часа с десяти вечера до двух ночи, когда она то сидела за столом, то устранилась на диванчике, то расхаживала взад и вперед в одних чулках по комнате, до ее ушей долетали самые разные звуки спящего дома. Шаги в холле на втором этаже, голос Ранга, желавшего спокойной ночи, вероятно, миссис Сторрс, едва слышный звонок телефона в салоне для игры в карты, расположенном прямо под спальней Дол, а затем, уже гораздо позже, еще чьи-то шаги, потом еще и наконец громкий стук хлопнувшей двери в комнату Лена. Примерно через час, где-то в половине второго ночи, Дол снова услышала шаги, на сей раз на гравийной дорожке. Девушка подошла к окну и выглянула во двор. Через секунду она увидела какую-то тень на дорожке, затем – круглое расплывчатое пятно, скорее всего чье-то лицо, поднятое к освещенному окну комнаты.

Снизу раздался голос:

– Все в порядке, мэм. Обход.

Нервы Дол были на пределе.

– Ладно, но лучше делайте обход по траве! – выпалила она, отходя от окна.

Дол прошла в ванную – при спальне была своя ванная, – выпила воды, вернулась в комнату и присела на край кровати. Они наверняка заберут Циммермана. А может, и кого-нибудь еще. Дол сидела, опустив плечи, устало закрыв глаза и в задумчивой нерешительности намор-

щив лоб. Она попыталась собрать мысли в кучку, но ни одной толковой вроде не нашлось, а если и нашлось, то как, ради всего святого, с ней поступить? Может, выкинуть это проклятое дело из головы и признать свое поражение?

Нет! Дол посидела немного, держась за это свое «нет».

Затем стиснула зубы и встала. Конечно, все это совершенно бесполезно, и ее мозг выдохся. Но если она идет по верному следу и если они действительно завтра заберут Циммермана, то у нее не останется свободы действий и придется идти к Шервуду с повинной головой: рассказать о вранье Джанет и выложить правду об отпечатках пальцев на арбузе. А значит, нужно действовать немедленно. Дол посмотрела на часы: два ночи. Полицейские будут здесь уже через шесть часов. Может, все-таки стоит попробовать прижать Джанет к ногтю. Нет, пожалуй, не стоит. Все уже сто раз прокручено в голове. И если ее оценка Джанет хотя бы наполовину верна, это будет ошибкой. Хорошо. Тогда остается только Циммерман. У Дол имелось два рычага воздействия на Стива, если она не ошиблась: и время само по себе, и состояние неизвестности наверняка успели измотать его, не говоря уже о сильном возбуждении, давшем о себе знать, когда он делал предложение Сильвии.

Хорошо. Значит, Циммерман. У Дол словно камень с души свалился. Цель установлена. Дол подошла к зеркалу и увидела, что выглядит ужасно. Краше в гроб кладут. Но тут уж куда не денешься. Жалкие потуги навести красоту вряд ли исправили бы положение. Осторожно, но решительно повернув дверную ручку, Дол оказалась в холле.

Дверь она оставила открытой, чтобы в холл падал свет. Прошла в сторону лестничной площадки, где коридор расширялся, и завернула за угол. Здесь было намного темнее, хоть глаз выколи, и Дол немного постояла, чтобы глаза привыкли к темноте. Различив наконец дверную раму, она двинулась дальше и остановилась у первой двери слева. За запертой дверью располагалась спальня, освободившаяся после смерти Пи Эл Сторрса; рядом должна была находиться комната Циммермана. Дол, держась за стену, добралась до двери, нащупала филенку, осторожно постучала костяшками пальцев и стала ждать. Ни звука. Дол снова постучала. Нет ответа. Не желая поднимать на ноги весь дом, особенно полицейского в холле внизу, она осторожно повернула ручку и, обнаружив, что дверь не заперта, легонько толкнула ее и вошла. Тихий призыв: «Стив! Стив!» – имел тот же результат, что и стук в дверь. Решив, что Циммерман крепко спит, Дол осторожно закрыла дверь до щелчка и произнесла чуть громче:

– Стив! Это Дол Боннер.

Нет ответа. И внезапно она поняла, что в комнате слишком тихо, слишком тихо даже для безмятежного сна. Мертвая тишина. В комнате никого не было. У Дол екнуло сердце. Нашупав возле дверного косяка выключатель, она включила свет. Повернулась взглянуть и оцепенела, ни разу не моргнув от резавшего глаза света.

Несколько секунд Дол стояла не шелохнувшись, потом собралась с силами, вытянула назад руку и попыталась нащупать за спиной дверную ручку, но не смогла. Пришлось повернуться и схватить ручку. Это помогло преодолеть ступор. Осторожно открыв дверь, она шагнула в холл, а потом не менее осторожно закрыла за собой дверь. Дол судорожно вздохнула – ее вздох, скорее, напоминал всхлип, – но это тоже немного помогло. Она проскользнула обратно в сторону главного коридора, прошла в открытую дверь своей комнаты, отыскала возле диванчика у окна туфли без каблука, села и дрожащими руками обулась. Затем вернулась в коридор и по лестнице спустилась в прихожую. Увидев в начале третьего ночи полностью одетую молодую женщину, сидевший на стуле полицейский ошарашенно вскочил с места.

Дол произнесла дрожащим голосом:

– Поднимитесь вверх. Там мертвый мужчина.

Глава 15

Вот так и вышло, что высшее командование продолжило следственные действия в Берчхейвене на пять часов раньше запланированного времени.

– Это ничего не значит, – заявил инспектор Кремер. – Существует три версии того, откуда у него на шее шнур, завязанный двойным узлом. Во-первых, он мог сделать это сам. Вполне. Во-вторых, это мог сделать любой здоровенный парень. Легко. Ему нужно было всего-навсего прижать жертву к кровати и, удерживая ее в таком положении коленями, закончить свое грязное дело. Но вот только тогда он должен был одной рукой закрывать ему рот, чтобы заглушить крики, а другой – затягивать узел на шее. И третий вариант: кто-то мог затянуть шнур на шее у жертвы и держать до тех пор, пока та не потеряет сознание, а затем для верности завязать шнур двойным узлом. Кстати, лично я склоняюсь к последней версии. Это по силам каждому, если он очень постарается.

– Ну я не знаю. Не вижу как. – Шервуд, взерошенный, с мутными глазами, мрачно смотрел на лежавшее поперек кровати скрюченное тело Стива Циммермана, которое не стали трогать до прибытия доктора Фланнера; голова покойного свисала с матраса, на шее двойным узлом затянут шнур от настольной лампы. – Допустим, он лежал и спокойно спал. Интересно, как можно было накинуть ему на шею шнур и затянуть так, чтобы спящий даже не пикнул? Шнур – это вам не проволока. Под шею его так легко не просунешь. Неужели, по-вашему, бедняга не стал бы кричать?

– Быть может, он просто не успел. Посмотрите. – Инспектор показал на стену на уровне пола, справа от изголовья кровати. – Это электророзетка, в которую вставляется вилка от шнура. Ближайшая от кровати. Обычно шнур от лампы идет вдоль стены за кроватью прямо до розетки. Но допустим, вы оказались достаточно предусмотрительны, чтобы сделать кое-какие приготовления. Вы могли прийти сюда заранее, вынуть вилку из розетки, вытащить шнур, протянуть его через кровать и снова воткнуть в розетку. Шнур, протянутый через кровать, можно спрятать под подушками. А если постель уже расстелена, кто там что увидит? Никто. Разве что он станет взбивать подушки. Но в любом деле есть доля риска. И позже, когда жертва видит десятый сон, вы возвращаетесь и вам не нужно просовывать шнур под шею жертвы, так как он уже там. Все, что вам остается сделать, – тихонечко выдернуть шнур из розетки, и этот человек ваш.

– Ваш-то он ваш, но для этого самому нужно быть довольно проворным и довольно сильным.

– Отнюдь не обязательно быть гигантом, – покачал головой Кремер. – Как только шнур окажется на шее жертвы, вы затянете его покрепче и примерно с минуту будете так держать что есть сил. Бедняге останется лишь биться на кровати и хвататься за вас. Хотя он, скорее, будет хвататься за шнур. Это инстинкт такой, когда у вас на шее удавка. А когда он затихнет из-за нехватки воздуха, можете вязать любые узлы, какие душе угодно.

Бриссенден, стоявший в изножье кровати, буркнул:

– Отпечатки на вилке и розетке.

– Конечно, почему бы не попробовать. Но лично я сомневаюсь. В наши дни все знают об отпечатках. Вы ведь обратили внимание, что на арбузе не осталось отпечатков... По крайней мере, будем надеяться, что не осталось. Я тут заметил одну вещь, которая подтверждает мою догадку, как это было сделано. – Инспектор подошел поближе к свисавшей голове трупа с багровым лицом и высунутым языком и нагнулся над ней. – Шервуд, взгляните-ка. Видите вон тот кровоподтек сбоку на шее, на полдюйма выше шнура? Так вот, я скажу вам на этот счет две вещи. Во-первых, это еще одно свидетельство, что мы имеем дело не с самоубийством, ну и, конечно, вряд ли кому-нибудь в мире удастся затянуть столь тугую петлю у себя на шее, а

еще швырнуть на пол подушку и перевернуть вверх дном всю постель. Если бы Циммерман собственноручно завязал этот узел, то никакого второго кровоподтека параллельно первому на шее не осталось бы. Но если все происходило именно так, как я и предполагаю, в ходе удушения мог остаться кровоподтек, после чего шнур соскользнул, когда его снова затянули узлом. Хотя, конечно, это вовсе не обязательно. Циммермана могли сперва ударить по голове, чтобы оглушить. Когда наконец появится этот ваш доктор?

– Давайте-ка выбиратья отсюда. – Шервуд, который послушно наклонился обследовать кровоподтек, с содроганием выпрямился. – Фланнер будет с минуты на минуту. Надеюсь, вам здесь больше ничего не нужно? – Он поднес руку ко рту, дважды сглотнул и, справившись, повернулся к сержанту. – Квилл, поможешь доктору и остальным, когда появятся, сделать фото и снять отпечатки. Пусть твои люди остаются в холле. Мы спустимся вниз. Полковник, возражений не имеется?

Бриссенден невнятно буркнул в знак согласия и добавил:

– Не забудьте сказать им насчет вилки и розетки. Проверьте всю комнату. – С этими словами он прошествовал вслед за Шервудом с Кремером к выходу.

В главном коридоре полковника остановил полицейский:

– Миссис Сторрс спустилась вниз, сэр. Что делать с остальными?

– Пусть все оденутся. Никто не должен покидать дом.

– Есть, сэр.

В прихожей уже толклась группа полицейских в форме, с кобурой и патронташем. Бриссенден отправил двоих в помощь Квиллу, а еще двоих – найти полицейских, патрулировавших территорию, и, сменив их, отправить в дом. Сержант Талбот был командирован в салон для игры в карты сделать несколько телефонных звонков. Выяснилось, что миссис Сторрс не ждала внизу, а проследовала в сторону кухни вместе с Белденом, который оделся буквально за четыре минуты. Высшее командование прошествовало в салон для игры в карты, где горел свет. Талбот сидел на табурете возле телефона; один из стульев у стола был уже занят. Увидев это, Бриссенден недовольно нахмурился. Шервуд, пригласив Кремера присоединиться, сел, вынул носовой платок и тщательно вытер лицо. Утром, когда телефонные звонки ни свет ни заря подняли его с постели, он был слишком зол и не стал задерживаться, чтобы умыться.

– Мисс Боннер, это инспектор Кремер из Нью-Йорка, – сказал он.

Дол молча кивнула.

– О, значит, это вы нашли перчатки в арбузе. – Кремер достал сигару. – Не волнуйтесь, я не собираюсь ее закуривать. Что ж, чистая работа. Насколько я понимаю, вы детектив.

– Благодарю. Я руковожу лицензированным агентством. – Дол перевела взгляд на Шервуда. – Видите ли, я здесь исключительно потому, что обнаружила тело Циммермана, когда зашла к нему в комнату, и подумала, вы захотите об этом спросить.

– Естественно. – Шервуд с минуту молча сверлил Дол глазами, после чего поинтересовался: – А зачем вы пошли к нему в комнату?

– Собиралась его кое о чем спросить. – Дол коснулась кончиком пальца родинки на щеке. – Быть может, я смогу сэкономить ваше время, избавив от необходимости задавать лишние вопросы. Я безвылазно сидела в своей комнате с десяти вечера до двух часов ночи. Никто ко мне не входил. Я не стала раздеваться, потому что думала об этом деле и мне хотелось раскрыть его раньше вас. Ваших планов на утро я не знала. Но не исключала, что вы можете кого-нибудь арестовать. И поняла: если я хочу как-то продвинуться, то нельзя терять драгоценное время. Я решила начать с Циммермана и узнать у него, зачем он в субботу утром приходил в офис к Сторрсу и что там произошло. Если бы я осталась ждать до утра, то могла лишиться шанса добраться до Циммермана. Итак, я отправилась к нему в комнату и постучала в дверь. И когда позвала его по имени, а он не откликнулся, я открыла дверь, включила свет и увидела его на кровати. Тогда я спустилась вниз и сообщила обо всем полицейскому.

– Почему вы решили, что мы собираемся арестовать Циммермана?

– Потому что он отказывался говорить.

– А с чего вы взяли, что можете раскрыть это дело раньше нас?

– Просто подумала. Полагаю, сам факт, что я нашла перчатки, вдохновил меня на подвиги.

Бриссенден презрительно фыркнул.

– У вас прямо-таки особый дар находить трупы, – сухо заметил Шервуд. – Когда вы в субботу нашли тело Сторрса, то никому не сообщили, а отправились на теннисный корт изучать человеческую природу. Может, вы и сегодня ночью попытались заняться тем же? Обнаружив труп Циммермана, вы, случайно, не отправились в свою комнату, чтобы попробовать раскрыть дело до нашего появления? Или в чью-то еще комнату?

– Нет. – Дол снова потрогала родинку. – Не понимаю вашего сарказма. Я сообщила все дежурному полицейскому буквально через две минуты после того, как обнаружила труп. Но сперва обулась в своей комнате, так как вышла в коридор в одних чулках и не хотела в таком виде спускаться вниз.

Инспектор Кремер громко хмыкнул. Шервуд вопросительно на него посмотрел, но тот лишь покачал головой:

– Да нет, ничего. Просто подумал, что мисс Боннер явно не приходится тратить на нюхательную соль.

В холле послышался какой-то шум. Дверь открылась, и в комнату вплыла миссис Сторрс. В розовом пеньюаре и шлепанцах, с волосами, собранными сзади в кичку, и остатками кое-как стертого ночного крема на бесцветном лице. В таком виде она представляла собой не слишком веселое зрелище. Приблизившись к столу, она заявила Шервуду:

– Итак, вы опять вернулись. Вам требовались новые факты, и ни один из них не мог вас устроить. И все это в моем доме. – Миссис Сторрс с присвистом вздохнула. – Я пришла сообщить вам, что вчера ввела вас в заблуждение. Я блуждала во тьме. И еще я пришла сообщить, что Белден подаст мужчинам кофе. Ну и вам, мисс Боннер, если пожелаете.

– Спасибо, миссис Сторрс. Так вы хотите сказать, что больше не верите, будто Рант убил вашего мужа?

– Я хочу сказать именно то, что и говорю. Я ввела вас в заблуждение. Полагаю, вы должны знать, что меня больше не держит та сфера, в которой находитесь вы. Мне больше нечего вам сказать. И все это... в моем доме. – Она повернулась и направилась к выходу.

Шервуд остановил ее, но ничего путного не добился. Ему удалось вытянуть из нее признание, что она покинула кабинет вместе с Рантом и поднялась к себе в комнату вскоре после одиннадцати. Впрочем, Шервуд уже успел это узнать от Хёрли, которого расспросил сразу же, как приехал. Что касается второго субъекта, попавшего в цикл разрушения, миссис Сторрс ничего не слышала, ничего не видела, ничего никому не могла сказать.

Когда дверь за ней закрылась, Кремер прикусил сигару и пробормотал, обращаясь к Бриссендену:

– Я смотрю, у вас тут крайне необычный ассортимент дамочек.

Полковник, целиком и полностью согласный с инспектором, одобрительно хмыкнул. Сержанта Талбота, успевшего к этому времени закончить с телефонными звонками, отправили за Леном Чисхолмом. Тут в комнату вошел другой полицейский, который доложил, что док Фланнер с фотографом уже наверху, а из поместья Фольца доставили де Руда. Шервуд велел Талботу сперва привести де Руда, а затем Чисхолма, после чего сообщил Дол, что непременно пошлет за ней, когда она снова понадобится.

Однако Дол даже не сдвинулась с места.

– Послушайте, мистер Шервуд, – сказала она. – Выбирайте одно из трех: или вы мне не доверяете, так как я представляю интересы другой стороны, или вы считаете меня чокнутой,

надоедливой девицей, или вы верите, что я действительно хочу распутать это дело и мне, возможно, еще раз повезет, как тогда с перчатками. Ну, что скажете?

– Ну а вы сами-то как считаете?

– Я хочу распутать это дело. И у меня нет никаких сторонних интересов, способных этому помешать. Вчера мне показалось, что такой интерес есть, но теперь я твердо знаю, что нет. У меня имеются кое-какие... соображения. Вероятно, они и дурацкие, но не исключено, что при определенных обстоятельствах помогут избежать ошибки.

– Какие такие соображения? Вам кажется, вы знаете, кто убил Циммермана?

– Не совсем так. Я не уверена. Например, мне нужно знать, зачем вы послали за де Рудом... Ой, а вот и он. Сейчас и узнаю.

Шервуд, продолжая хмуриться, пожал плечами и повернулся к вновь прибывшему, однако толком его рассмотреть не успел, так как Белден принес кофе. Дворецкий разлил по чашкам дымящийся кофе, поставил поднос с горой сэндвичей, раздал тарелки и салфетки и, поклонившись, вышел из комнаты с таким видом, будто подавал еду и напитки игрокам в бридж.

– Что ж, де Руд, вот мы до вас и добрались, – произнес Шервуд.

Де Руд стоял, устало повесив голову. Тем не менее Дол успела заметить вздувшиеся жилы на мощной шее и настороженный, недобрый блеск устремленных на окружного прокурора глаз.

– Я не совсем понимаю, что значит «вы добрались». Вы за мной сами послали, – ответил де Руд.

– И вам известно зачем. Не так ли?

– Нет, неизвестно.

– Ах неизвестно?! Давеча в отделении полиции вы заявили, что явились в Берчгейвен около десяти вечера. Повидаться с Фольцем. И ушли оттуда чуть позже десяти тридцати. Это верно?

– Да.

– И, не обнаружив Фольца в его комнате, вы отправились в комнату Циммермана, так?

– Да.

– Что вы там делали?

– Спросил Циммермана, не знает ли он, где сейчас мистер Мартин. Он ответил, что не знает. Потом мы немного поговорили, и я ушел.

– Вы, вероятно, довольно долго говорили. После чего с какого-то перепугу решили, что Фольц в тюрьме, и стали требовать с ним встречи. Полицейский утверждает, вы пробыли наверху минут двадцать-тридцать. Что делал Циммерман, когда вы уходили?

– Сидел на кровати.

– Что конкретно он делал? Как выглядел?

– Да ничего, в общем, не делал. Сидел на кровати и разговаривал. Но...

– Но – что?

– Ничего. Я только хотел сказать, он встал с постели. Потому что, выйдя из комнаты, я минутку постоял в холле, прикидывая, что мне делать, и слышал, как он запер дверь изнутри.

Бриссенден и Кремер, не сговариваясь, скептически хмыкнули. Шервуд насупился:

– Вы слышали?! Вы, наверное, что-то путаете.

– Ничего я не путаю. – Де Руд был непоколебим. – Я слышал, как он повернул ключ в двери.

– Хорошо, – вздохнул Шервуд. – В таком случае мне придется арестовать вас по обвинению в убийстве Циммермана.

Вольфрам де Руд выставил вперед подбородок:

– Он... – Де Руд осекся, впившись глазами в лицо прокурора, а затем произнес внезапно охрипшим голосом: – Его никто не убивал.

– Нет, убили. И он все еще там. В том виде, в каком вы его оставили.

– Получается, не в том виде, в котором я его оставил. Если бы я его убил, он не мог бы встать и запереть за мной дверь.

– Конечно не мог. И никто другой не мог попасть в комнату Циммермана, чтобы убить его. Однако дверь была не заперта, когда мисс Боннер заходила туда в два часа ночи. Следовательно, вы не могли слышать, как он запирает дверь. А значит, вы лжете. Вам все понятно? Де Руд, выкладывайте все начистоту! Зачем вы это сделали?

Де Руд не ответил. Жилы у него на шее еще больше вздулись, а мощные плечи слегка приподнялись, словно в груди не хватало воздуха, и опустились только через несколько долгих минут. После чего он сказал без открытого вызова, но явно не собираясь сдаваться:

– Если я, по-вашему, убил Циммермана, арестуйте меня.

– Почему вы это сделали? Потому что он знал, что вы убили Сторрса?

– Арестуйте меня.

– Зачем вы сказали, будто слышали, как он закрыл за вами дверь?

– Арестуйте меня.

Шервуд откинулся на спинку стула.

– О-хо-хо! Теперь из него словечка не вытянешь. Что ж, и такое бывает, – отчетливо пробормотал Кремер и в ответ на запальчивое предложение Бриссендена доставить де Руда в полицию добавил: – Никаких шансов. Посмотрите на него. Он изматывает все отделение.

Но пока что де Руд измотал Шервуда, категорически отказываясь говорить. Окружной прокурор засыпал его вопросами, пытался страшать, урезонивал, однако Кремер оказался прав: из де Руда действительно невозможно было вытянуть ни слова. Он или твердил: «Арестуйте меня», или упрямо молчал, даже не удосуживаясь покачать головой. Наконец прокурор сдался.

– Уведите его и приставьте к нему человека. Не разрешайте ему ни с кем общаться. И пригласите сюда Чисхолма, – сказал он полицейскому и, повернувшись к де Руду, заявил: – Де Руд, мы задерживаем вас как важного свидетеля.

Проводив де Руда взглядом, Бриссенден пророкотал:

– Если бы вы позволили мне задержать Циммермана, он был бы жив, а мы уже выбили бы из него нужные показания. Я считаю, Талбот должен отвезти эту пташку в отделение полиции и поработать с ней, чтобы запела. Требую, чтобы мои слова занесли в протокол.

– Хорошо. – Шервуд залпом выпил остывший кофе. – Мне сейчас не до протоколов. Нужно срочно остановить эти треклятые убийства. – Он налил себе горячего кофе и сделал пару глотков. – Талбот сможет отвезти его позже, если дело на то пошло. Сперва давайте посмотрим, что у нас есть. Чего у нас точно нет, так это мотива. Нет даже намек на него. С чего вдруг, ради всего святого, де Руд захотел пришить Пи Эл Сторрса?! Или Фольц? Или даже Чисхолм? Мотив есть у Ранта, но при чем здесь тогда Циммерман? И если де Руд действительно слышал, как Циммерман запирает дверь, каким образом Рант сумел проникнуть туда? Если убийца де Руд, к чему было втирать нам насчет запертой двери? Да и вообще, зачем ему убивать Циммермана и какого рожна он убил Сторрса?! А если два убийства – дело рук разных людей, тогда кто они и почему это сделали? – Шервуд сверкнул глазами на Дол. – Ну, что скажете, мисс Боннер? Есть какие-нибудь идеи? Вы хотели узнать, почему я посылал за де Рудом. Потому что он слышал, как Циммерман запер дверь. Ну и как вам все это нравится?

Однако Дол не получила возможности сказать, как ей все это нравится. В комнату вошел Лен Чисхолм.

Его внешний вид оставлял желать лучшего и отнюдь не соответствовал общепринятым понятиям об элегантности. Посмотрев на Лена, Дол подумала: «Могли хотя бы стряхнуть с него пепел от сигарет». Съехавший набок галстук, выбившаяся из брюк рубашка, и все это на

фоне отчаянной попытки сохранить гордое выражение лица, что казалось то ли комичным, то ли мужественным – выбирайте любое.

Проигнорировав сидевших за столом мужчин, Лен прищурился на Дол:

– О... вот ты, оказывается, где. Расследуешь убийство? – Лен явно хотел быть дружелюбным; не получив ответа, он нахмурился и повернулся к присутствовавшим мужчинам. – Господи помилуй! Ребята, вы что, до сих пор здесь? – Он направил указующий перст, правда слегка дрожащий, на Кремера, сидевшего на стуле, который еще двенадцать часов назад занимал Магуайр из Бриджпорта. – Вы что-то сотворили со своим носом. Это совсем другой нос. Кстати, вы слышали о Сирано де Бержераке? Итак, повторяйте за мной: «Сирано де Бержерак». – Лен внезапно повернулся к Шервуду. – Не возражаете, если я присяду?

Кремер раздраженно буркнул:

– С таким же успехом можно задавать вопросы спиритической доске Уиджи. Этот человек ломился в дверь к Циммерману?

– Да. И он тот, кто в субботу днем застал Сторрса спящим на скамейке.

– Ха! А он времени зря не теряет. – Кремер, жуя сигару, наблюдал за неуклюжими попытками Лена приземлиться на стул. – Если он разыгрывает здесь спектакль, у него отлично получается. Если дадите ему проспать, он наверняка будет утверждать, что ничего не помнит. Ну а если будете на него нажимать, он может разозлиться.

Шервуд устался на Лена:

– Послушайте, Чисхолм, вы знаете, как вас зовут?

– Конечно. – Лен снисходительно усмехнулся. – А вы?

– Насколько вы пьяны?

– Ну... – Лен наморщил лоб. – Ладно, я вам скажу. Я слишком пьян, чтобы садиться за руль. Я еще в своем уме. Но не настолько пьян, чтобы не знать, где нахожусь. Я совершенно точно знаю, где нахожусь.

– Вот и отлично. – Голос Шервуда звучал ободряюще. – Тогда вы, по-видимому, знаете, где находились до того. Например, когда пошли в комнату к Циммерману. Что вы там делали?

Лен энергично затряс головой:

– Вы, должно быть, имеете в виду мою комнату. Вы перепутали. Вы, должно быть, хотели спросить, что я делал в своей комнате.

– Нет. Я имею в виду комнату Циммермана. Ту, что находится прямо за углом от вашей, в другом холле. Более двух часов назад вы в темноте подошли к комнате Циммермана и постучались в дверь. Вспомнили? С вами еще тогда беседовал полицейский. Хотел узнать, в чем дело. Вы сказали ему, что думали, это комната мисс Боннер. А перед появлением полицейского вы нажали на ручку двери, чтобы открыть. Вот потому-то вы и должны помнить, была заперта дверь или нет.

Лен окинул Шервуда хитрым взглядом, снисходительно махнув рукой:

– Теперь я понимаю, к чему вы клоните. Вы хотите заставить меня скомпрометировать мисс Боннер. Вы заблуждаетесь. Если дверь мисс Боннер была заперта, как бы Циммерман туда попал? – Он нахмурился. – Нет, я вовсе не то собирался сказать. Я хотел сказать: как бы я туда попал? А я и не попал. Вот почему я и сказал: вы, должно быть, имели в виду мою комнату. Я попадаю в свою комнату всегда, когда пожелаю.

– Не сомневаюсь. Но та дверь, в которую вы стучали... была заперта, когда вы пытались ее открыть?

Лен покачал головой:

– Ничего не понимаю. Какой смысл пытаться открывать дверь, если она заперта? От этого нет никакого проку.

– Ладно. – Шервуд вздохнул, затем наклонился вперед и внезапно спросил: – Чем вам не угодил Циммерман? Почему вы его ненавидели?

– Кого ненавидел?
– Стива Циммермана.
– Ах его... – Лен кивнул. – Этого шибздика.
– Почему вы его ненавидели?
– Сам не знаю. Если уж я кого ненавижу, то никогда не задумываюсь почему. Черт, вы мне тоже не нравитесь!

– Это вы убили Циммермана? Задушив его шнуром?

Лен прищурился на Шервуда:

– Не Циммермана. Задушили не его, а Сторрса.

– Я вас спрашиваю. Это вы убили Циммермана?

– Нет, – раздраженно ответил Лен. – Может, вы?

Шервуд снова вздохнул и повернулся к инспектору:

– Инспектор, не хотите попытать счастья?

– Боюсь, придется его сильно обидеть, – буркнул Кремер. – Хотя чем черт не шутит.

Он обошел стол и остановился напротив Лена.

Допрос прошел с таким же успехом, что и у Шервуда. Уклончивость Чисхолма могла объясняться коварством человека, отчаянно пытающегося избежать смертельной опасности, а могла быть всего-навсего тем, чем и казалась, – замедлением мозговой активности под воздействием неумеренного потребления алкоголя. Эффект был, собственно, одним и тем же. Лен ускользал от вопросов, точно муравей, скользящий по штопору. После десяти минут бесплодных усилий Кремер уже был готов сдаться, но в этот момент вошедший в комнату полицейский доложил, что у доктора готово заключение.

Шервуд кивнул на Чисхолма:

– Отведите этого человека в его комнату и не спускайте с него глаз. Заодно проследите, чтобы поблизости не было никаких бутылок. И не выпускайте из комнаты до моего приказа. Попробуйте его накормить, если он станет есть. Передайте Талботу, пусть пришлет замену дежурному в прихожей. Уже светает. Как только я закончу с Фланнером, приведете ко мне Фольца.

– Бутылками в доме распоряжается дворецкий. – Лен встал и, не прощаясь, покорно направился к двери еще более качающейся походкой, чем ранее; при этом он решительно отверг помощь полицейского, пытавшегося его поддержать.

– Больше из него все равно ничего не выжать, – заявил Кремер. – Когда он придет в себя, то абсолютно ничего не будет помнить.

Шервуд слишком устал, чтобы злиться:

– Посадить бы его в бочку, да покатасть. Проклятье, мне нужно хоть немного поспать! Всего четыре часа сна прошлой ночью, а сегодня вообще... Привет, док. Ну что там у нас?

Отчет доктора Фланнера был коротким. По всем внешним признакам – смерть от удушения, что, скорее всего, подтвердится результатами вскрытия. Характерные симптомы. Две области сдавливания: под узлом шнура и чуть выше, возможно, вследствие предварительного сдавливания тем же самым или аналогичным шнуром. Обе области расположены намного ниже подъязычной кости. Никаких ушибов или иных признаков насильственных действий, кроме удушения. Смерть наступила от трех до пяти часов назад.

– Премного благодарен. – Окружной прокурор коротко кивнул. – Я позвоню вам до полудня. Возможно, нам придется отложить коронерское расследование убийства Сторрса. – Когда доктор ушел, Шервуд повернулся к Дол Боннер. – Я хочу вас кое о чем спросить. За те полчаса, пока вы, показав полицейскому свою страшную находку, ждали нас, вы, случайно, не заходили к Чисхолму, чтобы рассказать о случившемся? Чисхолм был в своей комнате?

– Не знаю. Я его не видела, так как сразу отправилась к мисс Раффрей сообщить ей о Циммермане, а затем оставалась с ней. Я вообще не видела Чисхолма.

– Значит, не видели. – Шервуд вопросительно поднял брови, но тут его внимание отвлек вошедший в комнату Мартин Фольц, и окружной прокурор тотчас же впери́л в него острый взгляд. – Садитесь, пожалуйста, мистер Фольц.

Мартин был вне себя от злости. Его голос дрожал от возмущения.

– Тут задержали моего человека, де Руда, и мне не разрешают с ним разговаривать! Сказали, по вашему приказанию! Вопиющая наглость!

– Не кипятитесь, – отмахнулся от него Шервуд. – Ваш человек де Руд под арестом.

– Под арестом? Но за что?

– Задержан как важный свидетель. Садитесь, Фольц. Сперва разберитесь, а уже потом кричите о вопиющей наглости.

Мартин остался стоять, его губы нервно подергивались, наконец он сказал:

– Я имею право поговорить с де Рудом. Я имею право знать, что происходит. Стив Циммерман был моим старинным другом. А меня не пускают внутрь посмотреть на него.

– А вы знаете, что с ним случилось?

– Да. – Губы Мартина снова дернулись, но он справился. – Мисс Раффрей сказала мне. Я... Они не пускают меня в комнату. Я имею право знать...

– Безусловно, имеете, – согласился Шервуд. – Я понимаю, что вы потрясены. Я тоже. Если возьмете себя в руки и присядете вот на этот стул... Благодарю. Вероятно, вы уже осведомлены не хуже нас, если мисс Раффрей рассказала вам то, что рассказала ей мисс Боннер. Циммерман был задушен шнуром от настольной лампы примерно между десятью вчера и двумя часами ночи. Убит. Мисс Раффрей вам сообщила?

– Да.

– Хорошо. Итак, я пытаюсь выяснить, чем занимались в этот промежуток времени находившиеся в доме, – но пока не слишком успешно. Мисс Боннер изложила все коротко и ясно. Но пожалуй, только она одна. Миссис Сторрс, в сущности, крайне невразумительна. Ваш человек де Руд или лжец, или убийца, или и то и другое. Чисхолм или пьян, или хитрит. Я надеюсь, вы возьмете пример с мисс Боннер. Дежурный полицейский сообщил, что вы вместе с мисс Раффрей поднялись к себе около девяти тридцати и больше не спускались. Это правда?

– Нет! – отрезал Мартин. – Я действительно поднялся на второй этаж вместе с мисс Раффрей, но потом снова спустился.

– И на черта? Когда именно?

– Должно быть, около десяти вечера. Может, чуть позже. Я немного поболтал с мисс Раффрей в дверях ее комнаты, после чего отправился к себе. Я ходил взад-вперед по комнате и курил, пытаюсь успокоить нервы. К сожалению, в отличие от большинства мужчин у меня очень слабая психика. И всегда такой была. К тому же расстроенные нервы сказались на желудке, а я не захватил с собой таблеток. Сперва я хотел спуститься и позвонить де Руду. Попросить принести мне лекарство. Но для этого пришлось бы снова проходить мимо полицейского в прихожей, чего мне не хотелось делать. Меня нервирует его присутствие там и то, с чем это связано, а нервозность плохо на меня действует. – Мартин обреченно махнул рукой. – Вам этого не понять. У вас ведь наверняка железные нервы. Я не сомкнул глаз в ночь с субботы на воскресенье и понимал, что и сегодня ночью желудок не даст мне спокойно уснуть. Поэтому я спустился по черной лестнице на кухню за пищевой содой, стаканом и ложкой. Затем открыл дверь и вышел во двор выкурить сигарету. Я больше люблю курить не в четырех стенах, а на свежем воздухе. Это меня успокаивает. Потом я вернулся к себе в комнату и, выпив соды, лег в постель. И только начал засыпать... по крайней мере, мне так показалось... как чертов полицейский стал барабанить в дверь. Требовать, чтобы я его впустил. Сказал, вы звонили ему и приказали проверить, на месте ли я. Я выпил еще немного соды, но снова уснуть так и не смог. Я не спал, когда пришла мисс Раффрей и рассказала мне то, что ей сообщила мисс

Боннер. – Мартин замолчал, достал носовой платок, вытер лоб и смял платок в руке. – Надеюсь, я изложил все коротко и ясно?

– Благодарю, – кивнул Шервуд. – А когда вы спустились на кухню, то кого-нибудь встретили?

– Там никого не было.

– А в холле или на лестнице?

– Нет.

– Ну а кроме похода на кухню, вы еще зачем-нибудь выходили из комнаты?

– Нет.

– Вы слышали какой-нибудь шум до того, как к вам в комнату постучал полицейский?

– Я слышал шаги. Вроде бы шаги миссис Сторрс. Она всегда носит туфли на высоком каблуке. Слышал, как закрылась дверь. По-моему, две двери. Все это было до того, как я лег спать. После того как меня разбудил полицейский, намного позже, я услышал стук в дверь, очень тихий, и приглушенные голоса. Потом хлопнула дверь.

– Какой-нибудь еще шум? Неужели вообще никакого?

– Нет. Ничего. Уже в середине ночи я снова услышал шаги и голоса. Наверное, мисс Боннер и полицейского. Так как вскоре после этого мисс Раффрей пришла ко мне сообщить о случившемся.

– А из комнаты Ранга вы, случайно, никаких подозрительных звуков не слышали? Она ведь рядом с вами. Между вашей комнатой и комнатой Циммермана.

– Комнаты разделены стенными шкафами, – покачал головой Мартин. – Да и Рант – человек, в общем-то, тихий.

Шервуд молча уставился на Мартина, а затем внезапно спросил:

– Интересно, а за что де Руд взъелся на Циммермана?

Мартин удивленно уставился на окружного прокурора. Тот ждал. Наконец Мартин сказал:

– Кто их разберет! Лучше спросите у де Руда. Вы говорите, что он задержан как важный свидетель. И что он либо лжец, либо убийца. А теперь вы спрашиваете меня, какого черта он взъелся на Циммермана?

– Лично я не знаю. Я вас спрашиваю.

– Хорошо. Вы спрашиваете – я отвечаю. Он не имел ничего против Циммермана. Ну а я имею право знать, на каком основании вы его задерживаете!

– Возможно, – с кислым видом согласился Шервуд. – Но в данный момент меня ваши права волнуют меньше всего. В этом доме убиты два человека. Вы знали, что де Руд приходил сюда вчера вечером, примерно в начале одиннадцатого, и, поднявшись в комнату Циммермана, провел там пятнадцать-двадцать минут?

– Нет. Кто вам это сказал?

– Он сам. Да и полицейский, дежуривший в прихожей, тоже не слепой. Де Руд утверждает, что пришел повидаться с вами, но, так и не сумев вас найти, отправился к Циммерману проверить, не там ли вы. Циммерман был на месте и разговаривал с де Рудом, а значит, де Руд был последним, кто видел Циммермана живым. Если верить де Руду, когда он уходил, Циммерман был жив.

– Какие у вас основания не верить де Руду?

– Абсолютно никаких. Но вся штука в том, что кто-то все-таки решил не оставлять Циммермана в живых. И, кроме того, есть еще один момент в показаниях де Руда, который не вписывается в общую картину. Но я, пожалуй, оставлю это на потом. И задержу де Руда. Если вас заботят его права, наймите адвоката. В данный момент меня больше волнует, что нарушены права двух других человек – права Сторрса и Циммермана на жизнь. А также право жителей штата Коннектикут знать, кто совершил преступление. Мистер Фольц, у меня осталось еще

несколько вопросов, и я собираюсь задать их вам как ближайшему и старинному другу Стива Циммермана. Вы, случайно, не знаете, не было ли у де Руда тайной обиды на Сторрса или причины его бояться?

– Нет.

– А не имелся ли у кого-нибудь из присутствующих в доме мотив для убийства Циммермана?

– Нет.

– Значит, у вас нет ни малейшего представления, почему убили Циммермана и кто это сделал?

– Нет.

Шервуд откинулся на спинку стула. Потянул себя за мочку уха, вздохнул, вопросительно посмотрел на полковника и инспектора. Бриссенден передернул плечами, Кремер покачал головой. Шервуд снова вернулся к Мартину:

– Мистер Фольц, полагаю, на сегодня это все. Ваш человек де Руд арестован, и общение с ним пока под запретом. Вы, естественно, свободны, однако я прошу не покидать пределов поместья. Если хотите найти адвоката для де Руда, в чем, на мой взгляд, нет насущной необходимости, можете воспользоваться телефоном или отправить письмо с одним из наших людей. – Прокурор обратился к полицейскому. – Пригласите мисс Сторрс.

Мартин поднялся, посмотрел на Дол, словно собираясь что-то сказать, но в результате молча повернулся к двери. Похоже, направился к Сильвии. Дол проводила его долгим взглядом, затем, нахмурившись – глубокая морщина на лбу грозила остаться там навсегда, – устроилась поудобнее и закрыла глаза. Дол пыталась набраться мужества, чтобы уличить Джанет во лжи перед всеми этими мужчинами. И пусть тогда сами выпытывают у нее правду. К сожалению, это было невозможно. Слишком большой риск. Придется выбить из Джанет правду. Любым способом...

Если остальные свидетели сумели пролить хотя бы слабый свет на произошедшее, то от Джанет Сторрс и Сильвии Раффрей не удалось добиться даже такой малости. Десяти минут на каждую из них оказалось более чем достаточно. Джанет, спокойная, полностью одетая и причесанная, с непроницаемым лицом, сообщила, что вернулась в свою комнату примерно в десять вчера и уже не покидала ее; в постель легла около полуночи и долго не могла уснуть, но не слышала ничего, достойного упоминания. Сильвия, непричесанная и неприбранная, но с упрямо выставленным вперед подбородком, при виде которого Дол почувствовала невероятное облегчение и даже вознесла хвалу Господу, абсолютно ничего не слышала, заснула, едва успев положить голову на подушку, и проснулась только тогда, когда Дол постучала в дверь. Относительно вопроса, имелся ли у де Руда мотив убить или Сторрса, или Циммермана, или обоих, Сильвия продемонстрировала полнейшую неосведомленность, подкрепленную явным недоверием.

В ожидании Ранта Шервуд подошел к окну и от души потянулся. Тьма за окном сменилась белесой, грязно-голубой дымкой. Бриссенден сменил позу, послав в адрес Дол злобный взгляд – наверное, уже тридцатый по счету. Кремер положил безжалостно изжеванную сигару в пепельницу и достал новую.

Вошедший в комнату Джордж Лео Рант приблизился к столу и сел нога на ногу с терпеливым и одновременно почтительным видом. Шервуд оторвался от окна и остановился перед Рантом, сунув руки в карманы и хмуро сгорбившись:

– Ну-с, мистер Рант, надеюсь, вы понимаете, зачем мы здесь собрались.

– Миссис Сторрс мне сообщила, – кивнул Рант. – Прискорбно. Жестокость – неотъемлемая составляющая всех естественных процессов, однако жестокость, проявившаяся в убийстве, свидетельствует о недостаточном духовном развитии человека. Я скорблю по поводу очередной демонстрации жестокости, хотя лично мне это и дает определенные преимущества. У

вас имелись некоторые основания считать меня причастным к смерти мистера Сторрса, но определенно не мистера Циммермана, поскольку я едва знал его.

– Угу. Спасибо, что помогли обратить внимание на данный факт. Но, естественно, кроме всех имеющихся версий, следует рассмотреть еще одну. Если вы убили и Циммерман об этом узнал, вы могли устранить его в целях собственной безопасности. Такое случается.

Рант тонко улыбнулся:

– И тем не менее второе убийство осложняет вам жизнь. В высшей степени осложняет, даже если вы снимете с меня все обвинения. Хотя, с другой стороны, второе убийство может ее облегчить, позволив посмотреть на дело свежим взглядом. Полагаю, что так.

– Что вы имеете в виду? – пролаял Бриссенден. – Что вы об этом знаете?

– Ничего. Я ничего не знаю. И все же, с вашего позволения, есть одна вещь, которую я действительно знаю. Разрешите поинтересоваться: это правда, что Циммермана задушили прямо в постели электрическим шнуром? – (Шервуд неохотно буркнул «да».) – Шнур накинули на шею Циммермана, несмотря на его сопротивление? И задушили, несмотря на сопротивление? Или его сперва оглушили либо одурманили наркотиком?

– Я не знаю. Полагаю, он сопротивлялся. Судя по перевернутой вверх дном постели.

– В таком случае... если он сопротивлялся... я действительно знаю одну вещь, которая вам поможет. Если время играет важную роль. Я знаю, что его убили до двадцати трех часов двадцати пяти минут. Именно в это время я вошел в свою комнату, соседнюю с его. Между комнатами стенные шкафы, но у меня очень чуткий слух, к тому же я еще не спал. Лежал в постели и расслаблялся. И наверняка уловил бы звуки борьбы на кровати. Все другие звуки я слышал вполне отчетливо: например, стук в дверь посреди ночи неподалеку от моей комнаты, приглушенный разговор двоих мужчин, звук удаляющихся шагов и громкое хлопанье двери. Я также, как вам наверняка известно, слышал голоса мисс Боннер и полицейского; их взволнованный тон и вынудил меня выйти в холл узнать, в чем дело. Полицейский не разрешил мне войти в комнату Циммермана. Мисс Боннер спустилась позвать на подмогу полицейского, патрулировавшего сад. Моя помощь не требовалась... да и, похоже, была нежелательна. Я вернулся к себе и оделся.

Шервуд сел. Он смотрел на Ранта без видимого удовлетворения и благодарности. И в конце концов пробурчал:

– Значит, по-вашему, все было именно так. Разрази меня гром! В таком случае получается, у вас здесь интернат для глухонемых. Парня душат в постели в доме, полном народу, и никто ничего не слышал, никто ничего не видел, никому ничего не померещилось. Вы считаете, если вы ничего не слышали после двадцати трех часов двадцати пяти минут, это доказывает, что Циммермана убили до этого времени. Отнюдь. Это всего лишь доказывает, что его убили после двадцати трех двадцати пяти и убили его вы. Я вас не обвиняю. Откровенно говоря, у меня нет оснований для подобного обвинения. Но хотелось бы задать вам вопрос. Вы можете добавить хоть что-то действительно полезное для нас? Относительно событий в доме или что-то такое, что вы знали или о чем подозревали?

Рант медленно покачал головой:

– Абсолютно ничего.

– Ладно. Тогда все. Пожалуйста, не покидайте пределы поместья.

Когда Рант вышел, в комнате повисло тягостное молчание. Дол снова закрыла глаза. Шервуд сидел, свесив голову на грудь; Кремер жевал сигару, уставившись в стену.

Бриссенден вскочил с места:

– Пожалуй, пойду скажу Талботу, чтобы отвез де Руда в участок. – Он облизал губы.

Прокурор устало кивнул:

– Валяйте. Но лично я ничего не санкционирую, кроме допроса подозреваемого. Так и передайте вашим людям.

– Кто бы сомневался. – Полковник презрительно фыркнул и вышел из комнаты.

Инспектор встал с места, налил себе полчашки холодного кофе, залпом выпил, закашлялся, снова вставил в рот сигару, потом обогнул стол и остановился перед Шервудом. Дол, слегка приподняв веки, лениво наблюдала за Кремером из-под черных ресниц, затем опять закрыла глаза.

– Итак, – начал Кремер, – перед вами встает та же проблема, что и в деле Сторрса. Мотив. Здесь нужно копать и копать. Я не понимаю, чем могу вам помочь. Сомневаюсь, что вам удастся вытянуть хотя бы слово из этого де Руда. Если, конечно, есть что вытягивать. Думаю, вы уже сообразили, что, возможно, он не лжец и не убийца. Не исключено, что его визит к Циммерману проходил именно так, как он и описывал. Де Руд мог действительно слышать, как Циммерман запирает дверь, учитывая, что кто-то другой все это время прятался в его комнате. А когда Циммерман лег спать, убийца вылез из укрытия, сделал свое грязное дело, отпер дверь и отправился к себе отдыхать, рассчитывая, что до утра у него еще куча времени. Должно быть, он жутко разозлился, что его потревожили ни свет ни заря. Если все было именно так, то подозрение падает на Фольца или Чисхолма, но только не на Ранта. Если это был Рант, тогда или де Руд лжет, или ему примстилось, что дверь заперли, или Циммерман сам отпер ее уже позже: возможно, пошел в ванную и, вернувшись, забыл закрыть дверь. Но если это дело рук де Руда, вам непременно нужно выяснить мотив.

– Угу. – Шервуд не скрывал печального сарказма. – Большое спасибо.

– Не стоит благодарности. Кстати, мы можем попробовать провести один маленький эксперимент. Даже если ничего не выйдет, хотя бы удовлетворим свое любопытство. Рант заявил, что, если бы после двадцати трех двадцати пяти на кровати была возня, он непременно услышал бы. И тут возникает вопрос: мог ли он действительно слышать шум? Верится с трудом. И вряд ли в комнатах мисс Боннер или мистера Фольца было хоть что-то слышно. Как насчет того, чтобы загнать всех наверх и провести парочку экспериментов?

Шервуд нехотя поднялся. Дол открыла глаза.

В то чудесное сентябрьское утро понедельника радостные лучи рассветного солнца, пробежавшиеся по окнам второго этажа дома, непременно посмеялись бы, будь у них чувство юмора, над разыгранным здесь нелепым действием, значимость которого была им неведома. Трое взрослых мужчин и одна женщина стояли неподвижно, напряженно прислушиваясь: сперва – в комнате Ранта, затем – у Фольца и наконец в спальне Дол Боннер, в то время как в комнате Циммермана, тело которого уже успели доставить прямо на прозекторский стол, здоровенный полицейский катался по кровати и подпрыгивал вверх-вниз, вверх-вниз, словно расшалившийся мальчишка, а трое его сослуживцев хмуρο наблюдали за происходящим.

Глава 16

Шесть часов спустя, в одиннадцать, Дол Боннер сидела на диванчике у окна своей спальни с чашкой горячего чая в руках и смотрела на залитую солнцем лужайку.

Дол пришла к выводу, что у нее нет безопасного окольного пути; ни единого луча света в конце туннеля. Придется или перепрыгнуть через пропасть, или сдаться. Был один шанс, но, когда около десяти утра двое полицейских привезли де Руда назад в Берчхейвен, освободив из-под стражи, шанс этот улетучился прямо на глазах. Не успев выйти из автомобиля, де Руд тотчас же потребовал встречи с Мартином. Де Руда, похоже, не слишком задела ночные треволения, и он отнюдь не выглядел сломленным.

Шервуд, отбывший на рассвете, снова вернулся, как и Бриссенден. Сейчас они общались в игральном салоне с Леном Чисхолмом, известившим полицейского за дверью спальни о своем пробуждении скорбной чередой заунывных стонов. Инспектор Кремер уехал.

Дол так и не ложилась спать. Голова была как в тумане, и залитая солнцем лужайка казалась пейзажем из кошмарного сна: с виду веселая и яркая, она таила в себе нечто неуловимо зловещее и пугающее. Да и в мозгах была полная каша. Дол все понимала, но ничего не могла с этим поделать. Она не могла просто лечь и уснуть. Сперва нужно было перепрыгнуть через пропасть. Дол отчетливо осознавала, что нужно, все эти мучительные часы, когда пыталась уклониться, отпрянув от края. Это началось после того, как она услышала рассказ де Руда в салоне для игры в карты. Он подтвердил то, что прежде было лишь невероятной гипотезой. Поэтому не было ничего удивительного, что Дол не удалось сомкнуть глаз. И среди прочего больше всего ее мучило осознание несомненного факта, что, если бы она пошла к Циммерману с имеющейся у нее информацией в десять вечера, а не стала бы тянуть до двух часов ночи, он остался бы жив и все было бы уже позади.

А теперь не к кому было идти, ведь Циммермана убили, отчего положение становилось еще более отчаянным.

Дол рассмотрела возможность предоставить имеющиеся у нее факты и догадки Шервуду, и пусть сам разбирается. Однако, судя по его методам, он вряд ли справится со столь деликатным делом, к тому же безотлагательным. Она подумала о том, чтобы атаковать де Руда, вооружившись любыми имеющимися под рукой средствами, и тут же отбросила мысль как абсолютно безнадежную. Дол снова вернулась к идее разоблачить Джанет, но поняла, что нет смысла и пытаться. Один неверный шаг – и все пропало. Ведь когда она, Дол, предъявит то, что ей известно, противник, движимый отчаянием, пустит в ход все имеющиеся уловки, чтобы укрепить линию обороны, если не взорвать ее заранее.

Наконец Дол решилась. В голове по-прежнему стоял туман, тем не менее девушка была непоколебима. Она совершит прыжок. Другого выхода просто-напросто не имелось.

Дол допила чай, подошла к зеркалу, взгляделась в свое отражение и пробормотала:

– Выглядишь как дерьмо на берегу после отлива. Да и чувствуешь себя примерно так же.

Она причесалась, припудрила лицо, немного покусала губы, оказавшись от помады, направилась к стоявшему на столе кожаному чемоданчику, открыла его, отстегнула от крышки пистолет «холком» и, проверив, заряжен ли он, положила в сумочку. С сумочкой под мышкой она вышла из комнаты, спустилась по лестнице и сказала полицейскому в холле, что хотела бы поговорить с Шервудом. Полицейский скрылся в салоне для игры в карты и, вернувшись через секунду, сообщил, что можно войти.

Проигнорировав Лена Чисхолма, сидевшего уныло подперев голову рукой, а также Бриссендена, еще более свирепого, чем всегда, Дол обратилась к прокурору:

– Я хочу немного прогуляться с Мартином Фольцем. Говорю это на случай, если ваши люди получили указание не выпускать никого из виду, что меня сейчас не устраивает. Я должна пообщаться с ним тет-а-тет. Я потом расскажу вам, если моя задумка удастся.

– А что за задумка такая? – Шервуд смотрел на Дол без особого энтузиазма. – Советую рассказать обо всем прямо сейчас.

– Нет, прямо сейчас не могу. Может, не о чем будет рассказывать. Мы с ним никуда не сбежим. Останемся в Берчхейвене. Можете мне поверить. И я точно не задую его.

Окружной прокурор оценивающе посмотрел на Дол и в конце концов пожал плечами:

– Дерзайте. Но только не покидайте пределы поместья.

– Сообщите об этом вашим людям, пожалуйста.

Шервуд повернулся к сержанту:

– Квилл, ты слышал? Передай ребятам, что Фольц и мисс Боннер собираются прогуляться и не хотят, чтобы им мешали.

Сержант вышел, Дол – следом за ним.

Расспросив полицейского, дежурившего в холле, Дол отправилась в оранжерею, где и нашла Мартина с Сильвией. Мартин лежал на диване в нише, Сильвия, склонившись над ним,

гладила его по лбу, нежно касаясь кончиками пальцев. Увидев Дол, она тотчас же остановилась, посмотрев на подругу безрадостными, усталыми глазами. Мартин перевернулся и сел.

– Новости есть?

– Нет, Раффрей. – Дол была немногословна. – Хорошо, когда у мужчины есть ангел-хранитель. Впрочем, я собираюсь украсть у тебя Мартина. Мне в голову пришла одна мысль, которую я хочу с ним обсудить.

– Я ничего с ним не обсуждаю. Он отказывается что-либо обсуждать.

– Мне он наверняка не откажет. Правда, Мартин?

– Конечно, – неохотно согласился Мартин. – Выкладывай.

– Не здесь, – покачала головой Дол. – Все, я тебя увожу. Хочу побеседовать тет-а-тет.

Пошли.

Сильвия вскочила с дивана, поджав губы:

– Я подозревала... что-то случилось. Когда у тебя такой вид, это не к добру. Дол, я больше не могу! Не понимаю, как остальные выдерживают! А ты вся такая из себя чертовски таинственная...

– Я отнюдь не таинственная. А всего-навсего хочу немного пройтись с Мартином. Нужно кое о чем с ним посоветоваться. Да и твое постоянное сюсюканье совсем не полезно для его нервов. Кстати, тебе тоже не помешало бы хоть чем-то заняться. Чем угодно. Ступай на кухню и испеки пирог. Пошли, Мартин.

В конце концов Дол удалось увести Мартина. Сильвии оставалось лишь удивленно смотреть им вслед. Вместо того чтобы сразу выйти в сад, Дол повела Мартина через боковой холл, а оттуда – на восточную террасу, щедро залитую солнцем, причем как и расстилавшийся перед ними широкий склон.

– Давай прогуляемся здесь. – Дол пошла не по дорожке, а прямо по траве.

Шедший рядом Мартин ворчливо заметил:

– Мне не хочется уходить далеко от дома. Здесь тут же появится один из этих треклятых копов.

Дол в ответ лишь что-то невнятно буркнула. Но, сделав шагов пятьдесят, не больше, Мартин, резко остановившись, спросил:

– Куда это ты направляешься? Я вовсе не хочу туда идти.

Дол повернулась к нему лицом:

– Это самое тихое место. Лужайка возле пруда. Копы за нами не пойдут. Считается, что я им помогаю. А мне не хотелось бы, чтобы нас подслушивали.

Мартин упрямо покачал головой:

– Здесь тебя тоже никто не услышит. Что ты собираешься обсудить?

– Да брось, Мартин! – стояла на своем Дол. – Ты всегда такой галантный. Я хочу поговорить с тобой на лужайке. Не сочти это капризом. Если бы я захотела, тебя отконвоировал бы туда наряд полиции. Я пользуюсь у них авторитетом с тех пор, как нашла перчатки. Но я хочу, чтобы мы остались вдвоем.

Дол думала, что говорит с улыбкой, она была в этом почти уверена, но сердце тем не менее предательски колотилось. Нельзя выдать себя раньше времени. Нужно сделать все правильно, а иначе ничего не получится. Дол отлично знала, что Мартин может в любой момент развернуться и пойти к дому. Но если ее улыбка казалась именно такой, как ей хотелось изобразить, быть может, Мартин и не уйдет... Дол решительно повернулась и направилась вниз по склону.

Мартин продолжал идти рядом. Дол отчаянно хотелось, чтобы сердце перестало так громко стучать; хладнокровие ей сейчас явно не помешало бы. Они прошли мимо пруда, обогнули его... и попали в заросли кизильника. Наклонились, чтобы пройти под низкорастущим ветвями... и очутились на той самой лужайке.

– Ты ведь здесь не был с тех пор, как это случилось, да? – спросила Дол и, показав на кизиловое дерево, добавила: – Вот дерево, на которое была намотана проволока. На эту самую ветку. А вот скамейка, которую перевернули. Копы поставили ее на место. Ой, а это что такое?! Наверное, они вбили эти колышки показать, как лежала скамейка. – Дол села на скамью и вздрогнула. – Здесь не так уж и холодно. Это просто так кажется, когда уходишь с солнышка и попадаешь в такую жуткую темень. Садись, Мартин. Не стой с таким видом, будто вот-вот дашь деру. Мне действительно нужно тебе кое-что сказать.

Мартин неохотно сел на другой край скамьи, подальше от Дол, и капризно сказал тем тоном, который Сильвия обычно называла фальшивым:

– Ну ладно, говори.

Дол на него не смотрела. Интуиция подсказывала ей, что сейчас этого лучше не делать. Вперив взгляд в траву у него под ногами, она произнесла как можно более небрежно:

– Я хотела поговорить с тобой о признании. Люди по-разному признаются в некоторых вещах. Совершенно различных вещах. Они каются в грехах священнику и в нанесенных обидах – серьезных и не очень – женам, мужьям, матерям и друзьям, ну и, конечно, признаются в совершенных ошибках или потому, что им приходится, или по велению совести. Похоже, это инстинкт такой, причем иногда настолько сильный, что становится непреодолимым. Согласен?

Дол посмотрела на Мартина – тот явно не собирался отвечать. Он, казалось, оцепенел и, затаив дыхание, не сводил с нее глаз. Тогда она продолжила:

– Инстинкт это или нет, но я сомневаюсь, что кто-то захочет признаться в чем-то серьезном без веской причины. Священнику исповедуются, чтобы получить отпущение грехов. Полицейским признаются, чтобы они перестали бить. И так далее и тому подобное. Хотя, полагаю, самая распространенная причина признания в содеянном – желание скинуть невыносимую тяжесть вины, которая терзает душу. Возможно, мое объяснение выглядит слишком примитивным. Был бы жив Стив Циммерман, он обосновал бы мою теорию с помощью психологических терминов, но я этого не умею. Но в любом случае именно это я и хотела с тобой обсудить: различную мотивацию признания. Я, естественно, не настолько глупа, чтобы рассчитывать, что ты сломаешься и признаешься мне после нашей беседы. Вот потому-то я и говорю, что должна быть веская причина.

Мартин шумно задыхался, и Дол увидела, что он пытается улыбнуться.

– Скорее, я за, чем против. Итак, ты признаешься мне, а я признаюсь тебе. Спорим, у тебя на это уйдет куда больше времени, чем у меня. – Внезапно его голос снова стал капризным. – Какого черта нужно было тащить меня сюда, чтобы говорить о признаниях?! Я ведь не священник.

– Я привела тебя сюда, чтобы объяснить, почему ты должен признаться. – Дол выдержала взгляд Мартина, ее пальцы еще крепче вцепились в зажатую под мышкой сумочку. – У тебя нет другого выхода. Тут много различных причин, но основная – то, что тебе крупно не повезло. Именно это тебя и выдало. Конечно, я имею в виду Джанет, которая нашла перчатки.

– Что за ерунду ты несешь, черт побери?! – Мартин явно хотел изобразить благородное негодование, но получилось не слишком убедительно, как-то неестественно, но надеть на лицо маску негодования Мартину вполне удалось. – И по-твоему, это смешно? Джанет не находила перчатки. Их нашла ты.

Дол покачала головой:

– Перчатки нашла Джанет. Разве тебя не удивляло, с какого перепугу кому-то понадобилось запахнуть перчатки в арбуз? Конечно удивляло. Но ты наверняка знал, что это Джанет. Никто другой не стал бы этого делать. – Дол положила сумочку на колени, открыла ее, сунула туда руку, словно собираясь что-то достать, и застыла в таком положении. Она проделала все эти манипуляции, по-прежнему не сводя с Мартина глаз. – А теперь я объясню, что тебя выдало. Обнаружив арбуз, я сняла с него отпечатки пальцев. Они совпали с отпечатками

Джанет. Значит, это она спрятала перчатки. Тогда я отправилась к Джанет, и она объяснила, что увидела перчатки под сфагнумом в розарии, узнала в них твои и унесла к себе в комнату. И когда после убийства ее отца у всех присутствовавших проверили руки и речь зашла о перчатках, Джанет осмотрела перчатки и обнаружила на них следы от проволоки. Она не считала тебя убийцей и не хотела, чтобы из-за перчаток на тебя пало подозрение. Примерно так она мне все объяснила. А кроме того, ей было бы неловко говорить, почему она спрятала перчатки у себя в комнате. – Дол незаметно сжала рукоять лежавшего в сумочке пистолета. – Однако вчера днем выяснилось, что перчатки были куплены в субботу. Джанет могла их видеть лишь в субботу днем в кармане твоей куртки на стуле в прихожей. Впрочем, даже и это совершенно невозможно, потому что Джанет находилась в розарии и не встречалась ни с тобой, ни с кем-либо другим. Ее утверждение, что она узнала твои перчатки, – откровенная ложь. А вот все ее действия – то, что она унесла перчатки к себе в комнату, а позже спрятала в арбузе, – можно объяснить только тем, что она точно знала, кто хозяин перчаток. Никого другого, кроме тебя, она не стала бы выгораживать. Но как она могла узнать, что перчатки твои? Есть только одно объяснение. Она, должно быть, видела, как ты прятал их в розарии. Когда ты их прятал, ты ведь и не подозревал, что Джанет в орешнике, да? Она там была. Хотела посмотреть на птичку. Джанет увидела, как ты роешься под розовым кустом, а когда ты ушел, решила проверить, что там такое.

Дол внезапно вытащила из сумочки руку с пистолетом и заявила прямо в лицо Мартину:

– Мартин, послушай меня. Если нужно будет, я могу и выстрелить из этой штуки. Я тренировалась. И не надейся, что не смогу. А пистолет я показываю затем, чтобы у тебя не возникло желания поступить со мной так, как ты поступил со Сторрсом и Циммерманом. Я не стану тебя убивать без крайней необходимости, но дырку в тебе сделаю обязательно, а ты, как мне известно, совершенно не переношишь боли. Поэтому предупреждаю: никаких резких движений!

Мартин перевел глаза с пистолета на лицо Дол. Она привыкла видеть эти глаза обиженными, жалобными, насмешливыми, но никогда такими жуткими: они стали похожи на круглые твердые окатыши, состоящие из страха и ненависти. И Дол, потрясенная этой жуткой метаморфозой, невольно содрогнулась. А когда Марин заговорил, его голос тоже стал совершенно чужим:

– А ну-ка, убери эту штуку! Убери эту штуку, тебе говорят!

– Не двигайся! – Дол положила руку с пистолетом на скамью. – Похоже, ты хочешь вскочить и убежать. Не советую этого делать. Или я буду стрелять. – Дол, сделав над собой усилие, продолжала смотреть в его жуткие глаза. – А теперь позволь мне рассказать до конца о Джанет и перчатках. Я не знаю, подозревал ты, что перчатки унесли из розария, или нет. Возможно, ты старался держаться подальше от сада, чтобы сказать, если перчатки все-таки обнаружат, что они исчезли из кармана куртки. Что было куда надежнее, чем попытаться унести их из розария и уничтожить. Ты, должно быть, здорово удивился, узнав, что перчатки нашли в арбузе. Я смотрела на тебя, когда ты услышал эту новость. Твоей выдержке можно позавидовать! Поэтому сейчас я не стану рисковать и нажму на спусковой крючок, если только попробуешь дернуться. Что касается Джанет, то, увидев, как ты прячешь перчатки еще в субботу вечером, она сразу поняла, что это ты убил ее отца. Не стану утверждать, будто понимаю ее. Хотя любовь зла, а Джанет от тебя без ума. Бог его знает, зачем она так поступила. Возможно, она не верит в возмездие, а возможно, пожертвовала дочерней любовью во имя другой любви. Или может, она рассчитывала впечатлить тебя своим рассказом о том, что совершила ради твоего спасения. Впрочем, не имеет значения.

Итак, еще вчера днем я поняла, что ты убил Сторрса. Но, даже поняв, кто убийца, я не могла в это поверить, потому что не находила мотива для убийства. Знала, что какой-то мотив должен быть, но не видела ни одного сколько-нибудь правдоподобного. Хотя все остальное схо-

дилось: у тебя были перчатки и была возможность, так как никто, кроме преданного тебе душой и телом де Руда, точно не знал, в котором часу в субботу днем ты появился в Берчхейвене. Однако мотива по-прежнему не было, даже намек на мотив. Первую подсказку я получила вчера днем, когда Сильвия сообщила, что Циммерман сделал ей предложение. Меня поразили две вещи: во-первых, что он захотел жениться на Сильвии, а во-вторых, что он не хотел, чтобы она выходила за тебя. Но почему? Допустим, он уже давно тайно влюблен в Сильвию и молчал, чтобы не потерять друга. Тогда почему он так резко передумал, решив во что бы то ни стало расстроить вашу помолвку? Потому что, возможно, знал, что именно ты убил Сторрса? Не исключено. Но как он мог узнать и, самое главное, почему ты это сделал? Но затем я подумала: тот факт, что Стив сделал Сильвии предложение именно вчера днем, отнюдь не доказывает его страстного желания помешать тебе жениться на Сильвии. Быть может, он принял такое решение месяц, или неделю, или день назад и только ждал подходящего случая. Или, возможно, приняв решение, он сделал еще один шаг: решил обсудить сложившиеся обстоятельства с опекуном Сильвии. И действительно, в субботу утром Циммерман отправился в офис к Сторрсу, чтобы поговорить на весьма необычную тему, судя по тому, что Стив сказал Сильвии, столкнувшись с ней в коридоре, и по его явному нежеланию объяснять причину столь неожиданного визита. Теперь понимаешь, как я пришла к подобному выводу? Теперь понимаешь, почему меня натолкнуло на эту мысль предложение руки и сердца, которое Стив сделал Сильвии?

Нет ответа. Дол избавилась от необходимости выносить ужасный взгляд жутких глаз Мартина, потому что она их уже не видела. Мартин сидел, наклонив голову, вцепившись руками в край скамьи и монотонно раскачиваясь туда-сюда, словно метроном. Тем не менее Дол пристально следила за каждым его движением.

– Прошлым вечером я попыталась сложить кусочки головоломки и попробовала следующую версию. Циммерман решил, что ты не должен жениться на Сильвии. Он отправился к Сторрсу и так ему и заявил, объяснив почему. Похоже, Стиву удалось убедить Сторрса, поскольку тот сказал Сильвии, что готов убить кого-то голыми руками, хотя и не уточнил, кого именно, решив отложить тяжелый разговор на вечер в Берчхейвене. А когда ты пришел ко мне в агентство и узнал, что Сильвия столкнулась у кабинета Сторрса с Циммерманом, который вел себя крайне странно, ты понял, что Стив все рассказал Сторрсу – уж не знаю, что конкретно. Затем в три часа дня ты в компании Сильвии и Лена приехал к себе в поместье. Там тебя уже ждал Циммерман. Вы с ним удалились в твою комнату, и он подтвердил твои опасения. Он действительно все рассказал Сторрсу. Ты понял, что потерял Сильвию и вдобавок ее состояние. Я иногда задавала себе вопрос, что ты любишь больше: Сильвию или ее деньги? Думаю, ты сам не знаешь. Итак, единственным выходом было убить Сторрса. Что ты и сделал. Ты не сомневался, что Циммерман, узнав об убийстве, догадается, кто виноват. Однако ты свято верил, что твой старинный друг не станет тебя разоблачать. Не захочет, чтобы тебя приговорили за убийство. Не удивлюсь, если Циммерман в тот вечер обещал молчать, потребовав взамен отказаться от Сильвии. Это было бы логичным. Согласен? Интересно, ты отказался? Я не знаю. Так или иначе, вчера днем Циммерман попросил Сильвию выйти за него замуж, и той же ночью ты его убил.

Итак, вчера я собрала воедино все кусочки головоломки и наконец в два часа ночи решила пойти к Циммерману и, предъявив ему факты, добиться правды. Я надеялась припереть его к стенке. Но, когда я вошла в его комнату, он был уже мертв. Все, естественно, вписывалось в общую картину. Я оказалась права. Однако моя готовность действовать созрела слишком поздно, чтобы спасти Циммермана. А кроме того, существовала еще слабая возможность, что убийство совершил страстно преданный тебе де Руд. Однако я отбросила эту версию, услышав сегодня утром его показания Шервуду, из которых стало понятно, что он не знал об убийстве Циммермана, причем не потому, что он так утверждал, а потому, что он сказал, будто слышал, как Циммерман запер изнутри дверь. Если бы он убил Циммермана, то навер-

няка знал бы, что дверь была незапертой, да и вообще ему не имело никакого смысла кормить нас сказками. А значит, де Руд сказал правду. Он действительно слышал, как Циммерман запер дверь. В таком случае ты наверняка прятался в комнате Стива, когда туда приходил де Руд. Ты слышал их разговор и понял, что де Руд был в твоей комнате, но тебя там не нашел. И чтобы объяснить свое отсутствие, состряпал историю о походе на кухню за содой. Возможно, ты действительно ходил на кухню, но только в другое время. Ведь тогда ты прятался в комнате Циммермана. Ждал, когда он уснет, чтобы накинуть ему на шею шнур от лампы. Полагаю, ты рассчитывал, убив Циммермана, решить все свои проблемы. Не так ли? Ты рассчитывал, что, если он обретет вечный покой, никто не обнаружит мотив для убийства Сторрса. А нет мотива, нет и подозрений, не говоря уже о доказательствах. Все верно? Ты ведь думал именно так?

Фольц перестал раскачиваться, хотя по-прежнему сидел с опущенной головой, не глядя на Дол. Тем не менее он явно не сник от отчаяния. Судя по тому, как вздымалась его грудь, он к чему-то готовился, к чему-то такому, что требовало воздуха – воздуха и все больше кислорода для бурлящей крови. Нет, он, конечно, не сник, но при этом не пошевелился и ни слова не произнес.

Дол слегка пододвинулась. Незаметно для Фольца она схватилась левой рукой, скрытой складками юбки, за край скамейки, причем так крепко, что ногти впились в дерево, после чего отрывисто и резко заявила:

– Мартин, не надейся, что сможешь отмолчаться! Прежде чем мы уйдем, тебе придется кое-что мне рассказать. А точнее, что такого страшного Циммерман рассказал о тебе Сторрсу в субботу утром. Мне необходимо знать. Именно это я и имела в виду, когда говорила о признании. Но тебе не нужно признаваться в других грехах, они мне уже известны. Так что это было? – (Никакой реакции.) – Да брось! Я все равно узнаю. – (Тишина.) – Тогда посмотри сюда. Впрочем, не хочешь, не смотри. У меня ствол, в нем шесть патронов. Мне тебя нисколько не жаль – и не потому, что ты убийца, а исключительно из-за Сильвии. Мне нет нужды это объяснять. Ты отлично знаешь, как я отношусь к Сильвии. Вот потому-то у меня нет к тебе ни капли жалости. Когда я тебя сюда привела, то была морально готова пойти даже на крайние меры. И можешь не сомневаться, моя рука не дрогнет. Ты в любом случае расскажешь мне, что Циммерман сообщил Сторрсу. В противном случае я в тебя выстрелю. Я хороший стрелок. И не стану тебя убивать. Но легко продырявлю тебе голень или лодыжку, не сходя с этого места. Естественно, сразу сбегутся люди. Я сообщу Шервуду все, что знаю. Скажу, ты напал на меня и мне пришлось стрелять для самозащиты. Тогда они займутся тобой. Шервуд, Бриссенден и остальные. Уж они-то наверняка выбьют из тебя правду...

Мартин наконец пошевелился, конвульсивно отпрянув от Дол. Но он смотрел не на нее, а на направленный на него ствол, затем поднял глаза на Дол:

– Будь ты проклята! – Это была ярость, вызванная постоянным страхом, бессильным отчаянием, глубоко проникшим в плоть и кровь. – Ты не посмеешь!

– Еще как посмею! Так что сиди смиренно и не рыпайся. – Теперь Дол не сомневалась, хотя до этого момента и колебалась, что сможет выстрелить. Она была холодна как лед и непоколебима. – Я знаю, ты не переносишь физической боли. А я собираюсь тебе ее причинить. Если пуля заденет кость, будет ужасно больно. Я всего в шести футах от тебя. Итак, считаю до двадцати. Предупреждаю: дернешься – и я стреляю. – Дол подняла пистолет. – Раз... два... три... четыре...

На счете «двенадцать» Мартин в ужасе закричал:

– Остановись! Не надо!

– Тогда говори! Живо!

– Но позволь мне... Боже правый, позволь мне...

– Говори!

– Я... Я... Опустит пистолет!

Дол положила руку с пистолетом на скамью:

– Говори!

– Я... – (Дол было труднее встретить его взгляд, нежели нажать на курок, тем не менее она не отвела глаз.) – Много лет назад... была убита девочка. С ней ничего такого не сделали... только... только убили. – Мартин перевел дух. – Стив знал об этом. Меня никто не заподозрил. С какой стати? Я тогда был маленьким мальчиком. Девочку задушили проволокой. Стив знал, что я убивал мелких животных... Я ничего не мог с собой поделывать, это было сильнее меня, поверь! Я должен был видеть, как они... – Мартин содрогнулся и замолчал.

Дол безжалостно потребовала:

– Продолжай! Не о том, что было когда-то. О том, что произошло здесь.

– Не о чем рассказывать... разве что о Стиве. Когда были задушены фазаны, он догадался, что это моих рук дело. Он обсудил со мной ситуацию. Мы с ним часто обсуждали... психологические проблемы. А потом он познакомился с Сильвией. Я ничего не замечал... сперва... Но примерно месяц назад он велел мне оставить Сильвию. Уйти прочь. Я отказался. Боже правый, Дол, разве я мог оставить Сильвию?! Разве я мог...

– Я не знаю. Кончай с лирикой. Продолжай.

– Это все. Я отказался. И продолжал отказываться. Тогда он пригрозил сообщить обо всем Сторрсу. Я не верил, что Стив на такое способен. Не знал, что он сам хотел заполучить Сильвию. Каково?! Стив! Мой самый любимый и близкий друг, который у меня когда-либо был, если не считать де Руда. Но я... я... видишь ли...

Запинающаяся речь Мартина насторожила Дол, а еще то, что его глаза, на секунду оторвавшись от ее лица, устремились на что-то у нее за спиной, а затем снова вернулись к ней, но теперь это были совсем другие глаза. К чести Дол, она даже не повернула головы. А соскочила со скамьи и прыгнула вперед, к кизилевому дереву, крутанулась и прижалась спиной к стволу. Теперь она видела их обоих: Мартина, который сидел на скамье, дрожа как осинный лист, и де Руда, появившегося из зарослей кизила позади Дол и остановившегося в десяти футах от Мартина.

Мартин истерически молил:

– Де Руд, хватай ее! Она не станет стрелять! Хватай ее!

Дол подняла пистолет:

– Не приближайтесь ко мне!

Человек с телом обезьяны и интеллигентным лицом не обратил на это ни малейшего внимания. Он медленно и неотвратимо надвигался на Дол, не сводя с нее глаз. Он шел и успокаивающе приговаривал, явно обращаясь не к ней:

– Все в порядке, малыш, не двигайся. Все в порядке, малыш, не волнуйся. Она не выстрелит в меня... малыш...

– Стой! Я сказала: стой!

– Все в порядке, не двигайся, малыш...

Дол нажала на спусковой крючок – дважды. Де Руд упал. Она хорошо видела это, видела, как он барахтается на траве, видела, как, встав на колени, пополз к ней...

– Ты! Стоять!

Это был не ее, а какой-то чужой голос... или все же ее? Нет, это был мужской командный голос, голос мужчины, продиравшегося сквозь кизильник...

И тут Дол тоже рухнула на землю.

Глава 17

В четверг, около полудня, Лен Чисхолм, сидевший в детективном агентстве «Боннер и Раффрей», произнес:

– Черт, не верю ни единому твоему слову! Ты просто хочешь стать гвоздем программы. У Фольца не было шансов.

– Не нужно обманываться. – Дол, сидевшая за письменным столом, пригладила волосы. – Шансы были десять к одному в его пользу. Если бы я передала это дело Шервуду, он наверняка вообще никуда не продвинулся бы ни с Джанет, ни с Мартином, ни с ними обоими, даже если бы и взял на вооружение мою версию. Отпечатки пальцев Джанет стерты. У прокурора на нее абсолютно ничего не было. Она могла легко отказаться от того, что сказала мне. Без показаний Джанет Шервуд ничего не сумел бы предъявить Мартину и, учитывая это, стал бы осторожничать, чего категорически нельзя было делать. Что уж там говорить о том, что я намеренно стерла отпечатки пальцев Джанет.

– Тебе в любом случае пришлось в этом признаться.

– Да. Но тогда все было уже кончено. Шервуд получил, что хотел... И я принесла ему это на блюдечке с голубой каемочкой.

– Что есть, то есть. – Лен вальяжно откинулся на спинку кресла и вздохнул. – Вчера днем я был в офисе Шервуда. Полагаю, ты видела сегодняшнюю газету. Мартин подписал признательные показания. Джанет тоже призналась, а де Руд – в больнице с раздробленной лодыжкой. Ты, должно быть, чертовски хороший стрелок. Вторая пуля прошла через пулевое отверстие первой.

– Она ушла в землю. Я пыталась лишь остановить его. А зачем тебя вызывали в офис окружного прокурора? Чего они от тебя хотели?

– Я ходил туда по делу. – Лен был донельзя высокомерен. – Думаешь, мы, газетчики, вообще мышей не ловим? Как, по-твоему, «Газетт» получила эксклюзивные материалы по этому делу? – Лен ткнул себя пальцем в грудь. – От меня.

– О... Значит, тебя восстановили на работе.

– Да, я, так и быть, согласился туда вернуться. Кстати, это напомнило мне, зачем я сюда пришел. Видите ли, мисс Боннер, наши читатели любят прикоснуться к реальным человеческим чувствам. Несомненно, в этой берчхейвенской истории больше всего им понравился один момент, задевающий тонкие струны их души, а именно развернутый ответ на вопрос: кто подхватил Дол Боннер, эту изысканную и утонченную королеву сыска, когда она упала в обморок? Какой-то неизвестный прохожий или проезжавший мимо мотоциклист? Нет, господа, ее подхватил не кто иной, как сам бравый полковник Бриссенден! Северный Ветер! И если ты дашь мне эксклюзивное интервью с описанием того, что почувствовала, оказавшись в объятиях сильных мужских рук...

– Обязательно дам. Но только по телефону. Ступай в телефонную будку и позвони мне оттуда.

– Я напишу статью с правильным подходом, держа читателя в постоянном напряжении. Расскажу, как де Руд, увидев, что ты уходишь с Мартином, заподозрил неладное и, увильнув от полицейских, прокрался за вами, а Бриссенден, случайно выглянув из окна салона для игры в карты, обнаружил, что де Руд идет следом за тобой с Мартином, и в свою очередь заподозрил неладное, ну и потом уже я, заметив, как Бриссенден сломя голову вылетел из салона, заподозрил неладное...

– Заткнись! Если тебя действительно восстановили на работе, может, тебе лучше... Ой, привет, привет!

Лен вскочил с места:

– Сильвия, привет!

Сильвия ответила на приветствие. Серый шерстяной костюм и темно-серый топ, наверное, пошли бы ей гораздо больше, если бы на ее щеках играл привычный румянец, но даже и так Сильвию нельзя было назвать дурнушкой. Она села на хромированный стул с желтой обивкой, вздохнула и вместо веера обмахнулась затянутой в перчатку рукой:

– Адская жара для сентября. Я только что провела два часа в адвокатской конторе Кабота. Он жуткая зануда, но зато, кажется, честный. – На ее лицо набежала тень и тут же исчезла. – Лен, я должна тебя ненавидеть, потому что ты газетчик, а они, боже правый, все ужасны! Ты выглядишь вполне элегантно. Это что, новая рубашка? И новый галстук. Очень красивый. Дол, ты наверняка им гордишься, да? Или мне следует называть тебя мисс Боннер, так как ты у нас теперь знаменитость? Кстати... – Сильвия замялась и слегка зарделась, демонстрируя, что серое ей вполне к лицу, если оно имеет свой обычный цвет. – Я хотела... я хотела сказать... Я горжусь тобой, и очень благодарна тебе, и хочу оставаться твоим партнером, если не возражаешь...

– Ах, оставь! – Дол откашлялась. – Я имею в виду эти глупости насчет гордости и благодарности. Но что касается партнерства, тут все нормально.

– Тогда хорошо. – Сильвия подошла к письменному столу и протянула Дол руку. – Ударим по рукам. Пока смерть не разлучит нас... Ой, я совсем не то имела в виду. – Она слегка поежилась и, прикусив губу, продолжила: – Как насчет обеда? Я жутко голодная. Мы втроем. За счет фирмы.

– Не могу, – покачала головой Дол. – В тринадцать ноль-ноль уезжаю на поезде в Грешем. Видишь ли... я не смогла увидеться с Диком в воскресенье. Нужно наверстать упущенное и еще передать ему кое-какие вещи. Вы с Леном идите вдвоем, без меня.

Лен что-то буркнул себе под нос, а Сильвия удивленно спросила:

– Что? С твоим Леном? Он со мной не пойдет.

– Пойдет как миленький. Если за счет фирмы. – Дол метнула на Лена взгляд своих золотисто-карих глаз из-под черных ресниц. – Что скажешь, Лен? Шталмейстер свадебного катафалка?

Лен отвесил Дол низкий поклон и, выпрямившись, произнес:

– Ты никогда не пробовала нырнуть в чан с кипящей смолой? Я знаю, где можно раздобыть такой для тебя. – И, повернувшись к Сильвии, добавил: – У меня открыт кредит у «Джорджа и Гарри». Пошли, Сильвия.

Горная кошка

Глава 1

В то июньское утро вторника в магазине спорттоваров Макгрегора покупателей не было и продавец стоял за прилавком, прислонившись спиной к полкам с рыболовным снаряжением и полузакрыв глаза в приятной полудреме. В своем воображении он прокручивал старый проверенный сюжет, который, конечно, можно было разнообразить новым, неожиданным поворотом, но в такой жаркий день не хотелось слишком напрягать мозги. Он представлял себе, как в магазин входит незнакомая покупательница – молодая красивая блондинка. Попросив показать ей теннисные ракетки и купив одну, блондинка признается с застенчивой улыбкой, что ей, наверное, придется взять в качестве партнера для игры в лучшем случае чернохвостого зайца, так как она в Коди человек новый и никого не знает, кроме своего адвоката. И тогда он, скромный продавец, назовет свое имя – Марвин Хоппл – и шутивно заметит, что теперь она знает его, а он уж точно не заяц... ну а затем бурное развитие событий... ее развод с богатым мужем, которого она больше не увидит или не желает видеть, и приличная сумма отступных, чтобы избежать утомительной процедуры ежемесячного получения алиментов.

С трудом подавив зевок, Марвин Хоппл резко выпрямился. В магазин действительно вошла покупательница – молодая, красивая, грациозная женщина, хотя и не совсем блондинка. Марвин поспешил придать лицу выражение, необходимое для создания подобающего первого впечатления, но, когда посетительница подошла поближе, восторг предвкушения сменился разочарованием.

Размечтался! Никакая она не восточная принцесса. А просто Делия Бранд, которая, как и Марвин, в свое время училась в старшей школе Коди, но только на класс младше. Тем не менее Марвин посмотрел на нее не без интереса, поскольку не видел Делию и не разговаривал с ней с тех самых пор, как в ее семье произошла трагедия, еще более загадочная и ужасная, чем та, что случилась у них примерно два года назад. Марвина слегка ошаршило лицо Делии, когда она приблизилась к прилавку. Оно казалось мертвым, и только в карих глазах горел такой странный огонь, что Марвину стало не по себе и его приветствие свелось к невнятному бормотанию.

Делия кивнула, поставила кожаную сумочку на прилавок, достала оттуда револьвер и, взяв его за ствол, ткнула рукоятку в Марвина:

– У вас есть патроны для этой штуки?

– Конечно. – Марвин снял револьвер с предохранителя, откинул барабан, вернул его на место и, прищурившись, заглянул в дуло. – Вам какие? С мягкой или твердой гильзой?

– Не знаю. А какие лучше?

– Смотря для каких целей.

– Я собираюсь застрелить из него человека.

Марвин снова заглянул ей в глаза. Он был смущен и даже слегка раздосадован. Даже если шутки насчет убийства людей иногда и бывали довольно забавными, то, учитывая трагическую историю семьи Делии Бранд, эта фраза из ее уст показалась Марвину образцом дурного вкуса, граничившим с непристойностью. Марвин, с его врожденным чувством приличия, не любил, когда люди переходили границы. Ни слова не говоря, он отыскал в ящике нужную коробку с патронами, завернул, перетянул резинкой и вручил Делии.

Дождавшись, когда она положит револьвер и патроны в сумочку, Марвин саркастически заметил:

– Но только не цельтесь в голову, если вы недостаточно хороший стрелок. Цельтесь вот сюда. – Он обвел пальцем область живота. – Куда-нибудь в середину туловища.

– Спасибо большое. – Делия повернулась к выходу.

Марвин проводил ее хмурым взглядом и, когда она вышла на улицу под палящее солнце, с тяжелым вздохом отправился в подсобку, где хозяин писал цены на коробках с новым товаром.

– Приходила Делия Бранд. Купила коробку с патронами для револьвера тридцать восьмого калибра.

Мистер Макгрегор, не поднимая глаз, закончил неразборчивую надпись карандашом, а затем спросил:

– Которая из двух сестер? Я вечно их путаю.

– Младшая.

– Ладно. Надеюсь, они и дальше будут исправно платить по счетам. По крайней мере, у обеих есть работа.

– Она купила патроны не в кредит, а за наличные. У нее с собой была пушка. «Хекер» тридцать восьмого калибра старого образца. Мне кажется, я должен поставить вас в известность. Когда я спросил ее, зачем ей патроны, она ответила, что хочет застрелить человека.

Макгрегор хмыкнул:

– За что боролся, на то и напоролся. Не суй свой нос в чужой вопрос. Вайоминг, конечно, расположен на Западе. Правда, наш Запад теперь не такой уж и дикий. Впрочем, всегда найдутся любители пострелять по сусликам, зайцам и консервным банкам. Ну а по мне так, чем больше, тем лучше. Мы, сынок, торгуем боеприпасами.

– Да знаю я, что торгуем. Ведь я сам их продаю. Надо было слышать, каким тоном она это произнесла. Лично я точно не сказал бы, что она шутила.

– Ты сам напросился.

Марвин Хоппл стоял на своем:

– Вы бы видели ее глаза, когда она это говорила. А еще до того, как она это сказала, да и после тоже.

Макгрегор, не выдержав, рявкнул:

– Не видишь, я занят! Убирайся отсюда и кончай меня доставать!

– Думаю, не помешало бы звякнуть в полицию и предупредить их, да?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.